

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Кафедра политологии
и политического
управления

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО,
ПОЛИТИКА, УПРАВЛЕНИЕ
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

МАТЕРИАЛЫ

ВТОРОГО МОСКОВСКОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ АКАДЕМИИ СОВМЕСТНО С РАПН И АПН
ПРИ УЧАСТИИ ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

12-13 АПРЕЛЯ 2024 Г.
МОСКВА, РАНХИГС

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
Институт общественных наук
Кафедра политологии и политического управления**

**ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, УПРАВЛЕНИЕ В
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

МАТЕРИАЛЫ Второго Московского политологического форума в
Президентской академии совместно с РАН и АПН при участии Фонда
президентских грантов
12-13 АПРЕЛЯ 2024 Г.
МОСКВА, РАНХиГС

Москва
2024

Оргкомитет конференции: Сопредседатели: Климова Г.С., Тимофеева Л.Н. Члены Оргкомитета: Арутюнов А.Г., Гамалей М.С., Демиденко С.В., Кречуняк Г.А., Шишова Н.М.

Программный комитет конференции: Борщевский Г.А., Гаман-Голутвина О.В., Дубровина О.В., Матвеев Ю.И., Мизулин М.Ю., Сморгун Л.В., Мчедлова М.М., Шабров О.Ф.

II Московский политологический форум в Президентской академии проводится при поддержке: Российской ассоциации политической науки, Академии политической науки, Фонда президентских грантов, научных журналов: «Дискурс-Пи», «Конфликтология», «Социальные и гуманитарные знания».

Власть, общество, политика, управление в междисциплинарных исследованиях. Материалы II Московского политологического форума в Президентской академии, Москва, РАНХиГС, 12-13 апреля 2024 г. / Под ред. Климовой Г.С., Тимофеевой Л.Н. - М.: ИОН РАНХиГС, 2024. - 221 с.

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников II Московского политологического форума в Президентской академии. Для политологов и специалистов всех смежных дисциплин, всех интересующихся современными политическими проблемами развития России. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
<i>Абрадова Е.С. (Москва, Финансовый университет)</i> ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	11
<i>Андреанов В.В. (Москва, Финансовый университет)</i> ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ	12
<i>Баранов Н.А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)</i> ПОЛИТИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРИОРИТЕТ	14
<i>Бахтуридзе З.З. (Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого), Васильева Н.А. (Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого)</i> БИОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ: ОТ «ЖИВОЙ СУЩНОСТИ» К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ	15
<i>Белова В.В. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЛОББИЗМА (ОПЫТ США)	17
<i>Бирюлин И.В. (Саратов, ПИУ им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС), Бирюлина Т.В. (Саратов, ПИУ им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЫБОРНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ	20
<i>Болдонов В.В. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> ТЕОРИЯ ИГР В АНАЛИЗЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	21
<i>Борщевский Г.А. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> МЕСТО КАДРОВЫХ РЕЗЕРВОВ В ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ	23
<i>Бочаров Ю.Б. (Израиль, Институт исследования информационных войн)</i> РАЗВИТИЕ ЭНЕРГО-ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА КАК ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ	24
<i>Бугайчук Т.В. (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского)</i> ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ	27
<i>Букин О.А. (Москва, РУДН им. Патриса Лумумбы)</i> ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ	29
<i>Василенко С.Б. (Москва, Финансовый университет)</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭЛИТ КАК ФАКТОР СПЛОЧЕНИЯ ВОКРУГ ВЛАДИМИРА ПУТИНА	31
<i>Ваславский Я.И. (Москва, МГИМО)</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА КАК ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	32
<i>Вафин А.М. (Москва, Финансовый университет)</i> ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ: АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ РФ И КНР	35
<i>Виноградова Н.С. (Москва, МГУТУ им. К.Г. Разумовского)</i> СОВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ РФ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПОЛИТИКО – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	37

<i>Воронкова О.А. (Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН)</i> СЕТЕВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ	41
<i>Гаврилова М.В. (Санкт-Петербург, СПбГИКиТ)</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ	43
<i>Гаман-Голутвина О.В. (Москва, МГИМО)</i> РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ.....	45
<i>Гребенникова Е. О. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА РЕГИОНОВ ИСПАНИИ	47
<i>Глухова А.В. (Воронеж, ВГУ)</i> К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ (ВНУТРИ- И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ).....	49
<i>Головин Ю.А. (Ярославль, ЯрГУ), Дан-Чин-Ю Е.Ю. (Москва, РУТ (МИИТ))</i> ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ОПОРА НА НКО.....	51
<i>Давыдов П.М. (Москва, РУДН им. П. Лумумбы)</i> МЕСТО И РОЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ ОРГАНИЗАЦИИ	53
<i>Дегтярёв А.А. (Москва, РУДН им. П. Лумумбы)</i> РОЛЬ ОБОСНОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВ И ВЫБОРА ГОСРЕШЕНИЙ НА ДОКАЗАТЕЛЬНО-АРГУМЕНТАЦИОННОЙ БАЗЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ.....	55
<i>Дегтярев Е.Е. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РАМКАХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В НОВОЙ МОСКВЕ.....	57
<i>Демчук А.Л. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСКРАН)</i> ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ/“ЗЕЛЕНАЯ” ПОВЕСТКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	60
<i>Денисов С.А. (Екатеринбург, Гуманитарный университет)</i> ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА В ФИЛОСОФИИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА	62
<i>Долженкова Е. (Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого)</i> ДИСКРИМИНАЦИЯ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ – ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА «МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ».....	64
<i>Евстифеев Р.В. (Москва, ИНИОН РАН)</i> ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ЗНАНИЯ КАК ВЫЗОВ ПОНИМАНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ.....	66
<i>Ефремов А.А. (Москва, ИТГУ ИПЭИ РАНХиГС)</i> ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА... 	68
<i>Жаде З.А. (Майкоп, АГУ)</i> ПОТЕНЦИАЛ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	71
<i>Зубов В. В. (Москва, Финансовый университет)</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В	

КОНТЕКСТЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ВЫЗОВОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	72
<i>Иващенко Т.В. (Барнаул, АлтГУ)</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ КИТАЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛИТЫ СТРАНЫ В ПЕРИОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА СИ ЦЗИНЬПИНА	74
<i>Ильичев М.В. (Москва, ЦЭМИ РАН), Лучкова Е.С. (Москва, РАНХиГС)</i> ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО РОССИИ	76
<i>Ильичева Л.Е. (Москва, ИГСУ РАНХиГС), Паршина Е.В. (Москва, ИГСУ РАНХиГС)</i> ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РЕГИОНАХ.....	78
<i>Ильичева М.В. (Москва, ИСП ФНИСЦ РАН)</i> ГАРМОНИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО ГОРОДА МОСКВЫ.....	80
<i>Исхакова З.З. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	82
<i>Калямина Д.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА: ОТ АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПОДХОДА К СОТРУДНИЧЕСТВУ	83
<i>Каташевич Е.Д. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> МНОГООБРАЗИЕ ЗЕЛЁНЫХ НАЦИОНАЛИЗМОВ.....	85
<i>Киселев К.К. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> РОЛЬ АВТОНОМИИ БАНКА РОССИИ В РЕШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ СТРАНЫ	88
<i>Козлова Н.Н. (Тверь, ТвГУ), Рассадин С.В. (Тверь, ТвГУ)</i> СЕМЕЙНАЯ ПОВЕСТКА НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В РОССИИ 2024.....	89
<i>Козьякова Н.С. (Москва, Финансовый университет)</i> ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АКЦИЙ ГРАЖДАНСКИХ ПРОТЕСТОВ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19	93
<i>Комлев Н.А. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБОЙ СУБЪЕКТОВ РФ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.....	95
<i>Копылова П.С. (Москва, Финансовый университет, ИНИОН РАН)</i> ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА КАК СУБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ	96
<i>Кречуняк Г.А. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> СООТНОШЕНИЙ КАТЕГОРИЙ ПРАВОВОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА.....	98
<i>Кузьмин А.Е. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)</i> ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ.....	100
<i>Кузьмина А.М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)</i> ТРАНСМЕДИЙНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	102

<i>Кулаковский Р.К. (Новосибирск, СибГУТИ)</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ	104
<i>Куликова Д. Д. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> ИДЕИ КОНСЕРВАТИЗМА СРЕДИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВА «АКАДЕМИСТОВ»	107
<i>Купряшин Г.Л. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К МОДЕЛЬНОМУ ОБНОВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ	108
<i>Лапин А.В. (Москва, ИГСУ РАНХиГС), Ильичев М.В. (Москва, ЦЭМИ РАН)</i> СТРАТЕГИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОТ РУЧНОГО К СИСТЕМНОМУ УПРАВЛЕНИЮ	110
<i>Лебедева М.М. (Москва, МГИМО)</i> ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА	112
<i>Леонтьева О.В. (Тирасполь, ПГУ им. Т.Г. Шевченко)</i> ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ВЫЗОВЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ	114
<i>Линде А.Н. (Москва, РЭУ им. Г.В. Плеханова)</i> ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ	116
<i>Малышева Г.А. (Москва, ФНИСЦ РАН)</i> РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	118
<i>Мальшико Ю.А. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ: ОТ ПРОПАГАНДЫ К МАРКЕТИНГУ	121
<i>Мизулин М.Ю. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> ВРЕМЯ ПОЛИТОЛОГИИ ПРАВА	124
<i>Мирзаджанов Т.Э. (Москва, МГИМО)</i> МНЕМОНИКА КАК ИСТОЧНИК ПРАВО-ПОПУЛИСТСКИХ НАРРАТИВОВ «ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ» (ПИС) В ПОЛЬШЕ 2015-2023	125
<i>Мчедлова М.М. (Москва, РУДН, ФНИСЦ РАН)</i> АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ СТУДЕНЧЕСТВА МОСКВЫ И РФ	127
<i>Недяк И.Л. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН)</i> ГОСПОДСТВО КАК ФОРМА ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ, ПОДХОДЫ К ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИИ, ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ВЕРИФИКАЦИИ	129
<i>Некlessа А.И. (Москва, Институт Африки РАН)</i> ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: КОНВЕНЦИЯ И АЛЬТЕРНАТИВЫ В АНАЛИЗЕ И ПРОГНОЗЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	131

<i>Никовская Л.И. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН, ИОН РАНХиГС)</i> МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ОЧЕРЕДНОГО ЭТАПА МУНИЦИПАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ	133
<i>Олимзода С.Ш. (Москва, РУДН им. П. Лумумбы)</i> РЕЛИГИОЗНЫЕ СМЫСЛЫ ПОЛИТИКИ: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВЕРЫ И ВЛАСТИ	135
<i>Орлова И.В. (Москва, ИГСУ РАНХиГС)</i> ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	137
<i>Павлюченко В.К. (Новосибирск, СИУ РАНХиГС)</i> ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ КОММУНИКАЦИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	139
<i>Паршина Е.В. (Москва, ИГСУ РАНХиГС)</i> СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ К СУЩНОСТИ И МЕХАНИЗМАМ РЕАЛИЗАЦИИ.....	142
<i>Полулях Д.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова), Рожественская О.Ю. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)</i> КОНЦЕПЦИИ М.М. БАХТИНА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: КАРНАВАЛА НЕ БУДЕТ?	144
<i>Привалов М.И. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> ПРИМЕНИМОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОЦЕНКИ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	146
<i>Прияцелюк К. А. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> ПОВЕСТКА ДНЯ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПЕРИОД: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВИДОВ И ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТЫ ВЛИЯНИЯ	147
<i>Римский В.Л. (Москва, МПСУ)</i> СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ	150
<i>Родионова М.Е. (Москва, Финансовый университет)</i> ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	152
<i>Садилова А.В., (Пермь, ПГНИУ)</i> ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ И АБСЕНТЕИЗМ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПРЕЗИДЕНТА РФ В 2024 ГОДУ)	154
<i>Сащенко Н.П. (Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)</i> ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	155
<i>Семочкина Е.В. (Москва, РАНХиГС)</i> ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В СУЖДЕНИЯХ ЧЛЕНОВ МОЛОДЕЖНЫХ СОВЕЩАТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР ПРИ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.....	157
<i>Сересова У.И. (Москва, РУДН им. П. Лумумбы)</i> ТУРИЗМ В РОССИИ: ГЕОПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ	159
<i>Слатинов В.Б. (Курск, КГУ)</i> ИЗМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ В	

КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И АКТУАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ.....	162
Сморгунов Л.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ) ТРАНСВЕРСАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ И КОММУНИКАТИВНАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ	164
Смотрицкая И.И. (Москва, Институт экономики РАН) ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС РАЗВИТИЯ..	166
Соколов А.В. (Ярославль, ЯрГУ) СОЦИАЛЬНОЕ РЕЙТИНГОВАНИЕ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	168
Соколов А.Э. (Москва, ИОН РАНХиГС) ВЫБОРЫ ГЛАВЫ В КРУПНЫХ МУНИЦИПАЛИТЕТАХ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА	170
Соколов Н.Н. (Москва, независимый исследователь) К ДИСКУССИИ ОБ ЭЛИТОГЕНЕЗЕ В ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	171
Соловьев А.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова) МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА	173
Сухонина Н. А. (Ярославль, ЯрГУ) ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКИМИ СМИ КОНФЛИКТА В ПРИДНЕСТРОВЬЕ В 2022-2023 ГГ.	175
Тимофеева Л.Н. (Москва, ИОН РАНХиГС) ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАТИВНОСТИ В МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	177
Тимофеева Л.Н. (Москва, ИОН РАНХиГС) ПАЦИФИЗМ, РАЗОРУЖЕНИЕ, ПОЛИТИКА СДЕРЖИВАНИЯ ИЛИ ЧТО ДУМАЮТ СТУДЕНТЫ О 9 МАЯ.....	179
Тимошенко В.И. (Москва, ИОН РАНХиГС) КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПЛАТФОРМ КАНДИДАТОВ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА РФ В 2024 Г. В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ.....	183
Тихонов Е. З. (Москва, ИОН РАНХиГС) МЕМЫ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ РФ 2024 ГОДА	186
Филиппов А. Р. (Москва, РУДН им. П. Лумумбы) К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ.....	188
Фролов Е. Р. (Москва, ИОН РАНХиГС), Федорова А. В. (Москва, ИОН РАНХиГС) ФЕНОМЕН ПОСТПРАВДЫ В МЕДИАСФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ..	190
Хачатурова Л. Д. (Москва, ИОН РАНХиГС) «ЧЕРНЫЙ ПИАР» В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДВЫБОРНЫЕ КАМПАНИИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ	192
Хмелев В.А. (Москва, ИГСУ РАНХиГС) «ПОВЕСТКИ ДНЯ» КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	193

<i>Цветкова Н.Б. (Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)</i> ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В НОВОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ	195
<i>Чайко И.В. (Москва, РГСУ)</i> НА ГРЕБНЕ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНОЙ «ВОЛНЫ»: РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В СВЕТЕ ОБЩЕМИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ.....	198
<i>Чайковская И.С. (Москва, ИГСУ РАНХиГС)</i> ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ИНВАРИАНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	200
<i>Челнокова А.П. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> ФРЕЙМ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	201
<i>Черных С.И. (Москва, ИЭ РАН)</i> МЕТОДЫ "МЯГКОЙ СИЛЫ" В ПОЛИТИКЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ.....	204
<i>Черкашин К.В. (Донецк, ДонГУ)</i> ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МЕЖДУ ТЕРРИТОРИЯМИ.....	206
<i>Шагабутдинов Р. Р. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА В 2014 ГОДУ КАК ОДНА ИЗ ОПОРНЫХ ТОЧЕК НАЦИОНАЛЬНОГО НАРРАТИВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	207
<i>Шевченко А.В. (Москва, ИПНБ РАНХиГС)</i> КАК ПРИМИРИТЬ АНТАГОНИСТОВ: ТРИАДИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ПРОТИВ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ.....	209
<i>Шикоряк А.А. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ.....	211
<i>Шилова Н.В. (Москва, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МВШСЭН)</i> ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС, ИСПОРТИВШИЙ НЕ ТОЛЬКО МОСКВИЧЕЙ: ДИСКУССИЯ О РЫНКЕ, ДОСТУПНОМ ЖИЛЬЕ И ДОХОДНОМ НЕРАВЕНСТВЕ.	213
<i>Шумкин А.В. (Москва, ИОН РАНХиГС)</i> СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ГЕГЕМОНИИ США: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД.....	216
<i>Щенина О.Г. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН)</i> РЕСУРСЫ ТОПОЛОГИИ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	218
<i>Almeldeen Neveen (Cairo, Egypt, National Center for Social and Criminological Research)</i> THE RELATIONSHIP BETWEEN SCIENTIFIC RESEARCH AND POLICY-MAKING PROCESS IN EGYPT	219

ПРЕДИСЛОВИЕ

II Московский политологический форум продолжает исследовать проблемы и границы междисциплинарности в политологии. Расхождения в терминологии и методах исследования все еще создают определенные сложности в проведении междисциплинарных исследований. Особое место занимает интеграция баз данных, формируемых различными дисциплинарными сообществами. Во многом это является следствием существующих институциональных барьеров в университетских и научных организациях. Но главной проблемой остается синтез знаний для его практического применения в области политического и государственного управления.

Политология во многом является наукой о настоящем, призванной минимизировать риски будущего и создавать условия для *summum bonum*. Поэтому в центре внимания организаторов и участников форума не только теоретические и методологические дискуссии о существующих междисциплинарных подходах, но и пути применения результатов междисциплинарных исследований.

Политическое и государственное управление нуждается во всестороннем понимании внутренней структуры и функционирования общества, власти и политики во всей их сложности. Это невозможно без интеграции знаний. Фактически мы видим политический запрос на междисциплинарные исследования, способные преодолеть шаблонные решения политических задач и обеспечить эффективное функционирование доказательной политики в условиях неопределенности. Стратегия и тактика политических реформ, инновации в публичной политике, управление международными отношениями, реформирование высшего политологического образования во многом зависят от того насколько глубоко и всесторонне академическое сообщество и практики политического управления смогут интегрировать свою деятельность.

**Климова Г.С.
Тимофеева Л.Н.**

Абрадова Е.С. (Москва, Финансовый университет)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ценности репрезентуют символы, смыслы и деятельностные установки, которые прошли апробацию в историческом опыте народа и воспроизводятся в новых условиях.

Представления об истории своей страны и народа далеко не всегда являются «естественно» формировавшейся памятью поколений, а часто выступают объектом и результатом осознанного воздействия политических акторов. Политику идентичности можно представить через модель политической системы Д. Истона, в которой требования и поддержка институтов трансформируются в политические решения. Таким образом, коллективной целью политической системы становится формирование основанной на ценностном ядре идентичности, отвечающей запросам общества и государства. Особенно актуален вопрос выстраивания политики памяти для молодых государств, появившихся на политической карте мира в конце XX века и длительное время не имевших опыта самостоятельной государственности, существовавших в рамках общего культурно-ценностного пространства. Такие государства в первую очередь пытаются сформировать у своих граждан представления о своей стране как о целостном, суверенном, самостоятельном субъекте международных отношений. Поэтому для таких государств оценка и представление народа о своем прошлом зачастую важнее, чем его настоящее. Формирование представлений о прошлом в настоящем происходит за счет выстраивания определенной системы интерпретации исторических событий через разнообразные формы культуры: кинематограф, литературу, живопись, музыку. Особую роль в трансляции ценностей и формировании идентичности играет образовательная среда, так как именно школы и университеты закладывают ценностные ориентации будущих взрослых граждан, национальные праздники и традиции, массовые мероприятия.

В 90-е гг. XX века Россия пережила серьезный кризисный период и оказалась в ситуации ценностного «вакуума», когда старая система ценностей рухнула. Условно процесс становления новой системы ценностей и выстраивания национальной политики памяти

можно разделить на два этапа: с начала 2000-х - первый этап формирования основ национально-государственной идентичности российских граждан, поиск новых ценностных ориентаций. Начало этого этапа было во многом связано с пониманием необходимости формирования «новой» идентичности, отсутствием единства нации, противоречиями в оценке истории страны. С 2013-2014 гг. начался второй этап, включающий в себя трансляцию образа сверхдержавы и резкое противопоставление российских национальных ценностей и российской идентичности западным.

Андреанов В.В. (Москва, Финансовый университет)
**ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ
САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ**

Санкции, введенные против России в целом и ее нефтегазового комплекса в частности, требуют решительных и в то же время гибких ответных мер со стороны руководства страны. В 2022-2023 годах произошли существенные изменения энергетической политики государства, к их числу можно отнести:

1. Изменение вектора поставок российских энергоресурсов, переориентация их на рынки стран АТР и других регионов на фоне введенного эмбарго на импорт нефти и нефтепродуктов со стороны государств «Большой семерки» (так называемый «поворот на Восток»);

2. Активное политическое взаимодействие со странами АТР (в первую очередь, Индией и Китаем) с целью формирования благоприятного политического и делового климата для реализации совместных энергетических проектов (в частности – проекта по строительству магистрального газопровода «Сила Сибири-2» в Китай);

3. Укрепление стратегического партнерства с другими странами-экспортерами нефти в формате ОПЕК+ с целью балансировки мирового нефтяного рынка и поддержания стабильно высоких цен на данный энергоресурс;

4. Пересмотр взаимоотношений с зарубежными инвесторами в топливно-энергетический комплекс РФ. Обеспечение передачи активов, ранее контролировавшихся западными корпорациями, в собственность или под оперативное управление российских компаний, привлечение в страну инвесторов из дружественных государств;

5. Инициирование пересмотра на глобальном уровне условий торговли энергетическими ресурсами. Речь идет, в частности, о дедолларизации финансовых расчетов, развитии системы страхования операций по перевозке нефтяного сырья, формировании новых площадок по торговле энергоресурсами (нефтяных бирж, газовых хабов), создании новых ценовых маркеров и т.д.

6. Обеспечение процесса импортозамещения в ТЭК, инфицирование разработки ряда критически важных технологий (сжижение природного газа, производство катализаторов для нефтепереработки и т.д.), а также организация выпуска необходимого оборудования (буровое оборудование, газовые турбины и т.д.) на государственных и частных предприятиях, стимулирования создания и использования отечественного программного обеспечения на объектах ТЭК.

Важно отметить, что энергетическая политика РФ в последние годы гибко сочетает патерналистические методы (с одновременным укреплением государственного сектора в энергетике) с использованием рыночных механизмов. В частности, для обеспечения эффективного частно-

государственного партнерства в области импортозамещения разработан широкий спектр инструментов:

а) поддержка НИОКР. Среди данных мер преобладают грантовые механизмы, то есть невозвратное финансирование научных учреждений и компаний со стороны государства. Согласно действующей практике, за счет грантов можно покрыть до 70-80% соответствующих затрат. Единственное обязательство, которое при этом берет на себя получатель субсидий, – обеспечение минимального объема выручки при реализации продукции, произведенной благодаря выполненным НИОКР;

б) меры господдержки, нацеленные на создание и масштабирование производства. Данная поддержка осуществляется как в виде грантов, так и, преимущественно, в форме льготных программ кредитования (в частности, в рамках Фонда развития промышленности);

в) механизмы поддержки спроса. В частности, гарантия 10%-ного аванса при поставках в адрес государственных компаний, повышенный коэффициент амортизации для отдельных видов продукции, а также так называемый «кэшбэк для потребителей»;

г) стимулирование экспорта (предоставление льготных кредитов для осуществления поставок, компенсация части затрат на логистику, сертификацию, участие в конференциях и выставках за рубежом и т.д.).

Вместе с тем существует ряд факторов, препятствующих повышению эффективности энергетической политики РФ. К их числу можно отнести:

1. Отсутствие скорректированной стратегии развития энергетического комплекса страны на средне- и долгосрочный период (поручение Президента РФ о разработке обновленной и пролонгированной до 2050 года Энергетической стратегии РФ до конца 2022 года выполнено не было);

2. Закрытость информации о параметрах функционирования энергетического комплекса РФ. Несмотря на наличие разумного основания для закрытия соответствующих данных (в целях противодействия санкциям), необходимо отметить, что отсутствие достоверной информации затрудняет прогнозирование и планирование в отечественном ТЭК;

3. Отсутствие четкого сопряжения между энергетической и климатической политикой РФ. Россия подтверждает свою приверженность целям Парижского соглашения, реализует комплекс мер, направленных на достижение углеродной нейтральности к 2060 году, но при этом не в полной мере учитывает данные цели при реализации своей энергетической стратегии;

4. Искусственное сдерживание инвестиционного процесса в ТЭК. В то время как в странах Запада наблюдается критическое снижение инвестиций в сферу разведки и добычи углеводородного сырья, являющееся следствием «зеленой политики», в России аналогичные явления происходят вследствие усиления фискального давления на нефтяную, газовую и угольную отрасли. Попытки решить проблемы федерального бюджета за счет увеличения налогов на нефтегазовые компании может привести к ослаблению

инвестиционного потенциала отрасли и к неспособности реализовывать новые масштабные проекты.

5. Недостаточные усилия государства по развитию высоких переделов углеводородного сырья. Проявлявшееся в 2010-х годах повышенное внимание к развитию нефтегазохимии (свидетельством чему служили регулярные совещания под председательством Президента РФ и главы правительства) в последние годы ослабло, хотя цели государственной политики в данной сфере по-прежнему до конца не реализованы.

Перечисленные обстоятельства служат основанием для внесения соответствующих корректировок в энергетическую политику РФ.

Баранов Н.А. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)
**ПОЛИТИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ КАК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРИОРИТЕТ**

Стремительное развитие информационных технологий в XXI веке кардинально изменило нашу жизнь. Экономика, социальная сфера, средства коммуникации не представляются возможными без цифровизации, которая все глубже проникает в сферу политики и управления. Как пишут российские исследователи Е.М. Стырин и Н.Е. Дмитриева, «цифровая трансформация – это процесс, который приводит в движение организационные изменения, необходимые для внедрения цифровых технологий в ядро организационных процессов»¹. Происходит процесс цифровой трансформации системы электронных государственных услуг в государственную экосистему услуг, в которой партнерами выступают органы власти, предприниматели, представители гражданского общества.

Несмотря на то, что интересы государства заключаются, главным образом, в поддержании стабильности политической системы, эффективном функционировании органов власти, интересы бизнеса связаны с возможностью своего развития и получения прибыли, а интересы гражданского общества в реализации собственных интересов, направленных на развитие личности, а также контроль за органами власти, всех объединяет потребность в безопасном функционировании цифровой инфраструктуры и доступности цифровых услуг. Поэтому политика в области цифрового развития становится драйвером роста экономики и совершенствования личности, а следовательно, должна находиться в центре внимания государства.

Утвержденная 28 февраля 2024 года Президентом России новая Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, в

---

¹ Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е. Государственные цифровые платформы: формирование и развитие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С.6.

которой определены цели, основные задачи и приоритеты научно-технологического развития страны, определены стратегические ориентиры и возможности научно-технологического развития², направлена на создание в стране необходимых условий для ее утверждения в качестве мировой научной и технологичной державы.

В логике Стратегии научно-технологического развития России планируется запуск новых национальных проектов технологического суверенитета в таких областях, как здравоохранение, продовольственная безопасность, робототехника, все виды транспорта, беспилотные авиационные, морские и другие системы, экономика данных, новые материалы и химия, конкурентные продукты в области космических, атомных и новых энергетических технологий, о чем российский президент говорил в своем обращении к Федеральному собранию 29 февраля³.

Формирование технологических платформ является необходимым условием суверенитета страны. Кроме оборонных отраслей и объектов критической инфраструктуры все большее внимание уделяется проникновению цифровых технологий в деятельность органов публичной власти, а государственные цифровые платформы служат основой конструктивных взаимоотношений государства и бизнеса.

Современным государством может считаться такое, которое создает комфортные условия для развития человека, способствующего развитию общества, что в целом является необходимым условием стабильного развития государства. И России находится на этом пути.

Бахтуридзе З.З. (Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого),

Васильева Н.А. (Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого)

БИОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ: ОТ «ЖИВОЙ СУЩНОСТИ» К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

В середине прошлого века А. Тойнби, анализируя закономерности развития цивилизаций, вывел формулу выживания: «вызов – ответ», что означает необходимость адекватной реакции творческого меньшинства цивилизации на вызовы окружающей среды, понимаемой достаточно широко. В условиях первой половины XXI века современная глобальная цивилизация оказалась перед вызовом искусственной среды – социальные издержки внедрения технологий искусственного интеллекта, что требует адекватного ответа, но для этого необходимо понять характер и степень опасности этого вызова, а также определиться со способами эффективного противодействия

---

² Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента России №145 от 28 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/HHNAzTI1guyX9Y00yaFA4KkMWPYycWS8.pdf> (дата обращения: 03.03.2024).

³ Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 03.03.2024).

его негативным последствиям. Если XX век прошел под знаком научно-технической революции, где в основе лежали дисциплины из сферы точных наук, то XXI век ознаменован ускоренным развитием комплекса наук о «живом веществе» (В.И. Вернадский), изучение механизмов функционирования которого востребованы для понимания взаимовлияния естественной и искусственной среды обитания человечества на современном этапе развития.

На сегодняшний день в политической науке наполнение категории «жизнь» содержательно «определяется двумя основными подходами: биолого-антропологическим, что подчеркивает важность жизни человека как «*homo sapiens*», поэтому на первый план выходит комплексная проблема сохранения окружающей среды и человека как части природы; политико-антропологическим, что акцентирует внимание на социальных константах жизни человека, где важнейший смысл приобретает комплекс вопросов осуществления свободы и всестороннего развития человека в социуме как гражданина и личности» (Соловьева Е. С.). Кризис во взаимодействии естественной и искусственной среды обитания человека вызвал к жизни концепцию устойчивого развития, что повлекло за собой изменения в современном раскладе властных функций государства и общества и, как отмечал М. Фуко, «на протяжении тысячелетий человек оставался тем, чем он был для Аристотеля: живущим животным, способным, кроме того, к политическому существованию; современный же человек – это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа ставится под вопрос» (Фуко М.).

Согласно академику В.И. Вернадскому, биосфера – это особая, схваченная жизнью оболочка Земли, а «жизнь обладает важнейшим свойством экспансии во все доступные ей области» (В.И. Вернадский). Если основываться на данных комплексных научных исследований (геология, биология, палеонтология и пр.) (Millennium Ecosystem Assessment, 2005.), то биосфера Земли за 3,5 млрд лет кардинально менялась с периодичностью примерно в 62 млн лет. При этом происходило почти полное или частичное исчезновение одних видов живого и появление других, которые занимали освободившиеся жизненные ниши. Важно отметить, что современный тип биосферы существует уже 65 млн лет и ученые отмечают явные признаки вымирания. Лучшим индикатором является площадь лесов, которая уменьшилась в два раза ещё до начала активного воздействия человека. Процессы вымирания идут активно, особенно под воздействием человека, и выживут те виды, которые лучше всего приспособятся к новым условиям (Сухонос С. И.). Именно о роли человека в изменении современной биосферы идут дискуссии среди ученых. По мнению одних, за последние 10 тыс. лет человек настолько активно изменил природу, что вышел на лидирующее место в отряде позвоночных, ускоряя процессы исчезновения остальных. Иная точка зрения состоит в том, что «малая длительность человеческой истории по сравнению с жизнью на Земле как раз подчеркивает, что с появлением человека жизнь перешла к совершенно новому этапу самоорганизации, когда

ее способность понижать энтропию окружающей среды естественным путем» (Шредингер Э.) трансформировалась в процессы влияния человека на нее. В частности, оказалось, что человек способен жить и работать в условиях искусственной среды (в космосе, под водой, под землей) способен терраформировать безжизненные планеты. Возникает вопрос о способности человека подчинить себе эволюционный процесс, превратив его в коэволюцию в форме ноосферной цивилизации.

Если в период холодной войны, по мнению Р. Арона, главными акторами мировой политики были солдат и дипломат, а в 90-ые годы Дж. Розенау вывел на первый план фигуры туриста и террориста, то в настоящий момент на авансцену мировой политики вышли – фармацевт и IT-специалист, потому что именно эти отрасли мировой экономики стали важнейшими в XXI веке. Весьма серьезной проблемой в сложившихся условиях становится социальная изоляция, т.к. человеческие естественные коммуникации сведены к минимуму, а ускоренное развитие получили вторичные IT виртуальные связи, о чем с тревогой писала еще в 80-ые годы XX века немецкий социолог Б. Метлер-Мейбом, подчеркивая тот факт, что «получение информации, впечатлений при помощи информационной технологии, т.е. из «вторых рук», нарушает биологически детерминированный способ усвоения информации и взаимодействия. В психике человека формируется дематериализованный мир, заменяющий реальный, материальный мир с материальными взаимодействиями, к которым приспособлены тело и психика человека» (Метлер-Мейбом Б.). Еще с конца прошлого века в научный обиход вошел термин «стеклянный человек», что означает полное отсутствие в условиях тотального внедрения цифровых технологий тайны личной жизни. Это происходит, как по воле самих граждан через социальные сети, так и с помощью ИИ технологий на основе анализа Big Data.

Учитывая тот факт, что разработка и внедрение ИИ технологий является магистральным направлением научно-прикладных исследований, открывающим большие возможности для человека в управлении естественной, искусственной и цифровой средами своего обитания, важно подчеркнуть, что, развивая технологии коэволюции, необходимо исходить из важнейших аксиологических предпосылок сохранения и преумножения «живого вещества», для чего ИИ технологии являются важнейшими, но лишь инструментами в руках homo sapiens.

Белова В.В. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЛОББИЗМА (ОПЫТ США)

Проблема институциональных ловушек, обусловленных несовершенством государственного управления в условиях лоббирования, свидетельствует о нарушении главной функции государства – удовлетворения

общественных потребностей. Напротив, лоббизм как процесс реализации частных интересов, не исключаяющий теневого давления крупных игроков на представителей власти, вызывает все больше вопросов о легитимности применения латентных корпоративных стратегий в управлении.

В этой связи сочетание поведенческих и политико-экономических теорий в основе парадигмы экономического неоинституционализма весьма актуально для объяснения основных причин, по которым формальные институты политического представительства дополняются (либо вовсе подменяются) деятельностью вне официально санкционированных каналов.

Так, сквозь призму рационального выбора Д. Норта формула «отлаженные формальные институты = эффективность»⁴ недостаточно точно отражает политическую реальность. Формализованность не предполагает сокращения транзакционных издержек (времени, информации и прочих ресурсов, связанных с бюрократическими процессами), следовательно, не представляется для участников выгодной. Иначе, в общественно-политической жизни всегда присутствовал выбор как минимум между двумя поведенческими альтернативами: транспарентной деятельностью в рамках официальных норм, либо - «в тени» публичных процессов. В логике политического рынка последней отдается преимущество в связи с эгоистическими соображениями эффективности.

Более того, теория указывает на обоюдность извлекаемой выгоды: корпорации снижают неопределенность правил игры за счет надежных связей с чиновниками, которые ориентируются в «коридорах власти» и способствуют получению эксклюзивной информации для предвосхищения политических рисков - нежелательных изменений в законодательстве. В свою очередь отдельные чиновники уменьшают временные затраты на выработку решений в рамках бюрократических и законодательных институтов, а также удовлетворяют личные амбиции, сотрудничая с крупными корпоративными интересами, приобретая возможности обмена финансовыми выгодами и будущие перспективы в контексте трудоустройства с помощью «вращающихся дверей». Таким образом, появляются основания предполагать о намеренном формировании тайного союза между государством и крупными корпоративными группами.

Важно, что подобное сотрудничество в контексте теории принципал-агентских отношений презентует бюрократию как агента, действующего в ущерб интересам избирателей – коллективного принципала, так как узкие цели корпораций могут противоречить общественно заявленным. Так, возникает проблема неравномерности информации, в которой агент, обладая большим количеством информации, чем принципал, может фальсифицировать или вовсе скрывать ее, выдавая «частные» политические решения за социально полезные. Подобный изъян демократии аналогично подмечает Г. Таллок, заключая о самостоятельности и дисфункциональности

---

⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики\ Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997 —С. 46-47.

поведения государственных служащих, что приводит к смешению административных и политических функций государственного управления⁵.

В подобных условиях всегда существует риск олигархизации политической системы. Концепт политического рынка как свободного и конкурентного политического пространства рушится, превращаясь в своеобразную «систему представительства, части которой организованы в несколько неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов»⁶. Под «разрядами» здесь подразумеваются различные группы интересов, среди которых именно корпорации наиболее приближены к государству, поскольку обладают «выгодными» для политических деятелей материальными, организационными и информационными ресурсами, как следствие, наделены монополией на осуществление лоббистского вмешательства в законотворческий процесс.

Сегодня некоторые черты корпоративизма прослеживаются даже в англо-саксонских странах с присущей им плюралистической моделью управления. Так, высокоорганизованное лоббистское законодательство в США подвергается критике за допущение недемократических теневых механизмов с применением коррупционных схем, создающих ловушки для стабильного функционирования системы. Например, лоббисты, хоть и не имеют прямого права финансирования кандидатов, закон разрешает поступления пожертвований от корпораций на организацию эффективной партийной деятельности, однако информация о дальнейшем движении финансового капитала внутри партии – не транслируется, способствуя практикам отхода от установленных норм.

Таким образом, несмотря на легализацию лоббизма во многих странах, формы передачи информации вне официальных процедур отчетности, снижающих затраты на трансакции, остаются востребованными. Следовательно, основными приоритетами государственного управления по развитию лоббизма в настоящее время являются усовершенствование законодательства для предотвращения гипервысокой корпоративной активности в принятии политических решений, а также обеспечение более тщательного надзора за прозрачностью деятельности бюрократии при осуществлении ими политико-административных функций. Подобные меры будут способствовать снижению рисков дисфункции институтов представительной демократии.

---

⁵ Gordon Tullock *The Politics of Bureaucracy*. - No. 65-14383 изд. - Washington : Public Affairs Press, 1965.

⁶ Schmitter Ph. *Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World / F. Pike, T. Stritch (eds.)*. London, 1974. P. 85–131

*Бирюлин И.В. (Саратов, ПИУ им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС),
Бирюлина Т.В. (Саратов, ПИУ им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)*
**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЫБОРНОГО ПРОЦЕССА В
РОССИИ**

В марте 2024 года состоялись выборы Президента Российской Федерации – ключевое событие, определяющее курс развития нашей страны на годы вперед. Несколько последних десятилетий за ходом выборов в России пристально следят не только граждане страны, но и представители других государств. Взяв курс на военное, экономическое, политическое и информационное противостояние с Россией, Запад своей конечной целью обозначил ликвидацию суверенитета нашей страны, в том числе и через подрыв доверия населения к выборам, системе власти и управления страной, которая формируется в первую очередь на основе выборов. С попытками структур США и других стран НАТО контролировать и влиять на ход и результаты выборов Россия сталкивается с момента развала Советского Союза.

В международном праве любая попытка внешнего вмешательства во внутренние процессы страны приравнивается к посягательству на ее суверенитет, целостность, свободы и права граждан. Например, Соединенные Штаты Америки очень ревниво отнеслись к слухам, впоследствии опровергнутым, о вмешательстве России в выборы президента США в 2016 году, но они в то же время считают вполне допустимым и оправданным вмешательство в избирательные процессы в других странах. Следовательно, одна из важнейших задач нашего государства – защитить своих граждан и их выбор от вредоносного внешнего вмешательства, направленного на разрушение общественного единства, дестабилизацию социально-политической обстановки, подрыв основных принципов народовластия, главенствующего в нашей стране. Президент Российской Федерации Владимир Путин, как гарант прав, уделяет большое внимание недопустимости вмешательства в избирательные процессы: «Что касается действий государства, мы и впредь будем делать все необходимое, чтобы исключить любое незаконное вторжение в ход избирательного процесса. Попытки внешнего и внутреннего вмешательства, давления на избирательный процесс будут пресекаться».⁷

К внутренним инструментам защиты избирательного процесса от внешнего вмешательства, на сегодняшний день наша страна обладает рядом развитых инструментов, препятствующих планам наших «западных партнеров». Все изменения в избирательной системе Российской Федерации за последние десятилетия направлены на усиление контроля за выборным процессом, повышение уровня его прозрачности, недопущение фальсификаций и нарушений прав граждан, их волеизъявления. Так, в

---

⁷ Владимир Путин, Президент Российской Федерации. Ново-Огарево. 15 ноября 2023 года. URL: <https://ria.ru/20231115/putin-1909639028.htm> (дата обращения 10.02.2024)

частности, инструментом этого механизма стало привлечение самих граждан к контролю за избирательным процессом.

В частности, в 2018 году был принят федеральный закон, позволяющий Общественной палате Российской Федерации и общественным палатам субъектов Федерации назначать наблюдателей при проведении выборов в органы государственной власти регионов и местного самоуправления. В 2023 году в федеральное законодательство включена норма об обязательности наличия института общественного наблюдения и право Общественной палаты России и региональных общественных палат направлять наблюдателей на выборы всех уровней. Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации существует закрепление статуса общественного наблюдателя на законодательном уровне и создан эффективно работающий механизм общественного контроля. Данный механизм апробирован в рамках трех федеральных кампаний: по выборам Президента Российской Федерации 2018 г., общероссийскому голосованию по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ 2020 г. и выборам депутатов Государственной Думы в 2021 г., – а также в ходе региональных избирательных кампаний 2018–2023 гг. Так, в 2023 г. в ходе региональных и муниципальных выборов Единого дня голосования подсчет голосов на участках контролировали свыше 183 000 наблюдателей, включая 64 000 общественных наблюдателей.

Сегодня в нашей стране разработан достаточный комплекс мер, чтобы защитить граждан от негативного внешнего воздействия, подтвердить право народа на волеизъявление, отстоять конституционную независимость и обеспечить легитимность выборного процесса.

Болдонов В.В. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ТЕОРИЯ ИГР В АНАЛИЗЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Такой феномен как политика активно рассматривается с помощью использования междисциплинарного подхода. Методы различных наук позволяют осветить, обнаружить и формализовать привычные процессы и явления, выявить новые аспекты и классифицировать их.

Особый интерес представляет насколько успешно методы сторонних наук справляются с исследованием политических процессов. В рамках данного исследования будет проанализирован математический теоретико-игровой подход в рамках анализа международных отношений в отечественной и зарубежной литературе с точки зрения соответствия результатов моделей и выводов авторов реальному ходу политических процессов между государствами.

Прежде всего обратимся к понятию «теории игр», под которым понимается математический метод анализа стратегического поведения в виде взаимодействия сторон – рационально-мыслящих субъектов. Метод широко

применяется при анализе процессов в общественных науках: экономике, политике, социологии и других. Зародилась теория игр в середине XX века и связана с именами Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна. Дальнейшее развитие обеспечили Мерилен М. Флуд, Мелвин Дрешер и Джон Нэш, по имени которого получило открытое им равновесие в дискретных и смешанных стратегиях.

С развитием теоретико-игровых моделей увеличивалось количество типов игр, приведём основные:

1. «Кооперативные/некооперативные», рассматривающая группы игроков, их стратегии и выигрыши, зависящие от состава коалиции и стратегии оппонентов;

2. «Симметричные/асимметричные» в рамках которых рассматриваются самые известные модели – «цыплёнок» и «дилемма заключённого»;

3. Игры «одновременные/последовательные», известные благодаря изображениям масштабных матриц и деревьев решений оных;

4. И другие.

Среди ныне действующих зарубежных авторов в анализе международных отношений с помощью теоретико-игрового подхода можно выделить Нолана Маккарти и Адама Мейровиц, Уильяма Спаниеля и его «Формальные модели антикризисных переговоров», анализ загадки «неэффективности войны» и другое; Питер Джон Вуд и рассмотрение возможности и последствий составления соглашения о снижении выбросов парниковых газов в атмосферу, где выводы идентичны результатам «дилеммы заключённого», игровой модели «ультиматум» с применением наказания и граничат с «проблемой безбилетника» - соглашение возможно только если как можно большее число стран согласится выполнять условия соглашения. Данные выводы встречаются и в анализе договоров по сокращению вооружения; Хо, Скворцов, Пиравинан и другие анализировали возможность применения теории игр оборонных приложениях и видах военных компаний – кибервойны, войны в воздушном пространстве и т.д.

Современные зарубежные исследования демонстрируют активное использование теоретико-игрового подхода в анализе процессов международной политики. В отечественной научной литературе и исследованиях теоретико-игровой подход не получил соответствующего развития как в США, но тем не менее используется в анализе международных отношений в работах Дегтярёва Д.А., Дегтярёва В.А., Шатруна В.В.

Переходя к анализу использования теоретико-игрового подхода в международных отношениях, стоит начать с рассмотрения модели решения Карибского кризиса – политического конфликта с множеством неизвестных переменных и скрытой для участников конфликта информацией. По мнению Грэма Аллисона, теория игр не способна раскрыть все трудности и объяснить кризис, который Аллисон рассматривал как конфликт между СССР и США. В этом ключе коллектив авторов в лице Диксита, Скита и Рейли-младшего не согласился с данными выводами и предложили альтернативный взгляд

«балансирование на грани - практика постепенного повышения риска обоюдного ущерба», в котором Кеннеди удалось добиться «контролируемой потери контроля» за счёт повышения видимого накала ситуации, что в итоге привело к положительному для США результату. Модель из двух возможных выборов для США и СССР переросло в масштабное «дерево стратегий», в котором просчитываются несколько переменных, от количества неизвестных зависит стратегия и план действий. Так Кеннеди прежде, чем отвечать СССР на размещение ядерных ракет на Кубе, следовало убедиться в непоколебимости советского руководства в желании преступить черту и начать ядерную войну - следует из аналитической модели коллектива авторов.

Стивен Дж. Брэмс с помощью отказа от правил игры «балансирования на грани» и перехода в плоскость «теории ходов» приходит к результатам, которые соответствуют завершению кризиса в реальной жизни – инициация компромисса со стороны СССР. В его математической модели в несколько ходов именно данная стратегия была наиболее «выгодным» результатом.

Ещё один конфликт на почве ядерного вооружения между Израилем и Ираном также был рассмотрен с помощью теории игр в работе Сердара Гюнера, который считает, что «Основное преимущество игровых моделей заключается в дисциплинированной стилизации международных взаимодействий». В рамках составленной им упрощающей многие аспекты модели он приходит к следующему выводу: «Равновесием» в модели является для Израиля выбрать политику ненападения, для Ирана политика продолжения ядерных разработок и заявлений о них.

Таким образом, математический теоретико-игровой подход, используемый для анализа международных отношений, предоставляет упрощённые модели и способен помочь политическим деятелям или исследователям делать логичные выводы. Нюанс прогнозирования состоит в точности анализа, которая местами проседает из-за некорректно выбранных переменных и моделей. Используя теорию игр для анализа политических процессов возможно выявление информации, которой недостаёт для точных выводов, что является замечательным инструментом для систематизации действий и корректировки направления для анализа и сбора информации. Несмотря на критику метода, он способен предоставлять соответствующие реальному ходу вещей результаты.

Борщевский Г.А. (Москва, ИОН РАНХиГС)

МЕСТО КАДРОВЫХ РЕЗЕРВОВ В ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ

С 2024 года в России действует федеральный кадровый резерв на государственной гражданской службе. Этот шаг, во-первых, вытекает из закона, принятого два десятилетия назад, и неоднократно предлагался

экспертным сообществом⁸. Во-вторых, создание федерального резерва логически следует из предыдущих действий российского руководства по выстраиванию кадровой вертикали, понимаемой как организационно-правовой механизм проведения кадровой политики в масштабах всех уровней системы публичной власти в РФ.

Федеральный резерв предназначен для использования руководителями федеральных ведомств, главами субъектов РФ, руководителями госкорпораций, внебюджетных фондов и публично-правовых компаний для назначения на руководящие должности. Его формирует Администрация Президента РФ на основе рекомендаций Правительства РФ, федеральных госорганов и глав субъектов РФ.

Подобный резерв ранее уже существовал в виде федерального резерва управленческих кадров. Главных новаций в связи с созданием федерального резерва видится две. Во-первых, впервые публично артикулирована роль руководителя Администрации и Помощника Президента по кадровым вопросам, ранее отсутствовавших в актах по госслужбе, но которые, очевидно, являются центральными акторами, исходя из позиции Президента в сложившейся вертикали власти. Во-вторых, в кадровую вертикаль *de jure* вовлечены субъекты РФ с их системами гражданской и муниципальной службы, а также государственные компании и подведомственные организации госорганов. Ранее их участие в кадровых процессах на государственной службе напрямую не было прописано и имело латентный характер на фоне существования «ведомственных колодцев»⁹. Теперь эти акторы тоже официально представлены в вертикали, что логически завершает происходящую в последние годы институционализацию «публичной» службы.

Сильной стороной этих изменений является завершение растянувшегося на два десятилетия формирования иерархии кадровых резервов. Также впервые нормативно зафиксирована кадровая работа с высшими государственными служащими, которая раньше, по сути, не была урегулирована. Слабой стороной является идентификация кадровой вертикали как неопатримониальной, сохраняющей принципал-агентские отношения за ширмой формально-правовых инструментов модерна.

Бочаров Ю.Б. (Израиль, Институт исследования информационных войн)
**РАЗВИТИЕ ЭНЕРГО-ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА КАК ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ**

Ситуация на Ближнем Востоке практически еженедельно попадает на страницы мировых СМИ и не всегда в разделе экономики. Постоянную

---

⁸ Шебураков И.Б., Татарина Л.Н. Кадровые резервы в РФ. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021. (Научные доклады: государственное управление).

⁹ Шкляр М.С. (ред.). Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения. М.: Счетная палата РФ, Центр перспективных управленческих решений, 2021.

нестабильность и конфликтность на Ближнем Востоке можно объяснить множеством факторов, включая исторические, политические, экономические и религиозные аспекты. Однако сегодня в этом регионе сходятся интересы мировых акторов, что постоянно приводит к напряженности и конфликтам.

Стратегическое положение Ближнего Востока делает его не только ключевым регионом с точки зрения энергетической безопасности, но и центром геостратегических интересов и влияний сильных мира сего. Большинство крупных мировых держав, таких как США, Россия, Китай и страны Европейского союза постоянно стремятся укрепить свою позицию в регионе. Контроль над местными ресурсами оказывает значительное влияние на экономику и политику государств мира.

При этом, в последние четверть века акцент контроля над энергетическими ресурсами переместился на пути их транспортировки. Сейчас порой не важно, кто и как добывает энергоресурсы, а главное кто и как их может доставить потребителю.

Сегодня именно энергетические трассы и транспортные коридоры играют ключевую роль в глобальных экономических и геополитических взаимодействиях, особенно на Ближнем Востоке. Контроль за энергетическими маршрутами и транспортными коридорами обеспечивает влияние на поставки энергоносителей и других товаров в различные страны мира. Однако, ситуация, складывающаяся в регионе, особенно в вопросах взаимоотношения стран, привела к тому, что часто благополучие и процветание одной страны зависит от наличия проблем в другой и данная проблематика часто возникает в связи с безопасностью и стабильностью функционирования всех «транспортных» коридоров региона.

Примером является Ормузский залив, который соединяет Персидский залив с Оманским заливом и является ключевым путем для транспортировки нефти из региона. Контроль над этим стратегическим узлом имеет огромное значение для государств, так как блокировка или конфликты в этом районе могут привести к нарушению мировых энергетических поставок. Последние события вокруг Йемена напомнили о значимости Баб-эль-Мандебского пролива, соединяющего Красное море и Аденский залив Аравийского моря.

А ведь через эти водные артерии проходит около 20% всего мирового экспорта нефти и газа. В целом, даже малая эскалация вокруг этой морской транспортной артерии способна привести к экономическому шоку международного рынка энергоресурсов.

При наихудшем сценарии выходов не так много: страны Аравийского полуострова, конечно, обладают трубопроводами, но, согласно различным оценкам, они смогут покрыть лишь незначительный объем, который никто не будет в состоянии восполнить. При этом Катар, который занимает третье место в мире по экспорту СПГ, может оказаться в катастрофическом положении из-за полного отсутствия альтернативы для перевозки газа.

Частичное перекрытие хуситами Баб-эль-Мандебского пролива привело к тому, что крупнейшие транспортные компании уже вынуждены выбирать более длинные маршруты через мыс Доброй Надежды (ЮАР), минуя тем

самым Красное море, что повышает страховые и топливные издержки из-за увеличения пути в Европу как минимум на несколько недель.

Нынешний конфликт пока нанес удар лишь по одному из «транспортных» коридоров и готов перекрыть не менее важный «информационный», перерубив все подводные кабели, которые соединяют Азию с Европой. Можно сказать, что в данном случае региональная война вокруг Йемена выходит на новый уровень, который ранее практически не попадал под особый удар – уничтожение интернет-связи. Ведь ранее практически все региональные войны были связаны именно с залежами энергоресурсов и путей их транспортировки. Так, ирано-иракская война (1980–1988), вторжение в Кувейт (1990–1991), война в Ираке (2003–2011) и продолжающаяся ныне Сирийская гражданская война, так или иначе были связаны с контролем над нефтяными месторождениями и над прибрежными областями и портами.

Эти примеры подчеркивают, как нефтепроводы и ресурсы нефти могут стать источником напряженности и конфликтов на Ближнем Востоке, а также влиять на ход военных действий и геополитические события в регионе. Страны часто вступают в конфликты из-за территориальных претензий или желания контролировать ключевые нефтяные маршруты. При этом, как показывают практически все войны в регионе, мировые державы как правило под любым благовидным предлогом вмешиваются в региональные конфликты, стремясь обеспечить свой интерес в нефтяном секторе.

В результате нефтепроводы становятся объектами стратегического интереса, и вокруг них разгораются различные политические и военные конфликты. К примеру, назревающий конфликт вокруг строительства газопровода из Ирана в Пакистан. После 10 лет согласований и строительства Ираном своей части газопровода, Пакистан «вдруг» сообщил о невозможности строительства своего участка магистрального газопровода «Мир» из-за возникших форс-мажорных «обстоятельств». Однако, главной проблемой при строительстве газопровода было давление со стороны США на Пакистан и Индию, чтобы не допустить ослабления изоляции Ирана. В итоге, только угроза разбирательства в арбитражном суде и огромные штрафы заставили Пакистан заключить новое соглашение по газопроводу. И таких примеров в регионе достаточно. Так строительство Китайско-пакистанского коридора из серии «Пояса и пути» вызывает определенную «озабоченность» у Индии. Вариант обхода Зангезурского коридора в Армении через параллельный путь из Азербайджана через Иран и далее в Турцию, вызывает «протесты» во Франции и США. Соединение железнодорожных путей Ирана и Азербайджана для продвижения транспортного коридора «Север — Юг» из портов Персидского залива через Иран, Азербайджан, Россию в Европу вызывает не просто «озабоченность» США, а приводит к ее обвинениям в адрес Азербайджана о якобы «нарушении прав человека» с угрозой экономических санкций. Не меньше претензий вызывает у США различные варианты «китайского шелкового пути» в регионе. При этом американцы продвигают вариант железнодорожного сообщения из портов Саудовской

Аравии через Иорданию в порты Израиля. Хотя Израиль и приветствуют этот проект, но стал с опаской относиться к американским проектам в регионе. Так долго разрабатываемый газопровод EastMed из Израиля через Кипр в Грецию и далее в Италию, после нескольких лет разработок и согласований, был в течение дня остановлен США после подписания им с Италией контракта о строительстве там заводов по приемке американского СПГ.

Как мы видим, стабильность в регионе тесно связана с управлением и контролем над энерго-транспортными коридорами. Экономическая значимость этих транспортных маршрутов также проявляется в том, что многие страны заинтересованы в установлении контроля или влияния в этом регионе для обеспечения своих экономических потребностей. Это создает конфликтные ситуации и международные напряжения, так как различные государства стремятся обеспечить свой доступ к ресурсам и контролю над транспортными путями.

В итоге развитие энерго-транспортных коридоров на Ближнем Востоке служит как источником развития, так и катализатором региональных конфликтов. Понимание взаимосвязи между энергетическими стратегиями, геополитикой и конфликтами представляет собой важный аспект для разработки устойчивых и мирных решений в этом стратегически важном регионе.

Бугайчук Т.В. (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского)
**ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ**

Феномен гражданской идентичности определяется как интегративный¹⁰, так как предполагает не только политологический контекст как некий результат развития гражданского общества и критерий государственной стабильности¹¹, но и психологический контекст – как результат развития гражданского самосознания личности, который происходит в процессе ее гражданской активности и проявляется в гражданской позиции и поведении личности.

Поэтому исследование гражданской идентичности предполагает применение междисциплинарных методов. К ним можно отнести психосемантический метод исследования. Термин «психосемантика» заимствован у Ч. Парфетти и использован для обозначения области исследования, возникающей на стыке психолингвистики, психологии

---

¹⁰ Семененко И. С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам всерос. науч.-теор. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 окт. 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 8–13.

¹¹ Коряковцева О.А. Феноменологическая модель формирования гражданской идентичности молодого поколения россиян: роль образования // Феноменология наставничества в гуманитарных и общественных науках: тенденции и перспективы развития. сборник по материалам Всероссийской научной конференции. Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. Елец, 2023. С. 187-188.

восприятия и исследований индивидуального сознания¹². Сам по себе психосемантический метод исследования ориентирован (по В.Ф. Петренко) на сопоставление ролевых позиций и выявление стоящих за ними идентификаций посредством описания характерных показателей, в нашем случае, гражданской идентичности.

На основе анализа изученной литературы и экспертного мнения нами было выделено 24 возможные характеристики гражданской идентичности. К ним мы отнесли такие характеристики как: готовность участвовать в общественно-политической жизни страны; знание основных законов государства; патриотизм; принятие ответственности за судьбу своей страны и другие. Характеристики выделялись с учетом понятия и структурной организации гражданской идентичности личности. В своих исследованиях мы представляем трехкомпонентную структуру гражданской идентичности, включающей ценностно-мотивационный, когнитивный и деятельностный компоненты. При этом важно сделать акцент, что аффективный компонент гражданской идентичности нами не исключается, но он входит в систему личности раньше, с формированием гражданского самосознания.

Ролевые позиции в нашем психосемантическом исследовании были представлены разными типичными и понятными для нашей выборки ролями: студент; идеал гражданина с моей точки зрения; типичный гражданин; студент как гражданин сейчас; студент как гражданин через 10 лет; преподаватель; я как гражданин сейчас; я как гражданин через 10 лет.

Формой обработки данных и одновременно формой их представления явилось построение субъективных семантических пространств гражданской идентичности. Они позволили описать гражданскую идентичность не с осознанной позиции и собственно когнитивного уровня, а со смысловой позиции, включающей все три компонента гражданской идентичности, то есть с учетом внутреннего идентификационного смысла.

На основе результатов психосемантического исследования гражданской идентичности можно утверждать следующее: в представлении молодежи современный типичный человек – гражданин РФ далек от идеального Гражданина по всем характеристикам гражданской идентичности. Такая же «учесть» у ролевой позиции «современная молодежь». По мнению представителей опрашиваемой молодежи, семантические пространства «современной типичной молодежи» и «типичного гражданина» своими значениями по всем характеристикам в целом приближены. В их представлении, современному молодому человеку далеко до идеального Гражданина, хотя сами себя респонденты позиционируют приближенными к идеалу Гражданина (семантические пространства ролевых позиций «я как гражданин сейчас» и «идеал гражданина с моей точки зрения» практически совпадают), что говорит о некой превосходящей позиции опрашиваемых относительно других представителей молодежи, проявлении снобизма.

---

¹² Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Питер, 2005.

Интересно соотношение семантических пространств по ролевым позициям «я как гражданин сейчас» и «я как гражданин через 10 лет». Респонденты не видят значимых изменений в своей гражданской позиции через 10 лет, а по такой характеристике, как «готовность участвовать в общественно-политической жизни страны», даже отмечают тенденцию к ее уменьшению¹³. Данные результаты показывают тенденцию к стагнации гражданского развития и самосовершенствования, что не может не огорчать. Респонденты не видят перспектив для дальнейшего развития, а в каких-то моментах даже тормозят развитие и нарушают адекватное взаимодействие с другими гражданами. Обозначенная тенденция к снижению готовности участвовать в общественно-политической жизни страны через 10 лет, позволяет сделать также вывод и о стремлении респондентов посредством своей значимой (для самих себя) гражданской позиции достичь положения в обществе «здесь и сейчас», а к 30-40 годам хотят «почивать на лаврах», хотя это самый продуктивный социальный возраст, когда окончательно утверждается гражданская позиция.

Мы тезисно представили лишь часть результатов исследования, но даже они показывают важность и перспективность применения психосемантического метода в исследовании гражданской идентичности.

Букин О.А. (Москва, РУДН им. Патриса Лумумбы)
ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Справедливость – это один из основополагающих концептов человеческой цивилизации, который лежит в основе множества религий и идеологий всего мира, а также вплотную прилегает к нормам этики и морали.

Согласно одному из определений, справедливость – это категория морально-правового и социально-политического сознания, основанная на понятии о должном, которое, в свою очередь, связано с исторически меняющимися представлениями об идеальном устройстве мира¹⁴.

Справедливость – это очень древняя категория человеческой мысли, которая выросла из определенных религиозных представлений. Так, например, в древнем мире, в таких странах, как Египет и Месопотамия, справедливость определялась, как миропорядок, установленный богами (например, Мардуком).

---

¹³ Селезнева А.В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 47-60; Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д. Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 233-251.

¹⁴ Справедливость. Вводная статья // Институт Языкознания РАН // URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/values_russian_culture/Spravedlivost.htm (дата обращения: 20.02.2024)

Для России понятие справедливости также всегда было очень важным. Например, философ Владимир Соловьев называл стремление к справедливости ключевым вектором духовных поисков и стремлений русских людей. Николай Бердяев уточнял, что основным стремлением русских является стремление к абсолютной правде, которая всегда в России смешивалась со справедливостью. Стоит заметить, что многие представители русской философии не отождествляли понятия «справедливость» и «равенство». Об этом писал упоминаемый выше Николай Бердяев, а Иван Ильин отмечал, что «справедливость есть искусство неравенства, в основе которого лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям»¹⁵.

С течением времени, важность категории справедливости для России не ослабевала. Грандиозный эксперимент Ленина и его соратников по установлению всепланетарного равенства справедливости и равенства, окончился неудачей, но справедливость продолжила оставаться важной категорией российской общественно-политической жизни.

В современной России справедливость упомянута в программах всех основных политических партий страны. Для Справедливой России, например, справедливость – это прогрессивная шкала налогообложения, расширение прав профсоюзов, социальное государство и т.д. Для Единой России справедливость – это обеспечение достойной и безопасной жизни, а также защита традиционных духовно-нравственных ценностей самобытного государства-цивилизации, которые разделяются подавляющим большинством граждан. Таким образом, каждая политическая партия России понимает справедливость по-своему, но каждая стремится бороться за нее в своих программах.

Много о справедливости говорит и президент РФ Владимир Путин, который полагает, что «социальная справедливость должна стать одним из принципов развития российской экономики. Реализуя свои обещания, в 2024 году Путин заявил о необходимости проработки в России прогрессивного налогообложения.

Президент Путин часто говорит и о традиционных ценностях, которые, по мнению, ректора Российского православного университета святого Иоанна Богослова Александра Щипкова, полностью соотносятся со справедливостью, ибо «традиция — это Христос, а Евангелие — это книга о справедливости»¹⁶.

Однако справедливость – это предмет для дум не только политической и научной элит, но и российского народа, в целом. Среди россиян звучит серьезный запрос на справедливость, которая может быть выражена в сильной

---

¹⁵ Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3 / Сост. И коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга. 1994. С. 238.

¹⁶ Справедливость и традиция — будущая идеология России // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5876939.html> (дата обращения 20.02.2024)

социальной политике, большей концентрации на внутренней политике, повышении пенсий и зарплат и т.д.¹⁷.

Таким образом, справедливость – это один из ключевых концептов в российской общественно политической жизни на протяжении столетий. Запрос на справедливость громко звучит в среде российского народа и, государства, судя по последним инициативам президента (например, прогрессивная шкала налогообложения) видит этот запрос и старается на него ответить, чтобы обеспечить дальнейшее благополучное развитие страны.

Василенко С.Б. (Москва, Финансовый университет)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭЛИТ КАК ФАКТОР СПЛОЧЕНИЯ ВОКРУГ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Что лежит в основе сплоченности экономических элит вокруг власти и лично Владимира Путина, которую мы наблюдаем в России в период СВО? В данном случае стоит обратить внимание на коммуникативный и перформативный аспект поведения элит. Глава государства должен обеспечить то, что называется «драматизацией вертикальной лояльности»¹⁸. То есть он формирует публичную видимость своей власти и субординации элит.

Так, в российской политической системе публичные выражения лояльности Владимиру Путину является частью нормативной структуры, которая коллективна и обязательна. Формализация ритуалов лояльности обеспечивает матрицу, позволяющую актерам актуализировать свое включение в сети власти. Эти сети, в свою очередь, обеспечивают доступ к ресурсам и защиту. Политический контроль действует как по горизонтали, так и по вертикали, заставляя экономические элиты с помощью коммуникационных и публичных стратегий коллективно поддерживать эту доминирующую роль со стороны главы государства.

Междисциплинарный подход заключается в том, чтобы проанализировать многочисленные функции и формы актов лояльности элиты и реконструировать систему властных отношений, в которой соблюдение ритуалов лояльности становятся жизненной необходимостью для бизнес-магнатов в России.

Изучая публичные высказывания представителей российской экономической элиты, мы видим, что их социальный статус зависит не только от отношений с главой государства и его ближайшим кругом, но также от демонстрации этих отношений на публичной арене. Эти структуры власти, напоминают то, что Генри Хейл описывает как однопирамидную патрональную сеть, которая ставит экономических игроков в зависимость от

---

¹⁷ Общество в поисках справедливости // ВЦИОМ // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti> (дата обращения 20.02.2024)

¹⁸ Schedler A., Hoffmann B. Communicating authoritarian elite cohesion. Democratization, 23 (1), 2016, P. 97.

политико-административной элиты через связи патронажа и обмена услугами¹⁹.

Кроме того, важны функции и политические эффекты различных форм выражения лояльности. Эти формы зачастую передаются в виде неписаных правил, которые члены элиты публично соблюдают – а значит принимают как часть инструмента по управлению внутриэлитными отношениями. Публичные высказывания, полутона, интервью экономическую тематику используются миллиардерами для сохранения и улучшения своих позиций в борьбе и конкуренции. Неозвученные, но публично соблюдаемые правила политического этикета три следствия: они становятся коллективным механизмом интеграции или исключения представителей элиты из сетей «патрон-клиент», а также способствуют легитимации политической системы во главе с Владимиром Путиным.

В этом коммуникативном аспекте символические акты элитарного сплочения демонстрируются на различных площадках. Так, Петербургский международный форум для экономических элит имеет не столько бизнес значение, сколько ритуализированное политическое. Присутствие на форуме, выступление, сидеть в первом ряду, когда президент выступает на пленарном заседании, всё это имеет символическую ценность в глазах других, позволяя публично выразить свою связь с президентом и его ближайшим окружением.

Ваславский Я.И. (Москва, МГИМО)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА КАК ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

На фоне современных политических и экономических вызовов возрастает важность привлечения потенциальных инвесторов к финансированию общественно значимых проектов с целью обеспечения устойчивого развития национальной экономики. Недостаточность бюджетных средств на производство общественных благ в желательном для общества объеме обуславливает мотивацию государства к взаимодействию, сотрудничеству, партнерству с бизнесом. Особенность государства, привносящего рыночные принципы в реализацию экономических проектов с участием частного бизнеса, заключается в том, что на него изначально возложена фундаментальная миссия формирования, поддержания и изменения институциональной среды (то есть системы формальных институтов). По мнению Дж. Ходжсона, система товарного обмена требует сочетания институтов государственных (формальных) и тех, которые основаны на обычае или принятом праве. В системе обмена важную роль

---

¹⁹ Henry E. Hale, *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*, Cambridge (Ma), Cambridge University Press, 2014.

играют формальные и неформальные правила, а в современном обществе они (формальные институты) поддерживаются и даже создаются государством.

Функции государства как участника ГЧП реализуются через механизмы государственного управления. Наряду с ролью государства как регулятора и контролера речь идет об инициировании и предложении частным инвесторам потенциальных проектов ГЧП в доступной форме и с адекватным для них инструментарием взаимодействия. Только таким образом представляется возможной максимизация инвестиционной привлекательности проектов и привлечение значительных объемов финансирования со стороны частного бизнеса, представители которого (за исключением крупных игроков) зачастую отмечают, что не имеют достаточного представления о возможностях и инструментах взаимодействия с государством применительно к участию в ГЧП-проектах.

Частный бизнес, в свою очередь, потенциально заинтересован в системном взаимодействии с государством для снижения транзакционных издержек, получения гарантированного дохода в рамках проектов ГЧП, реализуемых под государственные гарантии, а также роста возможностей средне- и долгосрочного планирования своей деятельности.

В этой связи разнообразные формы ГЧП в контексте производства общественных благ невозможно понять без выделения особой роли государства. ГЧП реализуется на условиях, определенных именно им, поскольку в функции государства вменено создание, реформирование, развитие и поддержание формальных институтов. Поэтому логика трактовки ГЧП предполагает необходимость рассмотрения государства сначала в качестве инициатора институциональных изменений, и только затем – как партнера частного бизнеса в имеющих общественную значимость сферах. Это определяет двойственную природу государства как субъекта и объекта управления.

Многообразие форм организации сделок с общественными благами и услугами на основе ГЧП обусловлено тем, что каждая из них нацелена на минимизацию определенного вида транзакционных издержек. Именно это заставляет участников ГЧП подбирать наиболее адекватный для этого способ закрепления за участниками правомочий собственности, делегированных ими друг другу.

Необходимо сделать несколько методологических замечаний, которые следует принимать во внимание при рассмотрении как ГЧП в целом, так и любой его формы. Первое связано с базовыми формами организации транзакций вообще и в сфере обмена общественных благ, в частности. Применительно к обмену общественных благ и услуг рынок как форма организации транзакций формируется самим государством (которое в идеале должно имитировать нормальный рынок для реализации практики обмена общественных благ). В результате государство воспроизводит самоорганизующийся рынок в виде некой квазирыночной организации сделок государства с частным бизнесом по поводу обмена общественных благ и услуг. Примером такого квазирынка выступает, например, контрактная

система, в рамках которой государство выступает заказчиком, а многочисленные представители бизнеса находятся среди потенциальных исполнителей и конкурируют между собой за право исполнения государственного заказа.

Фактически квазирынок – это институты, которые формируются государством по мере организации спроса на общественные блага и их предложения. Кроме того, им поддерживается конкурентное взаимодействие субъектов. Другими словами, государство сознательно использует квазирыночные механизмы в практике обмена общественными благами и создает определенные формальные институты с присущими им системными свойствами, которые и предопределяют тенденции их развития. Фирмы, как игроки в этой квазирыночной системе, вынуждены к ним адаптироваться и функционировать в соответствии с их требованиями. При этом как созданная государством, так и рыночная среда отличается неопределенностью и высокими рисками хозяйственной деятельности.

Второй базовой формой институционализации сделок купли-продажи частных товаров является фирма или иерархическая организация партнерства государства и бизнеса. Специфика транзакций с государством в данном случае проявляется в том, что институционализация сделок с общественными благами осуществляется с помощью иерархий типа государственных предприятий, возникших в результате национализации (в российской практике иерархию представляют государственные и муниципальные унитарные предприятия), а также публичных (включая современные российские публичные акционерные общества) и непубличных компаний с различной степенью государственного участия в них. Свое участие в таком взаимодействии с бизнесом государство реализует на правах учредителя (соучредителя) и/или через назначенных им представителей в органы управления иерархических организаций.

Третья, наиболее вариабельная из базовых форм кооперации представлена гибридными организациями. Здесь произвольно совмещаются (или адаптируются к каждому конкретному случаю транзакций) определенные элементы и механизмы из первой (рынка) и второй (иерархий) базовых форм. Широкое распространение получило лишь ограниченное количество разных вариантов гибридных организаций в сферах, востребованных обществом, типа концессий, соглашений аренды и пользования государственной собственностью. Причем зачастую из всего многообразия форм организации сделок на базе ГЧП с ними ассоциируются лишь немногочисленные конкретные формы партнерства с устойчивыми характеристиками без учета возможностей их вариабельности.

Такое формальное воспроизведение партнерства государства и частного бизнеса в зависимости от сиюминутной практической востребованности лишь некоторых форм ГЧП блокирует понимание огромных потенциальных его возможностей и препятствует прогнозированию многообразных форм кооперации государства и частного бизнеса с учетом конкретной сферы,

востребованной обществом, конкретных благ для общества, приоритетов государства и т.п.

В наш подход к определению партнерства государства и частного бизнеса в транзакциях с общественными благами во всех базовых типах их организации целесообразно включить все потенциально возможные формы его организации. Тогда ГЧП интегрирует в себя альтернативные формы кооперации государства и частного бизнеса по поводу общественных благ, сведенные в три базовые группы: квазирыночной организации, иерархической и гибридной форм. Если в такой интерпретации трактовать ГЧП в широком смысле слова, то любая отдельная базовая форма его организации по поводу общественных благ, включая созданную по поводу конкретного актива, объективно ассоциируется с ГЧП в узком смысле слова. Теоретически такая дифференциация понятий вполне оправдана, поскольку позволяет избежать смешения понятий, что приобрело значительные масштабы, особенно в российской практике. Причиной этого является быстрое развитие одной из форм ГЧП – концессий, которые наряду с государственными закупками стали воплощением всех возможных форм ГЧП.

Таким образом, каждая из трех указанных форм взаимодействия государства и бизнеса представляет собой комплекс политико-управленческих проблем, связанных с:

- вопросами реализации государственного заказа и функционирования контрактной системы;
- проблемами эффективности участия государства в иерархических организациях;
- раскрытием широкого потенциала разнообразных гибридных форм ГЧП за счет увеличения вариантов различных конфигураций взаимодействия с бизнесом в рамках ГЧП-проектов и усложнения инструментария такого взаимодействия.

Вафин А.М. (Москва, Финансовый университет)

ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ: АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ РФ И КНР

У слова «идеология» множество определений разного характера. Под идеологией мы будем понимать неполитическую систему идей, закреплённую в нормативно-правовых актах, затрагивающих государственную службу.

Выдающийся социолог Макс Вебер отмечал, что чиновник, бюрократ в современном мире – это беспристрастное аполитичное существо, в то время как политик – яркий борец за чувства и симпатии народных масс. Политик исполняет волю людей, а чиновник, подобно солдату, исполняет волю политиков.

Казалось бы, политическая идеология изгнана из мира и сознания европейских бюрократов. Формально нет ее и в российском стиле

менеджмента госслужащих. Однако, если нет идеологии политической, это не означает, что нет идеологии неполитической, неявной системы идей, которая отчетливо прослеживается в этических кодексах государственных служащих.

Отдельный случай – Китайская Народная Республика, государство, базирующееся на коммунистических идеях. По сути, в КНР политическая идеология переплетается с неполитическим, когда речь заходит о государственном управлении.

Система государственной службы в Китае в ее современном виде стала формироваться в 1990-х годах с принятием «Временного положения о государственных гражданских служащих» в 1993 г. До его принятия отношения между государственными кадрами и общественностью выражались формулой «слуги народа», концепция государственной службы отсутствовала. Положение определило базовые принципы государственной службы, права и обязанности служащих, порядок принятия на службу и иные организационные вопросы. Основным стремлением было создание конкурентной унифицированной системы госслужбы.

Первый Закон о государственной службе был принят в 2005 г. с целью повышения эффективности государственного управления и искоренения коррупции.

Государственные служащие в Китае являются частью кадрового состава Коммунистической партии Китая; термин относится к лицам, которые выполняют государственные обязанности в соответствии с законом и были включены в штат государственного административного персонала, и чья заработная плата и социальные гарантии покрываются из государственного бюджета. В отличие от практики во многих западных странах, государственная служба в Китае включает в себя самых высокопоставленных политиков, таких как премьер, вице-премьер, государственные советники, министры и губернаторы провинций, вице-министры и вице-губернаторы и иные руководящие должности.

Идеологическая составляющая государственной службы, в соответствии с новым Законом, базировалась на идеях марксизма-ленинизма, учении Мао Цзедуна, теории Ден Сяопина и концепции тройного представительства, сформулированной Цзян Цзэмином в 2002 г.

В 2019 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая издал «Положение об отборе и назначении руководящих кадров партии и правительства». В нем устанавливается необходимость следования идеалам социализма.

Руководящие кадры партии и правительства должны иметь твердые убеждения, служить народу, быть прилежными и прагматичными, осмеливаться брать на себя ответственность, быть «честными и чистыми», усердно работать, говорить правду, добиваться практических результатов; обладать сильным чувством революционной приверженности, политической ответственности и исторической миссии, иметь дух и способность к борьбе, иметь практический опыт и обладать организационными способностями,

культурным уровнем и профессионализмом, чтобы быть компетентным в руководящей работе.

Высший орган, следящий за дисциплиной – Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины, созданная в целях борьбы с коррупцией. Влиятельность этого института остается под вопросом. Исследователи отмечают, что в последнее время наблюдается тренд смещения от «воззваний к совести и морали» к более жесткому управлению (*hard policy*). Если раньше традиционным подходом китайского руководства было «призвание государственных служащих к честному несению службы на благо китайского народа», то с приходом к власти Си Цзиньпина высшее руководство страны издало целый свод правил, ограничивающих все виды расходов на чиновников. Цель: привить чиновникам скромный образ жизни.

Российский опыт показывает: несмотря на отсутствие государственной идеологии и единого этического кодекса можно говорить об элементах идеологии государственного служения, которые прописаны в различных государственных документах. К элементам идеологии государственного служения следует относить: профессионализм, честность, добросовестность, заинтересованность в работе и т.д.

Идеология «чиновник служит начальству» хороша тогда, когда начальство безупречно и само служит обществу, является его отражением. На наш взгляд, компромисс здесь опять же в разработке этического стандарта идеологии государственного служения, в котором бы элиминировались все классические политико-идеологические представления, но педалировались исключительно общие ценности многонациональной России.

Говорить о том, что в коммунистическом Китае господствует одно единственно верное мнение – идти против правды. Китай интеллектуально многообразная страна. Безусловно, имеются перегибы как практического (например, смертная казнь за экономические преступления), так и идеологического толка. Коммунистическая идеология, так или иначе, доминирует. Однако китайский опыт показывает, что идея служения обществу может (и должна) закрепляться в юридических документах. Государственный служащий не сам по себе, не для государства, а государственный служащий народа – это ли не то, о чем мечтает каждый гражданин и патриот своей страны?

Виноградова Н.С. (Москва, МГУТУ им. К.Г. Разумовского)

СОВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ РФ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПОЛИТИКО – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Современное восприятие образа России изменчиво и неустойчиво. Происходящие события в стране и в мире трансформируют современную реальность и ее восприятие. Новым витком изменения глобальной социальной реальности стало начало специальной военной операции (СВО) в 2022 г.

В данном исследовании анализируются мнения российского студенчества по отношению к текущей политической ситуации в стране, а именно отношение к СВО, к своей стране и восприятие картины мира в целом.

В проведенном анализе использовался *политико–психологический подход*, который позволяет анализировать образ России в разрезе факторной модели политического восприятия²⁰. Модель состоит из объектного, субъектного, темпорального, коммуникативного и пространственного факторов²¹. В данной статье *анализируется пространственный образ страны в сознании студенческой молодежи России* через призму дихотомий «свой – чужой» и «друг – враг». «Свой» — это человек, не только похожий на меня по внешности, но и близкий мне по духу. «Чужие» по умолчанию являются источником опасности. Дихотомия «свой» - «чужой» — это пассивная форма коммуникации. «Друг» - «враг» — это активная форма коммуникации, когда на основании действий происходит разделение. Человек нуждается в контрастах для того, чтобы осуществить самоидентификацию²².

Эмпирической базой исследования являются результаты опроса общественного мнения, проведенного в ноябре-декабре 2023 г. в 42 регионах РФ, в том числе в Луганской, Донецкой, Херсонской и Запорожской областях. В опросе общественного мнения приняли участие более 3300 студентов 1-4 курс бакалавриата, магистранты, аспиранты из 65 вузов РФ.

Результаты и обсуждение

Студенты обозначили, какие роли существуют между странами и как эти страны относятся к России.

«*Друзьями*» в глазах молодых людей являются Беларусь (16,5%), Китай (12,9%), Казахстан (8,2%). Также в первую десятку вошли Таджикистан, Африка / Африканские страны, Узбекистан, Армения и Сербия, Азербайджан, Куба. Именно они занимают активную положительную позицию по отношению к России.

«*Союзниками*» России в настоящий момент являются Китай (18,3%), Беларусь (15,9%), Казахстан (6,6%). Также в десятку «союзников» вошли Таджикистан, Индия, Африка / Африканские страны, Иран, Сербия, Сирия, Узбекистан. Они, по мнению молодых людей, являются положительными героями, которые могут подставить плечо при необходимости.

---

²⁰ Власть и лидеры в восприятии российских граждан / Отв. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Весь мир, 2019

²¹ Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 107—115.

²² Никогосян Н.М. Конструирование образов «Свой», «Другой» и «Чужой» в СМИ // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. Вып. 3. С. 233-236

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вам кажется, какие страны являются друзьями/союзниками России?», %

Ответы	Друзья			Союзники	
	Ответы 2017-2018 гг.	Ответы в апреле 2022 г.	Ответы в декабре 2023 г.	Ответы в апреле 2022 г.	Ответы в декабре 2023 г.
Страны бывшего СССР (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан)	15,5	6,6	16,1	11	12,5
Белоруссия	6,7	24,2	16,5	22,5	15,9
Китай	14,8	14,8	12,9	20,3	18,3
Арабские страны и Иран	10,9	1,6	5,5	9	8
Страны Запада и США	0,5	1,1	_*	1,2	_*
Турция	0,4	1,1	3,5	1,7	2,1
Другие страны	14,5	15,4	_*	15,9	_*
Нет друзей/ нет союзников	33,9	11	0,5	4,4	_*

*данные варианты вариантов ответов не получили откликов респондентов

Из таблицы №1²³ видна динамика изменений мнений молодежи. Страны бывшего СССР вернули доверие респондентов. Белоруссия получила меньше поддержки в декабре 2023 г. по отношению к апрелю 2022 г. Китай является нашим другом по мнению 12,9% респондентов, данный показатель незначительно упал.

Арабские страны и Иран после начала проведения СВО перешли в стан союзников. Главными «союзниками» являются Китай, Арабские страны и Иран, то есть молодежь понимает, что эти страны не вступят в конфликт при необходимости.

Интересен показатель по переменной «нет друзей». В апреле 2022 года этот показатель упал до 11%, в настоящий же момент данный показатель минимален – 0,5%. Эти данные дают понять, что студенты уверены, что у России есть «друзья» и «союзники».

Главными «врагами» являются США (16,1%), блок стран НАТО (15,8%), Украина (11,3%). Также в первую десятку вошли Евросоюз/Европа (7,3%), Польша (5%), Германия и Великобритания (4,4%), Франция, Япония, Литва. 6,1% затруднились ответить.

²³ Данная таблица составлена с использованием результатов исследований, представленных в статье Шестопа Е.Б., Скипин Н.С., Лазарев А.А., Посохова Д.Д., Коноплев А.Ю. Трансформация образа своей страны под влиянием политического контекста // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. №1.

Главными «соперниками» России являются США (14,7%), блок стран НАТО (13,3%), Евросоюз/Европа (10,3%). В десятку также входят Украина, Великобритания, Япония, Франция, Германия, Польша. 3,8% респондентов отметили, что соперников у России нет. Затруднились ответить выбрали 12,7%.

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вам кажется, какие страны являются врагами/соперниками России?», %

Ответы	Враги			Соперники	
	Ответы 2017-2018 гг.	Ответы в апреле 2022 г.	Ответы в декабре 2023 г.	Ответы в апреле 2022 г.	Ответы в декабре 2023 г.
США	32,4	29,1	16,1	18,7	14,7
Страны НАТО	3,1	5,5	15,8	1,7	13,3
Украина	10,2	6,6	11,3	3,3	7,6
Страны Европы	3,6	10,4	7,3	18,1	10,3
Китай	1,7	1,7	-*	7,1	-*
Турция	0,8	0	1,7	2,7	1,4
Другие страны	29,9	12,1	39,5	9,9	33,8
Затрудняюсь ответить	18,3	34,6	6,1	38,5	12,7

*данные варианты вариантов ответов не получили откликов респондентов

Из таблицы №2²⁴ видно, что произошла рокировка сил. Так, в 2017-2018 гг. и 2022 г. основным «врагом» респонденты обозначали США, в 2023 г. же они разделили ответственность между США и странами НАТО. Основными соперниками так же были обозначены США и страны НАТО. В динамике вырос показатель у Украины, больше студентов считают ее «врагом». Страны Европы перешли из стран-«врагов» в страны-«соперники», видимо, респонденты считают, что страны Европы исчерпали свои возможности активной агрессии против России.

Как показало проведенное исследование, пространственные аспекты образа России в сознании респондентов имеют высокую когнитивную сложность. Пространственное восприятие своей страны складывается не столько через представления о территории и ресурсах, сколько через чувство принадлежности к своей стране. СВО обострило все противоречия на мировой арене и выявило реальную расстановку сил без прикрас. Опрошенные четко стали понимать, что главными врагами России являются США, блок стран НАТО и Украина, а главными друзьями и союзниками России являются Беларусь, Китай и Казахстан.

²⁴ Там же.

Процесс реализации власти неизбежно предполагает формирование доминантных структур, которые берут на себя право, ответственность и привилегию на выработку управленческих принципов, символическую подачу этих принципов массовому сознанию и механизмы обеспечения управленческой практики. Традиционные формы власти осуществляются как субъектно-объектные отношения, в которых полномочия доминирующей политической элиты на управление делегируются народом.

Призванные выполнять управленческую функцию институты власти реализуются субъектными группами, которые ставят социальные и политические задачи и принимают решения по их выполнению. Однако понимание социальных и политических значимостей неизбежно преломляется через субъективные интересы доминирующих акторов, которые не всегда совпадают с интересами других социальных групп, что создает базу для отчуждения властной элиты от социума. В условиях традиционной общности, в которых не развиты и не институализированы принципы обновления и сменяемости властных групп, степень отчуждения усиливается по мере расхождения интересов, что рождает и со временем обостряет проблемы легитимации власти.

Если доминирующим слоям не удастся поддерживать убедительную смысловую основу для согласования множественных и разнообразных социальных интересов, возникает необходимость выработки дополнительных мер поддержания социальной целостности – совершенствования формальной риторики и усиления силовых механизмов для подавления активных социальных групп, открыто заявляющих об отличии своих интересов от тех, что декларируют политические элиты. Символическая сфера формально-риторической поддержки социальной интеграции, постепенно отдаляясь от сферы социальной практики, достигает некоей критической точки, за которой происходит систематическое искажение коммуникативного пространства, что ведет в итоге к полноценному кризису легитимации власти. Проблема легитимации политических режимов особенно обостряется в социальных системах, где не развиты ментальные установки и практики дискурсивного принятия решений, то есть такого, где учитываются мнения различных политических и социальных сторон.

Проблема социально-политической коммуникации в традиционных обществах может быть обозначена как разрыв между жесткими формами легитимации политического строя и новыми требованиями к власти со стороны быстро развивающегося гражданского общества. Современное сетевое общество, включенное в процесс коммуникации, сетевого дискурса и взаимовлияния, начинает переключать ментальные установки на безоговорочную поддержку института власти на критическое мышление. Информационные технологии, формируя иные по отношению к традиционным социализирующие среды, становятся новым источником

энергии для социума. Эти энергии направляются не на выстраивание социальной реальности вокруг некоего мыслительного центра, а на поиск новых способов самореализации и смыслоутверждения. Интернет, в отличие от традиционных СМИ, как информационной формы власти, это многоузловая горизонтальная сеть коммуникаций, создающая основу для становления новых форм социальной жизни. Социальная сеть глобально запускает коммуникативную рефлексию по поводу значимых для жизни событий – социальных, политических, физических, культурных, и пр. Эта рефлексия имеет своим следствием продуцирование новых пониманий и интерпретаций, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на обновление социетальной среды.

Развитие технологий, через запуск широкой социальной коммуникации, трансформирует представления о должной форме социального устройства и должной форме власти. Критическое общество подрывает начинающие окостеневать традиционные принципы функционирования политико-административной системы, перерождающиеся из структур поддержания социального порядка в фактор, препятствующий социальному развитию. Сетевой социум, таким образом, переосмысливает официальные презентации происходящих событий.

Отношения власти в сетевой реальности последовательно проходят стадии *десакрализации*, *делегитимации* принципа господства-подчинения и, как следствие *деиерархизации* внутреннего социально-политического пространства.

Соответственно развитие коммуникативных технологий влечет за собой переход к политической и управленческой системе нового типа, где приоритетными становятся не процессы борьбы за власть, а создание сферы координационных центров глобального знания, институтов генерирования и согласования идей по устройству «умных» жизненных пространств – городских, экологических, культурно-исторических и пр.

Переход на цифровое обеспечение государственных услуг уже сейчас распространяется на сферы социальных услуг – здравоохранения, образования, финансов, логистики, трудоустройства и пр. Но при этом обостряются и риски установления нового технологического порядка, которые не могут быть предсказуемы в полной мере. Возможность технических сбоев таких систем порождает определенные угрозы цивилизационному развитию. Тем не менее, быстро развивающийся глобальный тренд на увеличение возможностей качественного образования, расширения кругозора за счет разновекторной коммуникации и информационного обмена дает шанс на становление социально ответственного сознания – осознания необходимости решать управленческие и политические проблемы путем поиска договоренностей, развития дипломатических принципов взаимоотношений, нежели утверждения идеологии господства и политики физического принуждения. Прогностические сценарии так называемой киберократии, как формы синтезированного управления информацией социально

ответственными структурами, вмешивающимися в процесс лишь в критических ситуациях, представляются оптимальными.

Гаврилова М.В. (Санкт-Петербург, СПбГИКиТ)
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ

В российской лингвистике взаимодействие и взаимовлияние языка и власти изучается преимущественно на материале политического дискурса. При этом язык рассматривается как инструмент борьбы за власть, средство речевого воздействия, средство манипуляции общественным сознанием, способ дискурсивного конструирования национальной идентичности, средство доминирования определенной социальной группы и др. И власть понимается как коммуникативная категория.

Лингвистическое изучение феномена власти осуществляется в нескольких направлениях: семиотический, лингвокультурологический, коммуникативный, психолингвистический, лексикографический и когнитивный подходы.

Семиотическое направление (традиционная семиотика, социальная семиотика) изучает процесс возникновения и функционирования знаков власти²⁵. Поскольку современное общество ориентируется на многоканальный способ представления информации, материалом исследования являются мультимодальные тексты (карикатуры и мемы с образами руководителей, наглядная агитация).

Лингвокультурология, изучая политический текст как особый феномен культуры, рассматривает «власть» как один из основных социокультурных концептов русского языкового сознания. Лингвисты выявляют формы проявления властных отношений в тексте, описывают средства создания образов представителей власти в художественных произведениях²⁶.

В коммуникативных исследованиях анализируется система правил коммуникативного поведения человека, обладающего властным статусом. Изучая особенности речевого поведения политических лидеров, исследователи выявляют и описывают коммуникативные стратегии и тактики «борьбы за власть» и «удержания власти», а также языковые средства их выражения²⁷.

В психолингвистических исследованиях власть изучается как феномен политического сознания. Применяя методику свободного и/или направленного ассоциативного эксперимента, языковеды выявляют

---

²⁵ Санников С.В. Семиозис власти в семантическом типе культуры: мифы, чудовища (интер)тексты. М.: Буки Веди, 2016.

²⁶ Кудреватых А. Н. Образ Марфы-посадницы как политического лидера в повести Н.М. Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» // Политическая лингвистика. 2014. № 8. С. 229-234; Сегал Н. А., Мищенко А.Н., Нахимова Е.А. Образ полицейского в художественной литературе: семантико-прагматический аспект // Политическая лингвистика. 2023. №1. С. 97-104.

²⁷ Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. Изд.3. М.: URSS. 2012.

ассоциаты на слово-стимул *власть*, неосознаваемые вербальные связи *власти* с другими словами и затем на основе количественного анализа моделируют структуру (ядро и периферия) концепта. Обращение к глубинному слою психики испытуемых позволяет выяснить состояние и динамику представлений о власти в общественном сознании, определить универсальные и национально-культурные особенности концептуализации феномена власти²⁸.

Лексикографическое изучение феномена власти заключается в создании различных типов (терминологических и идеографических²⁹) словарей, фиксирующих характерные для определенной исторической эпохи словарные значения слова и понятия власти.

Когнитивное исследование власти направлено на поиск корреляции «между лингвистическими структурами текста и структурами представлений его автора».³⁰ Языковеды применяют различные методики концептуального анализа. Отметим, что исследование власти проводится на материале публицистического текста, дискурса новых медиа, выступлений, книг и мемуаров политиков, предвыборных программ партий и др. Лингвисты изучают особенности репрезентации концепта «власть» в русском языке³¹, в выступлениях российских³² и зарубежных³³ политических лидеров, в языковом сознании жителей российских регионов³⁴; проводится сравнительный анализ концептов «власть», «power» и «authority»³⁵, значение «власти» уточняется в сопоставлении с другими концептами³⁶. Так, в «Словаре русской ментальности» концепт «власть» толкуется как ‘способность и возможность осуществлять свою волю, оказывая влияние на общество, товарищей или членов семьи даже вопреки их желанию; господство над подвластными и признающими свою зависимость от владыки людьми, предметами и территориями’³⁷.

Таким образом, использование лингвистических методов позволяет уточнить особенности концептуализации феномена власти в языковом сознании.

---

²⁸ Гронская Н.Э., Русова Н.Ю. Лексикон власти: словарь-тезаурус политических ассоциаций. Н. Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2008.

²⁹ Щетинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург: Ажур, 2018.

³⁰ Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования – 1986. С. 398.

³¹ Касаткина Е.А. Концепт «власть» в русской лингвокультуре: когнитивный и фразеологический аспекты: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Юж. федер. ун-т. - Ростов-на-Дону, 2012.

³² Гаврилова М.В. Концепт «власть» в инаугурационных выступлениях российских президентов // Социология власти, 2011. № 8. С. 43-52.

³³ Гладкова Е.Л. Концепт «власть» в политическом дискурсе современного персидского языка // Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013 С. 191-200.

³⁴ Васильев А.Д. Вербализация концепта власть в языковом сознании красноярцев // Вестник Красноярского государственного университета им. В.П. Астафьева. 2015 № 2 (32). С. 207-213.

³⁵ Чиронина И.И. Когнитивная структура концепта «власть» в русскоязычном и англоязычном политических дискурсах // Право и политика. 2013 №12. С. 1720-1730.

³⁶ Невинская М. Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2006.

³⁷ Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности - Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. Т.1. С. 108.

Гаман-Голутвина О.В. (Москва, МГИМО)

РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Современные социальные трансформации характеризуются многообразием форм и характеристик. Наиболее сложной разновидностью социальных трансформаций выступает развитие, которое - при множественности трактовок и интерпретаций - представляет собой процесс, сопряженный с достижением нового качества и движением от простого к сложному, от низшего к высшему. Соответственно, концептуализация развития является неординарной задачей. Если обратиться к концепту развития, его атрибутивной характеристикой предстает *сложность*, которую современные эксперты рассматривают не в качестве метафоры, а в качестве аналитической характеристики, и в этом качестве для определения заимствованной из синергетики аналитической конструкции прибегают к предложенному зонтичному понятию сложностность. Данный термин характеризует открытые, нелинейные, динамически неравновесные и специфически неопределенные системы, особо чувствительные к контексту и находящиеся на границе взаимопереходов «означенное–неозначенное» или «порядок–хаос». К числу свойств сложностности относят нередуцируемость, эмерджентность, процессуальность и контекстуальность. Более того, в данном случае речь идет не просто о понятии, но парадигме. Изначально термин «парадигма сложности» был введен французским философом Эдгаром Мореном, который одним из первых заговорил о всесторонних вызовах сложности, сложной идентичности и необходимости выделения принципов сложного мышления и построения сложной науки. Эта парадигма уже вошла в методологический и методный арсенал математики, физики, биологии, международных отношений и др. наук. Данная парадигма конгруэнтна постнеклассической картине мира и является ее атрибутом.

Специалисты рассматривают сложностность или сложность, в качестве одного из контекстов, за которым может последовать хаос, и управление хаосом активно используется в качестве технологии воздействия на противника. Каким в этих условиях может быть субъект, претендующий на эффективность? В условиях перманентной турбулентности и соответственно, субстантивной неопределенности, содержащей потенциал бифуркаций, востребован этически ответственный, сложностный субъект, способный работать по алгоритму, который не сужает, а расширяет диапазон возможных решений и действий в будущем. Ключевой востребованной характеристикой субъекта представляются сложностность, поскольку в случае, если сложностность вызовов среды превышает уровень сложности в поведении индивидуального элемента, иерархические механизмы теряют способность к монополярной координации индивидуального поведения.

К числу свойств сложного политического субъекта следует относить также эмерджентность как способность к производству неожиданного политического поведения и устойчивость ценностной матрицы: в «ядре»

субъекта должна присутствовать концептуальная ценностная матрица, основываясь на которой субъект самовоспроизводится, а также вступает во взаимоотношения с другими субъектами³⁸. Кроме того, императивно наличие собственного стратегического проекта и воли к его реализации, что невозможно без концептуального образа будущего. Отсутствие такового можно считать существенным проявлением бессубъектности – для того, у кого нет цели, никакой ветер не будет попутным. При этом источником неэффективности может быть в том числе в том числе концентрация лиц, принимающих решения, на краткосрочных партикулярных интересах.

В настоящее время сохранение сложности выступает необходимым условием эффективности политического субъекта, поэтому не случайно борьба с оппонентом включает его комплексную примитивизацию. По существу, сегодня сосуществуют и взаимодействуют две тенденции в политическом пространстве – усложнение и упрощение (примитивизация), в том числе в формате архаизации. Причем последствия примитивизации исчисляются не деньгами, а поколениями, а атака модерн – ничуть не фигура речи. Символом актуальной версии примитивизации может считаться «неандерталец из ТикТока»...

В тесной связи с понятием сложности находится понятие сложного общества. Опубликованный в 1972 г. первый доклад Римского клуба «Пределы роста» (The limits to growth) положил начало устойчивому тренду на оппозицию – если не отторжение – соответствующего нарратива при его формальном возвышении. Последовавшие пять десятилетий были ознаменованы интенсивными усилиями глобальных игроков по вытеснению развития на глубокую периферию ценностных ориентиров политики (несмотря на громкие филиппики в его адрес) на фоне масштабнейшей технологической революции, открывшей новые горизонты развития, но и одновременно – новые возможности по борьбе с ним. В теснейшей связи с противодействием развитию находились усилия по упрощению и даже примитивизации социальной ткани общества. Поэтому столь важен концепт сложного общества. Разработка этого понятия обусловлена потребностью понимания природы современных больших сообществ со свойственной им усложненной функциональной и структурной дифференциацией. Концепт сложного общества позволяет выявить парадоксальное сопряжение двух полярных тенденций. Во-первых, императива эволюционного совершенствования современной, претендующей на универсальность общественной организации. Во-вторых, потребности современного индивида в умножении многообразия доступных ему социальных ролей, референтных групп и идентификационных паттернов. Именно такое сопряжение реализуется в концепте сложного общества и отражается в формируемом на этой основе дискурсе.

---

³⁸ Голофаст А. В. «Современный политический морфогенез: процессы и технологии». Диссертация... канд. полит. наук. Москва, 2021.

Антиподом развития предстает архаика, сегодняшние версии которой - наряду с классическим регрессом - обретают и нетрадиционные формы, когда соответствующую стратегию практикуют не дикие племена, но рационально мотивированные игроки, сформировавшиеся в лоне Модерна и рассуждающие в соответствии с его философией. Столь химерическая конфигурация обусловлена тем, что регресс и хаос в течение последних десятилетий зарекомендовали себя в качестве эффективных инструментов управления. В данном смысле весьма показателен, например, феномен Исламского государства как вызов ценностям модерна не только со стороны его еще более архаических оппонентов, но как своеобразный постмодернистский симулякр, содержащий собственную игровую и ценностную компоненту.

Гребенникова Е. О. (Москва, ИОН РАНХиГС)

КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА РЕГИОНОВ ИСПАНИИ

Рассмотрение причин неравенства в Испании не является классическим примером для исследователей по социокультурной экономике, поскольку Испания является религиозно гомогенным государством. При этом автономные сообщества Испании имеют разный исторический опыт, жители регионов говорят на различных языках.

Основные теоретические подходы к социокультурной экономике могут быть разделены на две группы в зависимости от предположения, влияет ли экономика на культуру, либо культура на экономику. Можно отметить, что на данный момент в исследовательской среде появляется больше сторонников подходов, основывающихся на влиянии культуры на экономику. В этом исследовании использовалась социокультурная модель, предложенная Гертом Хофстеде, поскольку она позволяет оценить влияние культурных установок в регионах Испании на их экономическое развитие³⁹.

Основными инструментами влияния культуры на экономику являются язык, религия и культурные ценности. Язык может оказывать влияние на экономику посредством уровня индивидуализма, дистанции власти и ощущения времени, которые для него характерны. Религия может оказывать влияние через концепт спасения для лучшей загробной жизни, что может способствовать экономическому успеху. Культурные установки могут являться основополагающими в принятии экономических решений. В частности, уровень доверия может влиять как на снижение издержек, так и на привлекательность для инвестиций.

В экономическом развитии автономных сообществ Испании во второй половине XX — начале XXI в. могут быть выделены некоторые общие

---

³⁹ Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations, 2nd ed. Sage, Thousand Oaks, CA, 2001.

тенденции, включая экономический рост после демократического транзита и замедление экономики в период финансового кризиса 2008–2009 гг. При этом политика бюджетного выравнивания, проводимая как Франсиско Франко, так и Хуаном Карлосом, не привела к результатам, поскольку экономическое неравенство регионов сохраняется и на данный момент⁴⁰. Часть богатых регионов (например, Каталония) вынуждена поддерживать отстающие области Испании, отдавая больше налогов и получая меньше субсидий от государства. В то же время ряд регионов (Страна Басков) развивается обособленно благодаря широким экономическим привилегиям. Это приводит к асимметричному финансированию автономных сообществ и увеличению долга некоторых из них⁴¹.

Можно заметить, что территории Каталонии, Страны Басков, Арагона на протяжении многих веков развивались обособленно от основной части Испании, не ощущая на себе влияния франкской или арабской культуры. Как Каталония, так и Баскония сумели сохранить собственные языки, которые на данный момент являются основой их национальной идентичности. Также одним из региональных языков Испании является галисийский, который долгое время являлся единственным официальным языком как в Галисии, так и в Португалии.

Что касается влияния языковых различий на неравенство экономического развития регионов Испании, можно сделать вывод, что связь между уровнем индивидуализма и дистанции власти языка не выявлена, поскольку высокий уровень индивидуализма характерен как для «богатой» Страны Басков, так и для менее социально-экономически развитой Галисии. Уровень дистанции власти у всех региональных языков Испании является одинаковым, что также не позволяет проследить связь с экономическим развитием⁴². Можно предположить, что уровень аналитичности языка может влиять на социально-экономическое благосостояние, поскольку единственный синтетический язык среди региональных языков Испании – баскский – коррелирует с наиболее высоким уровнем ВВП на душу населения.

Рассматривая связь культурных различий и экономического неравенства, стоит обратить внимание на уровень доверия. Стоит отметить, что в некоторых регионах уровень доверия коррелирует с уровнем экономического развития. В основном это характерно для регионов с наиболее высоким уровнем доверия и ВВП (Каталония, Андалусия, Валенсия)⁴³. В других регионах отсутствует связь между уровнем доверия и экономическим развитием, что позволяет сделать вывод об отсутствии высокой корреляции. Очевидно, что эффект от государственной политики бюджетного

---

⁴⁰ Prados de la Escosura L, Rosés J, Villarroya I. Economic Reforms and Growth in Franco's Spain. *Revista de Historia Económica. Journal of Iberian and Latin American Economic History (New Series)*, 2018.

⁴¹ Cuadrado-Roura J. Regional policy, economic growth, and convergence: lessons from the Spanish case. Heidelberg: Springer, 2010, P. 311.

⁴² Ros M, Cano JI, Huici C. Language, and Intergroup Perception in Spain. *Journal of Language and Social Psychology*, 1987, №. 6(3-4), P. 243-259.

⁴³ Matallana M, Riquelme-Perea P, Lopez-Martinez M. Measurement of quality of life in Spanish regions. *Applied Research in Quality of Life*, 2020, № 17, pp. 1-31.

выравнивания не является значительным, поскольку регионы с достаточно высоким уровнем доверия имеют при этом низкий уровень экономического развития (например, Эстремадура).

Важно отметить, что наиболее определяющим культурным различием является уровень индивидуализма, который имеет прямую связь с уровнем социально-экономического благосостояния. Так, чем выше уровень индивидуализма, тем выше показатель ВВП на душу населения. Высокий уровень индивидуализма наблюдается в Каталонии, Стране Басков и Риохе⁴⁴. Эти автономные сообщества также имеют достаточно высокий уровень благосостояния, значительно превышающий средний показатель по Испании. Это позволяет нам прийти к выводу о частичном подтверждении нашей гипотезы: локальные культурные различия совместно с другими факторами влияют на неравенство экономического развития регионов Испании.

Глухова А.В. (Воронеж, ВГУ)

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ (ВНУТРИ- И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В политической науке в последние годы заметную популярность приобрел цивилизационный подход как методология, релевантная новому состоянию мира, которое можно охарактеризовать не столько как «эпоху перемен», сколько как «перемену эпох»⁴⁵. Демократические институты и фундаментальные свободы не только оспариваются, но и трактуются как подчиненные национальным культурам или цивилизационным традициям. В пул цивилизационного подхода входят смежные с ним понятия - идентичность, устойчивость, культурная самобытность, менталитет, традиция и т.д. Последние становятся каркасом для изучения современной социально-политической реальности, отличающейся структурными изменениями мира, культурным многообразием и плюрализмом, повышением значимости традиционных социальных механизмов и этноконфессиональных форм идентичности и понижением значимости политических и гражданских форм солидарности⁴⁶.

Цивилизационный подход активизировался всякий раз, когда мир переживал глубокие социально-политические трансформации. В частности, большинство фундаментальных работ, считающихся классическими в рамках этого подхода, стали ответом на социально-политические и культурные катаклизмы, которые не смогла предотвратить философия Просвещения и созданные на ее основе политические институты и общественно-политические практики.

---

⁴⁴ Kaasa A, Vadi, M, Varblane, U. European Social Survey as a Source of New Cultural Dimensions Estimates for Regions. *International Journal of Cross-Cultural Management*, 2013, № 13, P. 137-157.

⁴⁵ Пабст А. Цивилизация и либеральная демократия // *Политические исследования*. ПОЛИС. 2021. № 4. С. 26.

⁴⁶ Современная политическая наука: Методология: / отв. ред. О.В.Гаман-Голутвина, А.И.Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Издат-во «Аспект Пресс», 2019. С. 16.

Философию Просвещения отличают идеи исторического детерминизма, всеобщего прогресса, «Цивилизации» как социальной упорядоченности и определенной системы ценностей, из которых берут начало основные политические теории: институционализм, модернизация, секуляризация, разделение властей, гражданское общество и многие другие. Однако великие потрясения в Европе конца XVIII – начала XIX века, преломившись в общественном сознании, явились причиной потери понятием «цивилизация» своего единственного первоначального значения абсолютной ценности. В дальнейшем эта зависимость повторялась. Так, Н.Я. Данилевский написал свой главный труд «Россия и Европа» под влиянием поражения России в Крымской войне, осудив отношение Европы «к русско-турецкой распре». О. Шпенглер констатировал «Закат Европы» после катастрофы Первой мировой войны. А. Тойнби завершал свой 12-томный труд «Постижение истории», пережив ужасы Второй мировой войны. С. Хантингтон и А. Панарин дали свои ответы на распад СССР и возникновение новой геополитической реальности на исходе XX в.

В российском общественно-политическом дискурсе понятие «государство-цивилизация» начинает активно употребляться с возвращением В. Путина на пост президента РФ в 2012 г. На смену концепции «суверенной демократии», теряющей свое политическое значение, приходит концепция «Русского мира» как цивилизационного пространства, объединяющего все русскоговорящие народы внутри и за рамками границ России. Русский «мир» трактуется как доминирующая цивилизация с концентрическими кругами периферийных территорий вокруг нее. Эти территории различаются как степенью своей экономической интеграции с Россией, так и политической лояльностью. В Послании ФС 2012 года В. Путин заявлял, что Россия веками развивалась как многонациональное государство, как «государство-цивилизация, скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире»⁴⁷. Эта мысль еще раз прозвучала в 2013 г. на заседании Валдайского клуба, где атрибутивной чертой государства – цивилизации была названа РПЦ и другие традиционные религии России. Наконец, официальное закрепление понятия «государства – цивилизации» произошло в Концепции внешней политики РФ 2023 г., в которой слово «русский» в различных сочетаниях («Русский мир», «русский язык», «Русская православная церковь») упоминается 12 раз⁴⁸.

Вместе с тем тезис о том, что «из модели государства-цивилизации вытекают особенности государственного устройства России», требует ответа на целый ряд вопросов. В частности, какую видится конфигурация государственных институтов и формат взаимоотношений государства и

---

⁴⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. 12.12.2012. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/

⁴⁸ Указ Президента РФ об утверждении Концепции внешней политики РФ 2023 г. // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> В предыдущей концепции, утвержденной В. Путиным в 2016 г., было всего одно такое упоминание.

гражданского общества, Центра и регионов, Федерации и ее субъектов, русского большинства и этнических меньшинств, России и государств «ближнего зарубежья»? На каких ценностных основаниях возможно объединить разные периоды российской истории? Какими будут механизмы достижения согласия в разделенном обществе? В какой степени государство-цивилизация сохранит в своем активе права и свободы человека и обеспечит демократическую конкуренцию? Возможно ли в отсутствие последних сохранить устойчивость общества, противостоять разрушительным силам новых технологий и глобальных вызовов? Если внешний аспект модели государства-цивилизации очевиден: Россия сохраняет за собой ответственность за поддержание глобального мира и безопасности путем построения и поддержания многополярного мироустройства, то внутренние аспекты нуждаются в дополнительной разработке.

Головин Ю.А. (Ярославль, ЯрГУ), Дан-Чин-Ю Е.Ю. (Москва, РУТ (МИИТ))
**ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ОПОРА НА
НКО**

В январе-феврале 2023 года преподавателями кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова был проведен экспертный опрос на тему «Гражданское общество и деятельность некоммерческих организаций (общественных объединений) в Ярославской области глазами представителей региональной и местной власти». Всего в опросе приняли участие 75 экспертов – представителей региональных и местных органов власти, социальных учреждений.

Цель: определить отношение чиновников Ярославской области к различным проявлениям гражданской активности и некоммерческим организациям.

Задачами экспертного опроса стали:

- определение экспертного мнения относительно текущего состояния гражданского общества;
- определить отношение власти к некоммерческому сектору и экспертную оценку различных форм взаимодействия власти и некоммерческих организаций;
- выявить оценочные суждения гражданских и муниципальных служащих о различных формах гражданской активности, участия;
- определить отношение местных и региональных чиновников к сети Интернет, как к механизму развития гражданского общества и межсекторного взаимодействия;

Исходя из полученных ответов большинству представителей органов власти была поставлена задача сотрудничать с представителями НКО (86,7% на начало 2023 года). Можно отметить, что вышеописанный показатель является наименьшим с 2019 года, при этом различия в вовлеченности органов

власти в сотрудничество с НКО за различные годы исследований незначительны (91,2% на начало 2022 года; 88,1% на начало 2021 года; 89,5% на начало 2020 года). Все это может говорить об устойчивом курсе органов власти в приоритетах работы с представителями НКО региона.

Уровень доверия же представителей власти остается на высоком уровне (90,7% на начало 2023 года), что соответствует средним показателям за последние 3 года (91,1%). Важно отметить, что уровень абсолютного доверия все еще остается не высоким (37,3% на начало 2023 года), что говорит об определенных затруднениях во взаимоотношениях с представителями НКО, которые не позволяют представителям власти заявить о полном доверии.

Большинство экспертов (94,7% на начало 2023 года) считают, что деятельность некоммерческих организаций и общественных объединений является эффективной и полезной для общества. При этом данный показатель продолжает повышаться (89,2% на начало 2021 года; 93,4% на начало 2022 года).

Эксперты также высоко отмечают и общую полезность работы НКО в их совместной работе с органами власти (85,3% на начало 2023 года). При этом, только 2,7% (на начало 2023 года) экспертов-представителей органов власти заявили, что не имели взаимодействия с представителями НКО и другими общественными объединениями. Все вышеперечисленное может говорить о достаточно высокой оценке представителями органов власти деятельности НКО как организаций, реализующих общественно важную деятельность.

Частота взаимодействия представителей органов власти с НКО практически не изменилась. Можно отметить незначительный рост постоянного и частого взаимодействия – 53,3% на начало 2023 года против 48,4% на начало 2022 года).

Оценка развития институтов гражданского общества в Ярославской области представителями органов власти на начало 2023 года выглядит следующим образом: неизменную оценку получили добровольчество – 7,3 балла (7,3 - на начало 2022 года) и территориальное общественное самоуправление (ТОС) – 5,3 балла (5,3 - на начало 2022 года); значительно выросли оценки благотворительности – 6,4 балла (против 5,7 на начало 2022 года) и общественный контроль – 6,5 баллов (против 5,7 на начало 2022 года). В целом, несмотря на стагнацию оценок некоторых институтов гражданского общества, можно отметить тренд на продолжение роста гражданского активизма в Ярославской области (по мнению представителей органов власти).

Основными же формами гражданской активностями в Ярославской области по мнению представителей органов власти являются: волонтерство и добровольчество (27,6% на начало 2023 года); гражданская активность в Интернете (16,2% на начало 2023 года); участие в деятельности общественных организаций (13,3% на начало 2023 года); участие жителей в жизни своего места проживания (12,4% на начало 2023 года); письма и обращения в органы власти (11,4% на начало 2023 года). Можно отметить сохранение лидерства за

такими формами как волонтерство и добровольчество (26,7% на начало 2022 года), а также гражданская активность в Интернете (19,2% на начало 2022 года). Но при этом заметно сокращение активности, проявляющейся в обращениях к органам власти (18% на начало 2022 года). Среди положительных тенденций можно выделить рост активности в сфере благотворительности (с 5,5% на начало 2022 года до 10% на начало 2023 года).

Основными действиями по регулированию гражданской активности со стороны органов власти являются: ведение мониторинга онлайн активности (29,6% на начало 2023 года); выстраивание четкого взаимодействия с НКО и гражданскими активистами (24,6% на начало 2023 года); ведение мониторинга офлайн активности (12% на начало 2023 года); стимуляция желаемой органами власти активности (финансовая, информационная и т.д.) – 11,3% на начало 2023 года. Стоит отметить, что все вышеперечисленные способы регулирования являлись приоритетными и на начало 2022 года, что говорит о выработанной системе регулирования, которая пока не претерпевает серьезных изменений, кроме ориентации на более плотное сотрудничество с представителями НКО. Результаты исследования подтверждают, что опора на НКО перспективное направление политико-административного управления.

Давыдов П.М. (Москва, РУДН им. П. Лумумбы)

МЕСТО И РОЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В современной ситуации все более заметным становится влияние государственной политики на конкурентную среду, включая Российскую Федерацию. В связи с этим, предприятия, занимающиеся коммерческой деятельностью, вынуждены прикладывать больше усилий для оказания влияния на принятие политических решений. Существует множество способов, которыми компании пытаются воздействовать на государственную политику. Один из таких способов – корпоративная публичная активность, КПА (corporate political activity). Согласно научному труду профессора Аризонского государственного университета А. Хилман, КПА – это попытки корпораций сформировать государственную политику, применяя наиболее подходящие для них способы⁴⁹. КПА может реализовываться компанией в форме лоббирования, участия в кампаниях, представлении экспертного мнения от бизнес-сообщества, участия в публичном обсуждении законодательных и нормативных правовых актов и т.д. Учитывая изложенное, целью данной работы является определение роли и места КПА в современном менеджменте корпорации.

Для того, чтобы определить место КПА в компании, необходимо прежде сформировать иерархию («дерево») стратегий компаний. Согласно Дж. Б.

---

⁴⁹ Hillman, A. J., Keim, G. D., & Schuler, D. (2004). Corporate Political Activity: A Review and Research Agenda. *Journal of Management*, 30(6), 837-857. <https://doi.org/10.1016/j.jm.2004.06.003>

Куинну, корпоративная стратегия варьируется от общекорпоративной стратегии до стратегии дивизионов и бизнес-единиц. Всего выделяется 4 уровня⁵⁰:

Общекорпоративная стратегия определяет принципы управления стратегическими зонами хозяйствования (далее – СЗХ). Бизнес-стратегия, в свою очередь, является планом управления СЗХ и включает в себя такие ключевые элементы, как реакцию на изменения в отрасли, разработку конкурентной среды и координацию стратегических инициатив. Функциональная стратегия, в рамках одного подразделения компании, представляет план управления функциональной единицей, такой как НИОКР, производство, маркетинг, сбыт, финансы и кадры. GR-стратегия, также относящаяся к данному уровню, должна поддерживать корпоративный уровень принятия решений. Оперативная стратегия является более детальным подходом и служит основой для разработки корпоративной стратегии. Каждый уровень иерархии имеет свою собственную стратегию. Обычно верхнеуровневая стратегия становится стратегией для более низкого уровня, и наоборот, для уровня общекорпоративной стратегии все нижестоящие стратегии относятся к категории тактики. А в новой работе А.А. Дегтярёва также разрабатывается вопрос об иерархических уровнях уже не только стратегии, но и экономической и политической тактики корпорации⁵¹.

В последнее время корпоративная публичная политика все чаще включается в систему социальной ответственности бизнеса⁵². В новом издании «Социальной хартии российского бизнеса», принятой Российским союзом промышленников и предпринимателей, определены стратегические направления деятельности предпринимателей, которые способствуют укреплению взаимодействия между обществом, государством и бизнесом. Эти направления ставят перед бизнесом цель достижения высоких долгосрочных экономических и социальных результатов, основанных на сбалансированном учете интересов акционеров, государства, потребителей, общественных институтов и других заинтересованных сторон⁵³.

В последнее время КПА стала включать в себя все больше специализированных GR-функций, которые играют важную роль в общей стратегии бизнеса в отношении общества и государства. Она представляет собой комплексный набор стратегий и методов, которые компании используют для взаимодействия с обществом и достижения своих миссии и общественных интересов.

В свете изменений в социально-политической и экономической среде КПА стала особенно важной в управлении корпорацией. Компании

---

⁵⁰ Quinn J. B., *Strategies for Change: Logical Incrementalism*. (c) Richard D. Irwin, Inc., 1980. P. 222.

⁵¹ GR-менеджмент бизнес-организаций в современной России: комплексный анализ и прикладные технологии: монография / Под ред. А.А. Дегтярева, А.С. Тетерюка. М.: Прометей, 2024. С. 44-45.

⁵² Перегудов С.П., Семенов И.С. *Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии*. М.: Прогресс-Традиция, 2008, 448 с.

⁵³ Социальная хартия российского бизнеса (в редакции от 2021 г.) // Сайт РСПП, URL: <https://rspp.ru/simplepage/sotsialnaya-khartiya-rossiyskogo-biznesa/> (дата обращения: 19.02.2024 г.)

вынуждены пересматривать подходы к защите своих коммерческих интересов в отношениях с политическими стейкхолдерами и переходить от одностороннего преследования собственных интересов к достижению баланса между коммерческими и общественными интересами. Сама по себе КПА является частью бизнес-стратегии компании, которая определяет конкурентную среду и создает условия для развития отрасли. Ее реализация основана на функциональных стратегиях, включая стратегию взаимоотношений с государственными органами (GR).

Дегтярёв А.А. (Москва, РУДН им. П. Лумумбы)

РОЛЬ ОБОСНОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВ И ВЫБОРА ГОСРЕШЕНИЙ НА ДОКАЗАТЕЛЬНО-АРГУМЕНТАЦИОННОЙ БАЗЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ

Прежде всего, следует сразу же поставить основной вопрос для рассмотрения в данной аналитической разработке. И каково же место модели доказательной государственной политики (ДГП / ЕВРМ / evidence based policy-making) в современном развитии российской практики лоббирования и политического участия? В обобщающей монографии «Прикладной политический анализ в США» описывается практически уже 70-летний опыт поступательного развития этой прикладной дисциплины за рубежом. И, с одной стороны, в этом контексте становление ДГП видится потому как некое продолжение политико-аналитического движения т.н. «аргументационного поворота» - от позитивистского подхода к прагматическому обоснованию политики в начале 1990-х гг.⁵⁴ А с другой, – как дальнейшее развитие концепции «Умного правительства» (smart government) и «Открытого правительства (open government), которые выступали уже в начале XXI века составной частью новой теории «Соуправления» (governance), и в свою очередь, опирались в основном на модель оценивания регулирующего и фактического воздействия (ОРФВ).

Чаще всего встречается вариант широкой рабочей дефиниции «доказательной госполитики», где последняя определяется как способ научной и экспертной поддержки работы лиц принимающих решения (ЛПР) для того, чтобы научно-аналитическим путем обосновывать в них блоки целеполагания и целедостижения, опираясь на политико-релевантные массивы информации (эмпирические факты), системы знаний (теоретические модели) и экспертные оценки (практический опыт).⁵⁵ При этом подобного рода госполитика компенсирует и замещает тем самым обычную для большинства ЛПР опору (при доказательстве правильности выбора решений)

⁵⁴ The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning / F. Fischer, J. Forester (eds.). Durham: Duke University Press, 1993; Policy Analysis in the United States / J. Hird (ed.). Bristol: Policy Press, 2018.

⁵⁵ Marchi G., Lucertini G., Tsoukias A. From Evidence-Based Policy Making to Policy Analytics // Annals of Operations Research, 2016. P. 17-18.

на учет субъективного (читай, всегда компетентного) мнения элиты и бюрократии, ставящий во главу материальные интересы и идеологические ценности.

Во-первых, аргументированное обоснование, оценивание и выбор альтернатив на основе рациональной и комплексной экспертизы улучшают качество государственных решений, повышают их результативность и эффективность. Сам термин «доказательная политика» (как и ранее, понятие «политический диагноз») пришел из практической медицины, по аналогии с термином «доказательная медицина», обозначающим обоснованный консилиумом врачей план лечения пациента. И сам тот же смысл доказательной медицины в аргументированном обосновании варианта применения комплекса лекарственных средств для лечения. Но ведь есть ещё также и понятие «доказательного права», которое опирается, в свою очередь, как на необходимый и достаточный комплекс юридических аргументов, так и на принцип конкуренции и соревнования сторон (прокурор и адвокат), участвующих в выработке судебного решения.

Во-вторых, обосновывающая (аргументационная) экспертиза обычно носит мультиаргументный характер и имеет междисциплинарную базу, поскольку привлекает различные типы аргументов - от информационно-фактуальных – социальные и экономические данные (эмпирическая социология и экономическая статистика, и пр.), систематизированные исторические факты - до теоретико-модельных (обобщенные знания о социальных механизмах и закономерностях), а также ещё и ценностно-идеологических аргументов (ограничивающие и ориентирующие социокультурные, этические принципы и религиозные нормы, и пр.).

И, в-третьих, госрешение должно проходить комплексную и межотраслевую экспертизу, в результате которой формулируются аргументы, основывающиеся на следующих видах прогнозной оценки - регуляторной (ОРВ), антикоррупционной, юридической (нормативной), рискованной (негативные последствия, угрозы и вызовы), финансово-экономической, социально-политической, и пр.

Аргументационное обоснование госрешения это реальная рациональная база для его качественной подготовки, принятия и осуществления его результатов. И это все явственно отличает современный вариант выработки госполитики от многовекового опыта принятия политических решений, где рациональная компонента нередко замещалась лишь экстра-рациональной и ценностно-эмоциональной мотивацией, и где «Аргумент силы» одолевал «Силу аргумента», и в широком смысле, «жесткая сила» обычно побеждала «силу мягкую». Другими словами, там, где «доказательная политика» компенсировалась т.н. «политикой доказательств», связанных с использованием ресурсов насилия и контроля.⁵⁶ То есть, в свою полную силу вступает формально-логический аппарат теории аргументации, где

---

⁵⁶ Соловьев А.И. Доказательная политика» и политика доказательств: дилемма постсоветских обществ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5. С. 72.

обосновываемый тезис — это альтернативный вариант госрешения, аргумент – обосновывающие данные и знания, ценности и интересы, и демонстрация (аргументирование) – доказательная процедура экспертного обоснования выбора альтернативного варианта.

При всем этом, общая логика выстраивания взаимоотношений «обосновывающего-обосновываемого» включает целый ряд промежуточных звеньев данного цикла предварительный анализ для поиска и систематизации совокупности аргументов: определение системы аргументов, необходимых и достаточных для конструирования рационально-доказательной основы решений; алгоритмизированный процесс аргументации обосновываемого варианта на подготовленной доказательной базе, и наконец, получение вполне обоснованного варианта госрешения.

И далее, есть насущная потребность в организации конкуренций качества и уровня аналитической обоснованности альтернатив публичных решений экспертов как государства, так и частного бизнеса что должно повысить уровень эффективности и результативности политического участия негосударственных акторов. Начиная с 2010-х гг., в России уже активно и небезуспешно бизнес-аналитиками применяются такие инструменты аргументации как оценивание регулирующего и фактического воздействия (ОРФВ), причем как о стороны госорганов, так и со стороны таких негосударственных стейкхолдеров, как бизнес-организации.⁵⁷

В итоге можно сделать два базовых вывода. Во-первых, в самом процессе осуществления ДГП, и механизме обоснованного выбора решений, должны активно участвовать не только государственные акторы, но и заинтересованные негосударственные стейкхолдеры, которые способны параллельно генерировать аргументацию «за» и «против» для соревнующихся между собой их альтернативных вариантов. И, во-вторых, необходимо постепенное установление новых правил разработки и рассмотрения альтернатив госрешений на принципах большего учета рациональной аргументации и соревнования уровней обоснованности конкурирующих альтернатив.

Дегтярев Е.Е. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РАМКАХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В НОВОЙ МОСКВЕ

Избирательные кампании в городе Москве всегда были активным и конкурентными. В 2022 году были проведены выборы по территории «Старой Москвы», которая не включала в себя территории ТиНАО. Данные выборы

---

⁵⁷ Дегтярёв А.А. «Свой среди чужих»: GR-менеджмент как политическое управление в арсенале неполитических агентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2023. Т. 15. № 2. С. 352.

показали, что конкуренция среди партий за места в муниципалитетах только усилился, а явка также была достаточно высокая, что несомненно повлияло на выборы в Новой Москве. Выборы же в Новой Москве имели свою специфику работы, т. к. данный административный округ относительно недавно был присоединен к Москве, что значило достаточно большое вливание средств в муниципалитеты и активную застройку, что повлияло на состав жителей, в частности граждан, которые не обладали правом голоса на территории Москвы, что усложняло работу избирательной кампании для оппозиционных партий и кандидатов. Основной проблематикой исследования выборов в Новой Москве можно выделить – это какие политические технологии применялись на территории ТиНАО и на сколько они оказались эффективны.

Вопрос избирательных технологий на разных уровнях избирательного процесса остается актуальным от выборов к выборам. Введение новых технологий таких как ДЭГ, нейросеть, а также переход кампании в цифровое пространство, привели к формированию нового пула политических технологий и новых методов работы оппозиционных партий. Для более точного анализа политических технологий и стратегий партий использовался контент-анализ, а также анализ программных документов (при наличии). В связи с тем, что данный вопрос имеет прикладной характер и не всегда обладает большим количеством исследований, использовались работы политических технологов, которые были написаны в разные времена, а также интернет-ресурсы с анализом выборов.

Стоит начать разбор с основных этапов избирательной кампании. Первым этапом всегда является исследование округа, хотя последующие этапы могут отличаться, но исследование и нахождение проблематики является основным этапом любой кампании. По мнению одного из крупных полит технологов и по совместительству депутата Государственной Думы 8 созыва, Олега Матвейчева, хотя исследования и являются важной частью избирательной кампании, но очень высок риск обобщения или увеличения уровня, т. е. когда при фокус-группе отмечаются проблемы свойственные уровню государства, но не как не муниципалитета⁵⁸.

Для кампании муниципального уровня важными темами становятся вопросы ЖКХ, благоустройства, а для Москвы особенно важным становится ещё вопрос реновации. Оппозиционные партии и кандидаты исходя из данных проблем строили свою кампанию на проблемном дискурсе, т. е. через критику действующей власти на местном уровне. Ярким примером могут стать агитационные листовки кандидатов, в которых закладывалась определенная программа. Для наглядности был взят анализ, который был проведен телеграмм каналом «Арифметика победы»⁵⁹.

Проблемами агитации на территории Новой Москвы являлись несколько факторов:

---

⁵⁸ Матвейчев О. А. Уши машут ослом 2.0. - М: Концептуал, 2023. С. 325.

⁵⁹ Обзор АПМ кандидатов в местные депутаты в Новой Москве // Телеграмм канал "Арифметика победы" URL: <https://t.me/victorithm/146> (дата обращения: 03.03.2024)

1. Отсутствие понимания кто из граждан может голосовать, а кто не имеет право, например из-за временной прописки.
2. Не понимание обязанностей муниципалитета. Как итог несоответствие программы уровню выборов.
3. Переход кампании в цифровое поле.
4. Возможная неэффективность части классических методов.

Если с невозможностью найти точную ЦА из-за активной застройки, которая приводила к возникновению пласта граждан, которые не могут голосовать на муниципальных выборах, все понятно, то самыми интересными проблемами становились цифровизация кампании, отмирание классических методов и несоответствие программы.

Цифровизация избирательного процесса в области политических технологий произошла по двум причинам:

1. Появление единого дня голосования в сентябре. В таком случае активная кампания приходится на летние месяцы, когда часть избирателей уезжают в отпуск или на дачу.
2. Развитие сервисов цифровой коммуникации.

Активизация деятельности кандидатов в социальных сетях была необходима для того, чтобы агитация распространялась не только на жителей, которые остались в Москве на период лета, но и на тех, кто уехал в отпуск. Такой метод дает свои плоды, люди, которые только возвращаются в Москву к началу сентября, имели уже сформированную позицию по вопросу местных выборов. Для оппозиционных партий и кандидатов введение социальных сетей сопровождалось некоторыми отличиями от введения социальных сетей муниципальных депутатов или членов партии «Единая Россия». Отличия выражались в риторике, а также в подаче материала. Если в «провластных» социальных сетях фигурировали позитивные новости, о новых свершениях Москвы и административного округа, в частности, то у оппозиции введение социальных сетей сопровождалось такими приемами, как критика, ирония, превращение оппонентов в «дураков и клоунов». Ярким примером такой агитации стал телеграмм канала кандидата в муниципальные депутаты Ивана Мокшина⁶⁰.

Переход в цифровой формат кроет за собой ещё проблему неэффективности классических мероприятий, как сбор подписей или поквартирного обхода. Но в то же время возрастает влияние чатов домов и вообще чатов в социальных сетях, как каналов коммуникации агитации, а также сбора полезной информации.

Самой острой проблемой среди оппозиционных кандидатов стало непонимание сферы работы местной власти, т. к. часть проблем, как например парковки или охрана правопорядка, не являются в ведении органов местной власти. Этот факт в дальнейшем проявлялся в агитации, что не сходилось с уровнем выборов.

---

⁶⁰ Телеграмм канал "Иван Мокшин" URL: https://t.me/mokshin_Ivan (дата обращения: 03.03.2024).

В заключение стоит отметить, что в ТиНАО в 2024 году будут проведены еще одни выборы. Задачей оппозиционных партий там станет искоренение ошибок и введение новых политических технологий в избирательный процесс.

Демчук А.Л. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСКРАН)
**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ/“ЗЕЛЕНАЯ” ПОВЕСТКА В КОНТЕКСТЕ
ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

«Зелёная повестка» прочно вошла в число приоритетов современной политики после того, как в 2015 году 193 государства-члена ООН приняли концепцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», где официально утверждены Цели устойчивого развития. Вместе с тем постепенно происходило сведение «Зелёной повестки» к энергетической (климатической) повестке.

На пути реализации «Зеленой повестки» («зеленой политики») возник ряд серьезных проблем, решение которых требует как теоретического осмысления учеными, так и диалога всех заинтересованных сторон (государств, бизнес-структур и гражданского общества).

Важной проблемой является выработка оптимальной модели взаимодействия политиков (в широком плане – лиц, принимающих решения) и экспертов, мнения которых существенно расходятся в зависимости от методики оценки экологических последствий различных вариантов политического курса. Причем соотношение научных доводов и политических интересов – не в пользу первых. При оценке современными политиками рисков социальная стабильность ставится выше экологической безопасности. Налицо приоритет краткосрочного планирования в ситуации роста глобальной неопределенности. Линейные прогнозы не работают, появляются события типа «черный лебедь». Чем дальше горизонт планирования, тем сложнее принимать решения. К тому же в массовом сознании интересы выживания «здесь и сейчас» превалируют над заботой о будущих поколениях. Экологические ценности – по большей части «постматериалистические», не характерные для большинства человечества, а только для «золотого миллиарда».

Чувствительной в контексте глобального управления является проблема суверенитета и оправдания вмешательства во внутренние дела стран, например, для сохранения экологических ресурсов («общего достояния человечества») или использования ресурсов на территории отдельной страны в интересах «глобального сообщества» по принципу равенства доступа к ресурсам (например, Арктики, озера Байкал или лесов Амазонии).

Открытыми остаются вопросы о том, кто должен принимать окончательные решения в экологической сфере, чтобы они были легитимны, справедливы и реализуемы; как должны на глобальном уровне распределяться расходы на реализацию принятых решений; каковы механизмы обеспечения

исполнения решений и ответственности; кто будет контролировать исполнение решений и обладать способностью принуждения.

В теоретическом плане сформировалось два убедительных по своей аргументации взгляда на «Зеленую повестку».

Согласно первому (разделяемому в основном на Западе), борьба с загрязнением окружающей среды, «зелёная» планировка городов, развитие альтернативной энергетики – безальтернативный «экологический императив», необходимость для выживания, сегодня как никогда в истории важно не допустить «точки невозврата», и государственная политика должна сыграть в этом решающую роль.

Другой взгляд (его можно условно называть «критическим», «незападным») обращает внимание на то, что целями инициированной западными странами «Зелёной повестки» являются идеологическая консолидация (под благовидным предлогом спасения природы) распадающегося на наших глазах однополярного мира; создание непреодолимых препятствий «догоняющему» промышленному развитию Китая и стран Африки; создание режима «наибольшего благоприятствования» для развития американских и европейских «зеленых» технологий в надежде на то, что это поможет Западу преодолеть структурный экономический кризис. «Зелёная повестка» видится прикрытием частных интересов, инструментом конкурентной борьбы («зелёный протекционизм»), консервации глобального неравенства. «Углеродный налог» воспринимается как фактический запрет на развитие для тех, кто «опоздал» на 30-50 лет, курс на искусственное удорожание всех видов электрогенерации, кроме «зелёных», и на удорожание вообще любого промышленного производства в глазах критиков – это принудительное перераспределение затрат с богатых производителей дорогой «зелёной энергии» на остальных.

«Зелёная повестка» стала мощнейшим инструментом влияния на мировое общественное мнение, превратилась в новую идеологию подобно «политкорректности» несколько десятилетий тому назад. В радикальной ее версии цель – неприкосновенность экосистем, восстановление их в том состоянии, в каком они были несколько тысяч лет тому назад ценой сокращения численности населения (за счет снижения рождаемости) и домашних животных (вегетарианство и т.д.).

В новых геополитических условиях резко снижаются возможности международного экологического сотрудничества как на глобальном, так и региональном уровнях, разрываются межгосударственные связи России с «коллективным Западом», нарастают дезинтеграционные процессы. Еще до начала всем известных событий на Украине в мире зародился мегатренд на дезинтеграцию и локальное производство (отчасти это было связано с пандемией коронавируса), за которое борются не только Россия, Америка, а абсолютно все страны.

Несмотря на все сложности внутри страны и в мире игнорировать экологические проблемы Россия не может. Встает задача адаптации «зеленой

повестки» под наши национальные интересы и цели, в том числе посредством инновационных решений с учетом российских условий.

Денисов С.А. (Екатеринбург, Гуманитарный университет)
**ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА В ФИЛОСОФИИ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА**

Философия конституционализма – это раздел философии. Философия конституционализма вырабатывает понятие конституционализма и конституционного строя. Она изучает основные законы перехода от доконституционного строя к конституционному.

Конституционализм – это научная доктрина, провозглашающая определенную систему ценностей. Основными среди них являются социократия (господства общества над государственным аппаратом) и верховенство прав и свобод человека. Инструментальными ценностями, обеспечивающими реализацию основных, являются демократия, республика с разделением властей, децентрализация власти и правовое государство.

Философия конституционализма вырабатывает свою систему категорий. Главным субъектом при конституционном строе является народ. Народ не тождественен населению. Он всегда составляет небольшой частью общества и отличается от массы осознанием своих групповых интересов и способностью активно и организованно их защищать. Большую часть населения в любом обществе составляет масса, идущая за какими-то группами народа, доверяющая им. Внутри народа следует выделять общество граждан, т.е. активную часть общества, отстаивающую ценности конституционализма. Ему противостоит общество неграждан, активно отстаивающее антиконституционные ценности (этатизма, авторитаризма, вождизма, империализма). Народ объединен в гражданское общество, независимое от государства. Под государством понимается система государственных органов.

Философия конституционализма разделяет социальные системы на два типа: конституционные и доконституционные. Для доконституционных систем современности характерно господство государственного аппарата над обществом, не являющимся гражданским. Государство представлено административным классом, который обладает здесь экономическим (государственно-бюрократическая собственность и редистрибуция), политическим (авторитарное государство) и идеологическим господством (навязывание государственной идеологии через науку, образование, культуру и средства массовой пропаганды). Осуществлять идеологическое господство административного класса помогает служащая интеллигенция. История показывает, что конституционные системы основаны на господстве в них буржуазного класса и других активных групп общества. Только этот класс обладает материальными средствами и организованностью для того, чтобы

отнять власть у административного класса и превратить его в классическую бюрократию, подчиненную публичным политикам, реализующим интересы буржуазии и других активных групп общества. Буржуазия с помощью гражданской интеллигенции распространяет в обществе указанные выше ценности конституционализма.

Элита разделяется на административную и общественную. В доконституционном обществе административная элита (правлящая группа, номенклатура) формирует элиту из состава общества, которая помогает административной элите управлять населением. В конституционном обществе элита формируется гражданским обществом, а в большей степени, обществом граждан, которое разделено на группы интересов. В общественной элите выделяются публичные политики, имущие элиты, элиты интеллектуалов. Именно они формируют государственный аппарат и контролируют его деятельность.

Доконституционное государство монополизировало власть в стране. По форме – это монархическое или олигархическое государство с авторитарным государственным режимом и централизацией власти. В современных условиях многие доконституционные государства имитируют переход к конституционному строю. Правительство октроирует конституционный акт, в котором объявляется, что государство перешло к республиканской форме правления и демократии. Государственный патернализм выдается за социальное или социалистическое государство. Государство законности или полицейское государство называют правовым.

В доконституционных странах политика сводится к деятельности государства по управлению населением. В конституционных странах власть расплывлена в обществе. Она носит публичный характер. Политикой занимаются все активные группы общества. Государство фактически является предметом дележа между партиями. Оно подвергается давлению со стороны групп интересов.

При доконституционном строе государство является высшей ценностью. Общество неспособно на самоорганизацию и нуждается в том, чтобы ему указывали, куда идти, воспитывали его, решали за него экономические и социальные проблемы. При конституционном строе общество (в лице общества граждан) само формирует свое сознание, в котором государство играет инструментальную роль. Свои экономические и социальные проблемы общество решает само (свобода предпринимательства и распределение благ на основе успехов на рынке капитала и труда).

Философия конституционализма изучает закономерности перехода общества от доконституционного строя к конституционному в ходе эволюции. Она связана с появлением социальных сил способных и желающих отнять власть у административного класса и превратить его в классическую бюрократию. Указанный переход может осуществляться в форме революций и реформ. Сегодня переход к конституционному строю носит сознательный характер и осуществляется через инновации. Он включает применение методов форсайта. Движение к конституционному строю рассматривается как

часть процесса модернизации, форма реализации прогресса. Конституционализация общества предполагает филогенез человечества. Перейти к конституционным отношениям может только человек конституционный, обладающий определенными ценностями, мировоззрением и психическими свойствами.

Конституционные страны сегодня объединены в рамках конституционной цивилизации. Совместно они наступают на доконституционный мир, пытаясь трансформировать отдельные страны в конституционные или ослабить их. Доконституционные страны, в основном, перешли к обороне и придерживаются политики изоляционизма.

Итак, философия конституционализма дает свою картину мира и вырабатывает свой язык для его описания.

Долженкова Е. (Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого)
**ДИСКРИМИНАЦИЯ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ –
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА «МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ»**

Популизм в политических программах – явление, встречающееся не так уж редко в демократических обществах. Программы подобного характера призваны привлечь внимание избирателей, а также являются заметной альтернативой умеренным политическим представителям. Популистские идеи в отдельных странах носят дискриминационный характер, когда они обращены к национальным идеям и/или имеют националистический подтекст. Национальная идеология, сопряженная с популизмом, является особенно успешной в обществах, где долгое время происходили процессы разделения общества по национальному и языковому признаку, и по признаку происхождения.

В странах Европейского союза, при условии, что в уставных документах союза указаны демократическое настоящее и будущее всех стран-участниц, а также, в целом, демократия преподносится как одно из главных достижений и является главной ценностью, благодаря популизму и националистическим идеям – в основе внутренней политики отдельных государств реализуются дискриминационные положения отдельных групп населения. «Малые государства», которые наиболее зависят от основных участников Европейского союза, как экономически, так и политически, в основе внешней политики ориентируются на общеевропейский политический курс. В зависимости от географического и исторического положения они играют роль проводников общей политики, когда необходима их поддержка, а также фактическое обоснование.

Латвийская Республика, которую можно отнести к категории «малых государств», занимает одну из ключевых ролей во внешней политике Европейского союза на восточном направлении. Внешняя политика Латвии, которая транслируется посредством Европейского парламента, а также

посредством региональных форумов и конференций соответствует общеевропейскому дискурсу. Внешнеполитические действия латвийских политических элит, направленные на осуждение действий восточных соседей, не выходят за рамки общеевропейской внешнеполитической повестки.

Действия же внутривнутриполитического характера в Латвийской Республике резко отличаются от демократических ценностей и норм, принятых на общеевропейском уровне. Национальные идеи, имеющие в основе национальное превосходство титульного населения, являлись одной из проблем, ввиду которых латвийские политические элиты прилагали усилия, чтобы убедить европейское сообщество в собственной преданности демократическим ценностям и политике при вступлении в Европейский союз – были даны обещания, согласно которым дискриминационные институты будут упразднены со временем⁶¹. Но как показала практика обещания не были выполнены, ни до, ни после евро-интеграции – институт неграждан так и продолжил существовать; русскоязычные жители не были признаны национальными меньшинствами, что означает отсутствие защиты на основе европейских конвенций; дискриминация по языковому признаку усилилась⁶². Наоборот, со временем дискриминация русскоязычного населения в Латвии укоренилась – благодаря усилиям политических элит, среди которых отсутствуют партии, которые бы могли отстаивать интересы данной группы населения, а также благодаря национальным идеям, в основе которых находится разделение общества на «свой» и «чужой» – оформилась и национальная политика, и законодательство. Националистические лозунги и разделение общества посредством популизма позволило сформировать латвийскому правительству внутреннюю политику, основанную на интересах титульной нации соответствующей дискриминации в демократическом обществе.

Несмотря на данные когда-то обещания латвийского правительства о том, что дискриминационные положения будут изменены и будут учитываться интересы всего общества – в 2022 г. латвийское правительство снова воспользовалось идеями национализма и популизма, что позволило усугубить положения русскоязычных жителей по признаку гражданства. В рамках реализации идеи ограничить проживание граждан Российской Федерации, которые ранее имели статус граждан и неграждан Латвии, латвийское правительство приняло поправки к Закону об эмиграции⁶³, согласно которым данная часть населения не сможет продлить вид на жительство без сдачи

---

⁶¹ Долженкова, Е. Положение русскоязычного населения во внешней политике Латвийской Республики : специальность 23.00.04 "Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития" : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Долженкова Екатерина, 2019. – 526 с. – EDN ACONQM.

⁶² Долженкова, Е. Реализация интересов "малых государств" в ЕС / Е. Долженкова, А. Ю. Мохорова // Управленческое консультирование. – 2022. – № 9(165). – С. 29-39. – DOI 10.22394/1726-1139-2022-9-29-39. – EDN UTECUZ.

⁶³ Imigrācijas likums. Likumi.lv // URL: <https://likumi.lv/ta/id/68522-imigracijas-likums> (Дата обращения: 04.01.2024).

экзамена по латышскому языку, что грозит выдворением в страну гражданства.

Подобные действия уже наблюдались со стороны политических элит при вступлении в НАТО и Европейский союз, когда русскоязычное население было использовано, как причина скорейшей интеграции – латвийские политики заявляли, что русскоязычное население может побудить к вмешательству во внутренние дела Латвии со стороны России в рамках защиты их положения. Принятые в 2022 г. поправки, дискриминирующие русскоязычных жителей Латвии по признаку гражданства, также являются продолжением секьюритизации данной группы населения. Проблема заключается в том, что Латвийская Республика и латвийское общество, в целом, принимая подобные дискриминационные положения не соответствовали (в 2007 г. при вступлении в Европейский союз), и не соответствуют сейчас тем принципам и нормам демократии, которые являются общеевропейской основой. «Малые государства» Европы не были готовы и остаются не готовыми к общеевропейскому развитию.

Евстифеев Р.В. (Москва, ИНИОН РАН)

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ЗНАНИЯ КАК ВЫЗОВ ПОНИМАНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Знания о политическом устройстве общества и политических процессах являются необходимым компонентом знаний современного человека. Однако эти знания крайне чувствительны к характеру политической жизни и к условиям, в которых они вырабатываются.

Английский философ М. Бевир радикализирует эту точку зрения и пишет, что знания о политике, включая политическую науку, полагаются на случайные и сомнительные теоретические предположения⁶⁴.

По всей видимости, при всей сложности и нелинейности общих процессов научного познания, политическое знание характеризуется особой неравномерностью развития.

Одним из важнейших проявлений этой неравномерности является разрыв между политическими знаниями, основанными на историческом опыте, прежде всего, западных стран, и политической реальностью большинства незападных стран.

В академической сфере этот разрыв часто выражается в виде разнообразных концепций деколонизации знания. Как оказалось, борьба за независимость бывших колоний имеет не только политический и экономический аспекты, а включается в себя также и длительный процесс деколонизации⁶⁵, который включает в себя критику и преодоление

---

⁶⁴ Bevir M. A history of political science. Cambridge University Press. 2022.

⁶⁵ Глостанова М. В. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 66–84.

колониальной системы знаний, разработку иных интеллектуальных путей познания мира⁶⁶.

Признание неуниверсальности западных норм и ценностей поднимает вопрос обоснованности их многолетнего доминирования в социально-политической сфере. Нарастающие процессы деглобализации сопрягаются с попытками бросить вызов западной традиции в производстве знаний, воссоздавая способы познания, которые были отодвинуты на периферию западнцентричными онтологиями⁶⁷.

Так называемый «деколониальный поворот», то есть осознание искусственности модели доминирования западной системы представлений о мире проявил себя в 80-х годах прошлого века⁶⁸. Безусловно, это реакция на колониальное доминирование, осознаваемое бывшими колониями и их образованными представителями, основанная на попытках вернуть из, говоря словами Франца Фанона, «зоны небытия»⁶⁹ большие маргинализированные группы людей с их представлениями о мире, опытом и идеями. То, что мешает увидеть настоящий сложный мир, то есть западнцентричные модели знания и объяснения мира, должно быть преодолено⁷⁰.

Таким образом, деколонизация знания, как методологический подход, подразумевает соединение постколониальной критики существующей ситуации, в которой доминирует одна эпистема, и процессы децентрализации и плюрализации знаний, что, безусловно порождает ряд вызовов современному пониманию политики как универсалистски организованному процессу.

Во-первых, характерное для деколонизации знания признание доминирования одной эпистемологии, ведущее к эпистемотидам, требует серьезного обоснования и ответа со стороны «классической» политической науки. Возможным ответом могло бы стать движение к существующим эпистемам и к созданию основ «экологии знания»⁷¹.

Во-вторых, деколониальный взгляд, стараясь вывести из зоны невидимости периферийные и маргинальные с точки зрения гегемонистской онтологии процессы⁷², серьезно расширяет традиционное политическое знание, которое заинтересовано, прежде всего, в описании видимой системы властных отношений.

В-третьих, политическое знание исходит из идеи упорядоченности политического мира, тогда как деколониальная оптика представляет этот мир разделенным и разнородным, с множеством разрывов и расколов. Необходима большая интеллектуальная работа по совмещению «доминирующей» логики

---

⁶⁶ Gallien C. A Decolonial Turn in the Humanities // *Alif: Journal of Comparative Poetics*, 2020, No. 40. P. 28.

⁶⁷ Behera, N. C. Globalization, Deglobalization and Knowledge Production // *International Affairs*. 2021. №97 (5). P. 1580.

⁶⁸ Hira S. *Decolonizing The Mind. A guide to decolonial theory and practice*. Amrit Publishers The Hague. 2023.

⁶⁹ Fanon F. *Black Skin, White Masks*. Trans. Charles L. Markmann. NY: Grove P, 1967.

⁷⁰ Santos B. Beyond Abyssal Thinking: From Global Lines to Ecologies of Knowledges // *Review (Fernand Braudel Center)*. 2007. Vol. 30, №. 1. P.45-89.

⁷¹ Santos B. Beyond Abyssal Thinking: From Global Lines to Ecologies of Knowledges // *Review (Fernand Braudel Center)*. 2007. Vol. 30, № 1. P.45.

⁷² Mignolo W. D. *Local histories/global designs*. Princeton: Princeton University Press. 2012.

современной политики и деколониальным признанием множественности возможных состояний.

Деколонизация знания, таким образом, ставит под вопрос классических взглядов на политическое устройство общества и политическую.

Ефремов А.А. (Москва, ИТГУ ИПЭИ РАНХиГС)
**ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В ЭПОХУ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Обеспечение качества государственного управления в России как ключевое условие достижения национальных целей развития неразрывно связано не только с цифровизацией и цифровой трансформацией государственного управления, но и с обеспечением реализации юридической ответственности за государственные управленческие решения, принимаемые как отдельными должностными лицами, так и органами государственной власти в целом. При этом цифровизация как процесс внедрения и применения цифровых технологий в осуществление государственных функций, который приводит к трансформации самих процессов их осуществления, делает особо актуальным выявление особенностей содержания, реализации такой ответственности.

В современной науке государственного управления и юридической науке рассматриваются вопросы трансформации института юридической ответственности⁷³, общие вопросы ответственности в сфере применения робототехники⁷⁴, вопросы влияния искусственного интеллекта на правопорядок⁷⁵ и права человека⁷⁶. При этом, например, в исследованиях по цифровой трансформации государственного управления⁷⁷ и эволюции права под воздействием цифровых технологий⁷⁸ вопросы трансформации института юридической ответственности системного решения пока не получили.

В этой связи целесообразна разработка комплексной концепции юридической ответственности за принятие и реализацию государственных управленческих решений с применением технологий искусственного интеллекта.

---

⁷³ Черногор Н.Н., Емельянов А.С., Залоило М.В. Трансформация идейной основы юридической ответственности: между архаикой и постмодерном // Вопросы истории. 2021. № 11-2. С. 248-259.

⁷⁴ Юридическая концепция роботизации. М., 2019. С. 67-96

⁷⁵ Черногор Н.Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 4. С. 5-15.

⁷⁶ Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации: научно-практическое пособие / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов, и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2023.

⁷⁷ Цифровая трансформация и государственное управление: научно-практическое пособие / А.С. Емельянов, А.А. Ефремов, А.В. Калмыкова и др.; ред. кол.: Л.К. Терещенко, А.С. Емельянов, Н.А. Поветкина. — Инфотропик Медиа, 2022.

⁷⁸ Амелин Р.В. Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: Норма, 2023.

Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в сфере государственного управления во многих исследованиях оценивается достаточно высоко⁷⁹.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (в ред. от 15.02.2024) предусматривает целый ряд направлений внедрения доверенных технологий искусственного интеллекта в органах публичной власти. При этом данная Стратегия относит к основным принципам нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта ответственность. Согласно данному принципу *«не допускается делегирование системам искусственного интеллекта ответственного нравственного выбора (в том числе принятие любых решений, способных оказать влияние на жизнь или здоровье человека), а также делегирование ответственности за последствия принятия решений. Ответственность за все последствия работы систем искусственного интеллекта всегда несет физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации»*.

В этой связи возникает проблема определения соответствующего субъекта:

- будет ли им являться должностное лицо, принявшее соответствующее решение?

- будет ли им являться соответствующий орган государственной власти, от имени которого вынесено соответствующее решение?

- будет ли им являться лицо – разработчик соответствующей системы ИИ?

- будет ли им являться лицо, ответственное за полноту и достоверность исходных данных, на основе которых системой ИИ сформировано соответствующее решение?

Исходя из общего понимания юридической ответственности, субъектом ответственности непосредственно за принятие и (или) реализацию государственного управленческого решения могут быть только должностные лица или органы государственной власти (в том числе коллегиальные).

Ответственность разработчика системы ИИ и лица, которое являлось «поставщиком данных» для системы ИИ связана уже не с непосредственно принятием и (или) реализацией государственного управленческого решения, а за соответствующие правовые нарушения, допущенные при разработке системы или сборе (передаче, обработке) данных для принятия решения.

Применение технологий искусственного интеллекта возможно и в рамках *самого процесса реализации юридической ответственности*, при этом оно может носить как прогнозный, так и ретроспективный характер в отношении массивов государственных управленческих решений.

---

⁷⁹ Талапина Э.В., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Черешнева И.А. Возможности применения искусственного интеллекта в государственном управлении и юридические экспертизы. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022.

Прогнозный характер носит, например, применение технологий искусственного интеллекта для проведения различного рода экспертиз в государственном управлении, например для проведения антикоррупционной экспертизы позволяет повысить результативность данного вида экспертизы, и, как следствие, предотвратить принятие коррупциогенных управленческих решений⁸⁰.

В аналогичных ситуациях в сфере государственного управления применение технологий искусственного интеллекта в различного рода мониторингах отдельных сфер общественных отношений, в том числе мониторингов достижения конкретных результатов государственных программ и иных инструментов государственного управления⁸¹ позволит оперативно выявлять те случаи, когда возможно принятие решения о привлечении к юридической ответственности за недостижение соответствующих результатов.

Нормативная институционализация данных направлений возможна на следующих уровнях:

- стратегическое планирование на уровне Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, в том числе при перспективном внесении в нее дополнений и изменений, а также документов стратегического планирования в сфере государственного управления и государственной службы;

- законодательное определение особенностей и механизма реализации юридической ответственности за государственные управленческие решения, принятые с использованием технологий ИИ – в рамках проекта федерального закона об обеспечении качества государственного управления⁸², а также в рамках федеральных законов о государственной службе и о статусе лиц, замещающих государственные должности и аналогичных законов субъектов РФ;

- подзаконное нормативное регулирование – перспективными представляются разработки и принятие указа Президента РФ, определяющего особенности применения технологий ИИ в рамках государственного управления.

---

⁸⁰ Талапина Э.В., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Черешнева И.А. Возможности применения искусственного интеллекта в государственном управлении и юридические экспертизы. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022.

⁸¹ Ефремов А.А. Оценка результативности и эффективности стимулирования развития отрасли информационных технологий в России: состояние и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 4. С. 71-99.

⁸² Южаков В.Н., Талапина Э.В., Добролюбова Е.И., Тихомиров Ю.А. Инициативный проект закона об обеспечении качества государственного управления / В. Н. Южаков, Э. В. Талапина, Е. И. Добролюбова, Ю. А. Тихомиров. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.

Жаде З.А. (Майкон, АГУ)

ПОТЕНЦИАЛ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Нарратив «устойчивости» и «устойчивого развития», с одной стороны, является лидером в мировом научном, экспертном и публичном пространствах, с другой стороны, стал известной и широко употребляемой формулой в обсуждении повестки развития⁸³. Более того, растет критическое отношение к модели устойчивого развития, в противовес которой по итогам анализа дискурса и политической повестки дня коллективом ученых ИМЭМО РАН под руководством члена-корреспондента РАН И.С. Семененко сформулирован инновационный концепт ответственного развития, рассматриваемый как основа «для формирования системы координат, в которой можно продвигаться при решении ключевых социальных и экономических проблем на разных уровнях организации общества»⁸⁴.

Не вдаваясь в суть дискурсов в отношении концепта устойчивого развития, обозначим, что продвижение данной парадигмы в российском контексте следует рассматривать с учетом значимости управленческого аспекта. Это особенно важно в условиях роста угроз национальной безопасности России и нарастающего санкционного давления со стороны консолидированного Запада.

В этой связи одним из основных направлений научно-академического политологического дискурса становится вопрос об определении потенциала публичного управления в аспекте достижения целей устойчивого развития. В первую очередь, следует подчеркнуть, что ряд российских ученых признает «несовершенство современной концепции устойчивого развития все же оказывается одной из серьезных причин того, что человечество не может идти достаточно быстро в направлении своего выживания, которое зависит не только от экологических факторов, о чем красноречиво свидетельствует обострившаяся современная геополитическая ситуация»⁸⁵. Об этом неоднократно рассуждают коллеги, указывая на то, что, «традиционная трехкомпонентная модель устойчивого развития (экология – экономика – социальная сфера) не способна охватить всю сложность взаимодействий без учета влияния политики и идеологии»⁸⁶.

Анализируемая проблема нас особо интересует в рамках реализации проекта научно-образовательного кластера «Институт права» Адыгейского государственного университета «Право устойчивого развития и региональная безопасность», осуществляемого по двум направлениям «Политика

---

⁸³ Семененко И.С. Дискуссии о развитии в контексте политики развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2023. С. 49.

⁸⁴ Семененко И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 7.

⁸⁵ Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Новые глобальные цели устойчивого развития // Вестник Московского университета. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2015. № 3/4. С. 79.

⁸⁶ Костин А.И. Стратегия устойчивого развития и будущее мирового порядка // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 9. С. 109.

идентичности в контексте парадигмы устойчивого развития: кейс Республики Адыгея» и «Правовое обеспечение государственной и региональной безопасности как гарантия устойчивого развития Республики Адыгея».

Учитывая значимость публичного управления, представляется, что концепцию устойчивого развития следует расширить до четырех составляющих, и включить управленческую сферу наряду с экологической, социальной и экономической сферами. По мнению специалистов, к основным направлениям управления устойчивым развитием следует отнести: системность процесса управления; приоритетную роль государства в укреплении национального единства, концентрации ресурсов и определении стратегии развития; ответственность власти за решение задач устойчивого развития; создание условий для роста политической культуры граждан, повышения значения образования, формирования личности, способного осуществлять цели устойчивого развития⁸⁷.

В обозначенном контексте второй, не менее важный вопрос, связан с внедрением принципов ESG в публичном управлении (от англ. Environmental, Social and Corporate Governance; экологическое, социальное и корпоративное управление)⁸⁸.

Бесспорно, активным субъектом публичного управления и основным актором правовой и институциональной базы для управления устойчивым развитием является государство, в задачи которого входит разработка и реализация стратегий и программ устойчивого развития; финансирование и поддержка проектов и инициатив, направленных на устойчивое развитие; контроль и мониторинг реализации устойчивого развития.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что технологии и механизмы публичного управления обладают значительным потенциалом для эффективного достижения целей устойчивого развития.

Зубов В. В. (Москва, Финансовый университет)

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ВЫЗОВОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Формирование ценностного каркаса российской молодежи, за которое отвечает ценностная политика, представляет собой одно из важнейших стратегических направлений внутренней деятельности любого современного государства, обращенного в перспективу. Ценности закладывают фундамент мировоззрения подрастающего поколения, закрепляют полезные идеи,

---

⁸⁷ Титова Л.Г., Аكوпова Т.С. Политическое управление устойчивым развитием современного общества // Социально-политические исследования. 2022. № 3. С. 16-17.

⁸⁸ Ильин А.Б., Сизова Ю.С. ESG-принципы публичного и корпоративного управления // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. № 2. С. 8-19.

смыслы и ориентации, направленные на гармоничное развитие как общества и политического порядка, так и отдельно взятых индивидов.

Ценностная политика, под которой мы понимаем артикуляцию и правовую формализацию социально значимых идей и смыслов, образующих фундамент национально-культурной идентичности, в сочетании с разработкой и имплементацией юридических и организационных механизмов соблюдения ценностей, присуща любому политическому порядку вне зависимости от текущей или конкретно-исторической конструкции государства. Причем ценностную политику следует трактовать в двух разрезах: в широком смысле – как облечение в право витальных духовных потребностей и ориентаций индивидов, институтов гражданского общества и элементов государственного механизма, в узком смысле – как политический курс по закреплению и защите объединенных государственнымными и патриотическими началами духовно-нравственных идеалов.

В настоящее время ценностная политика, направленная на приобщение молодежи к обширному социокультурному пространству российской цивилизации, выполняет интерактивный, просветительский, дисциплинарный, интеллектуальный, контрольный, нормативный, кооперативный и мобилизующий функционал.

Интерактивная функция ценностной политики состоит в распространении социально значимых ценностей российской цивилизации усилиями государственного механизма и институтов гражданского общества среди всех граждан страны. Просветительская функция выражается в систематическом и планомерном образовании людей на основе общепринятых ценностных и духовно-нравственных стандартов. Дисциплинарная функция ценностной политики раскрывается в подготовке подрастающих граждан к усвоению и принятию полезных норм, привычек и правил поведения в существующих внешне- и внутривнутриполитических рамках функционирования и развития российского государства. Интеллектуальная функция ценностной политики необходима, прежде всего, для адекватной и разумной оценки сторонних ценностей, чуждых российскому культурно-историческому каркасу, для уяснения и разъяснения причин, по которым инородные идеалы опасны для российского политического порядка. Контрольная функция ценностной политики формулируется как систематическое наблюдение за реализацией и выполнением формализованных правил поведения, регулирующих общественные отношения в нравственной сфере. Нормативная функция ценностной политики состоит в выработке общеобязательных и санкционируемых государством стандартов и поощряемых правил поведения, основанных на традиционных ценностях. Кооперативный функционал ценностной политики существенно важен для объединения всех граждан и социальных групп на основе базисных, общечеловеческих ценностей, способных стать побудительным мотивом консолидации интеллектуальных, трудовых, эмоциональных и психологических усилий представителей многонациональной страны во имя процветающего будущего, свободы, независимости и справедливости. Мобилизующая функция ценностной

политики актуализируется в период кризисных ситуаций и стоящих вызовов острого характера, за ее счет происходит немедленное объединение граждан для скорого ответа на экзистенциальные угрозы своему государству и обществу.

В завершение заметим, что существующий внешнеполитический контекст, возникающие внешние угрозы для национального суверенитета и многовековой российской государственности, несомненно, подталкивают органы публичной власти Российской Федерации к дальнейшему расширению и углублению в молодежной среде ценностно ориентированного политического курса. В этой связи важный функционал приобретает Президент Российской Федерации как гарант не только конституционного, но и ценностного порядка, о чем свидетельствует издание специального подзаконного акта по вопросам защиты традиционных ценностей⁸⁹ и введение в высших учебных заведениях по инициативе главы государства специального курса по основам российской государственности⁹⁰.

Иващенко Т.В. (Барнаул, АлтГУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ КИТАЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛИТЫ СТРАНЫ В ПЕРИОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА СИ ЦЗИНЬПИНА

В однопартийных режимах партии всегда уделяли большое внимание развитию молодежных организаций. Их значение как опоры режима и механизма воспитания приемников основной линии политики было достаточно велико. Классический пример – советский Комсомол, который выступал как одним из агентов социализации молодежи, так и кадровым резервом для партийных и государственных органов. Аналогичный тренд можно ожидать от Китая, однако на современном этапе в нем наблюдается отход от обозначенной тенденций. Несмотря на то, что работа с молодежью – одно из важнейших направлений внутренней политики КПК, которая направляет значительные финансовые и административные ресурсы на решение социально-экономических, гуманитарных и бытовых проблем молодых граждан страны, роль Коммунистического союза молодежи Китая начинает снижаться. Отсюда возникает вопрос о причинах и проявлениях данного тренда.

С одной стороны, комсомол КНР остается частью партийного аппарата и имеет возможность влиять на молодежную политику как на местном, так и на национальном уровне. Под его руководством ведет свою деятельность еще

---

89 Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 46, 14.11.2022, ст.7977.

90 С 1 сентября запущен курс «Основы российской государственности» [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/72464/> (Дата обращения: 05.02.2024).

свыше 150 тыс. различных организаций и более 80 млн членов. Благодаря историческому наследию эта молодежная организация заняла привилегированное положение и, таким образом, обладает обширными ресурсами для продвижения своих инициатив. С другой стороны, с начала реформ 1970-х гг., а особенно с вступлением Си Цзиньпина на пост главы государства, влияние Союза начало ослабевать⁹¹. Си стал подчеркивать важность при политических назначениях управленческого опыта и лояльности, в связи с чем повышение по службе, как правило, получали чиновники, связанные с Си Цзиньпином или его окружением⁹². В свою очередь, некоторые чиновники, имеющие опыт работы в молодежных лигах, оказались втянутыми в активизирующуюся национальную антикоррупционную кампанию. Поворотный момент произошел, когда началось расследование дела Лин Цзихуа, бывшего главного помощника Ху Цзиньтао, председателя КНР с 2003 по 2013 гг. и выходца из Комсомола. В конце 2014 г. он был помещен под следствие по обвинению во взяточничестве, а в 2016 г. был приговорен к пожизненному заключению за получение взятки, злоупотребление властью и незаконное получение государственной тайны.

Главный орган Коммунистической партии по надзору за дисциплиной раскритиковал Комсомол и его кадры за слишком бюрократический подход, а глава государства и вовсе обвинил руководство союза в «аристократичности» и потере связи с народными массами. В 2016 г. были введены ограничения для членов Комсомола при выдвижении на руководящие партийные и государственные должности. Также больше не наблюдается и быстрого карьерного роста руководства Союза. Ху Чуньхуа, который ранее считался реальным кандидатом на переход из Союза молодежи в высшие эшелоны партийной элиты, в октябре 2022 г. потерял свое место в Политбюро КПК. Действующий руководитель союза Хэ Цзюнькэ работает в молодежной организации с 2005 г. Он был назначен главой Комсомола в 2018 г., но не получил дальнейшего продвижения по службе во время крупных кадровых перестановок в руководстве КПК в 2023 г. Его предшественник Цинь Ичжи покинул свой руководящий пост в 2017 г. и был назначен заместителем главы Главного управления по надзору за качеством, инспекциям и карантину, что может считаться понижением в должности. Назначение Цинь Ичжи на гораздо более низкую должность, чем его предшественников, демонстрирует, что работа в Комсомоле перестала выступать эффективным инструментом построения партийной карьеры.

О снижении роли Комсомола в политической жизни страны свидетельствуют и другие данные. Число членов организации за 10 лет сократилось с почти 90 миллионов в 2012 г. до примерно 73,5 миллионов в

---

⁹¹ Мацузато К. Государственная кадровая политика в КНР (время Ху Цзиньтао) // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 127

⁹² Зуенко И.Ю. Кадры решают всё: формирование нового руководства компартии Китая по итогам XIX съезда // У карты Тихого океана. 2017. №49 (247). С.16

2022 г., после того как Пекин ужесточил критерии приема в Комсомол⁹³. Согласно данным, опубликованным в феврале 2023 г., годовой бюджет союза сейчас составляет около 200 млн юаней (29 млн. долл. США) против более чем 600 млн. юаней в 2015 г.

Политические аналитики связывают упадок Комсомола с тем, что Си Цзиньпин рассматривает его как «клику», направленную на консолидацию власти в руках «трехдверных кадров», тех, кто получает высшие государственные должности сразу после окончания обучения и уже имеет приверженность к одной из политических сторон. Председатель КНР предпочитает продвигать чиновников, у которых есть опыт работы на нижнем уровне и лояльность к его политике, формируя вокруг себя надежных круг последователей. Такая тенденция отражает специфику власти Си, фактически формирующего в Китае персоналистский режим, и снижение роли Коммунистического союза молодежи Китая как канала рекрутирования партийной и государственной элит КНР.

Ильичев М.В. (Москва, ЦЭМИ РАН), Лучкова Е.С. (Москва, РАНХиГС)
**ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОБРАЗЕ
БУДУЩЕГО РОССИИ**

Промышленная политика Российской Федерации столкнулась с новыми вызовами и угрозами для будущего развития. Существующий теоретический подход требует концептуальных изменений для адаптации проводимой политики.

Существующая политико-экономическая обстановка на международной арене обозначила ряд вызовов для будущего Российской Федерации. Вызовы, с которыми была вынуждена столкнуться промышленность и экономика страны в целом, привели к необходимости разработки и принятия новых альтернативных решений. В отношении Российской Федерации проводится санкционная политика по масштабу не сравнимая с другими государствами за всю историю их существования.

Однако, при этом государство может принять меры для адаптации к санкционной политике других стран и сделать свою промышленную политику более адаптивной. Например, оно может нацелить свои усилия на развитие отечественных технологий и продуктов, которые не зависят от импорта из других стран. Также государство может предоставить финансовую и научно-техническую поддержку для развития определенных отраслей экономики, которые могут компенсировать потери в других отраслях, пострадавших от санкций.

---

⁹³ Number of Communist Youth League of China (CYLC) members from 2006 to 2022(in millions) // Statista [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/258126/number-of-communist-youth-league-of-china-cylc-members/> (дата обращения: 15.11.2023)

С точки зрения системного подхода Д. Истона к анализу политических процессов, мы имеем политическую систему во взаимодействии со внешней средой, как совокупность множества проводимых мероприятий и субъектов взаимодействия⁹⁴.

Создание эффективной системы стратегического планирования в рамках промышленной политики является преимуществом в условиях санкционной политики и растущей интернационализации рынков. Однако, первоначально необходимо изменить подход к формированию промышленной политики Российской Федерации концептуально, сформировать теоретический подход и внести изменения в законодательство.

Предлагаемый концептуальный подход – адаптивная промышленная политика, которая включает в себя создание условий для развития конкурентоспособных отраслей экономики, поддержку инноваций и научно-технического прогресса, развитие кадрового потенциала, обеспечение доступа к финансированию и создание благоприятного бизнес-климата. Эти меры позволяют странам создавать сильную экономическую базу и повышать свою конкурентоспособность, что способствует устойчивому экономическому развитию. Иными словами, смещенный подход с лучшими мерами, направленными на экономический рост, развитие и технологический потенциал, из существующих моделей промышленной политики.

Модернизация существующего концептуального подхода в сторону адаптивности и внесение дополнительных нормативных изменений позволит обеспечить передовую базу для формирования и реализации промышленной политики в государстве⁹⁵.

Таким образом, возникла необходимость в адаптации текущей промышленной политики, введения изменений, формирования гибкости для реагирования на возникающие вызовы и угрозы будущего международного влияния.

Определим ряд рекомендаций для формирования адаптивной промышленной политики Российской Федерации:

Улучшение мониторинга и планирования в рамках формирования российской промышленной политики. Необходимо обеспечить качественный и количественный мониторинг текущих условий, возможностей и ограничений реализации и определить план реализации проектов промышленного развития.

Улучшение инфраструктуры и логистики: для увеличения эффективности производства и конкурентоспособности на рынке необходимо улучшать инфраструктуру и логистику.

Стимулирование развития и создание собственных технологий для внедрения в деятельность субъектов промышленности. Воспроизводство

---

⁹⁴ Головенкин Е. Н. Системный подход: эволюция и его применимость в современной политической теории // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. №1.

⁹⁵ Ячменева В.М., Османова З.О. Адаптивность и адаптация: сравнительная характеристика понятий в контексте управления деятельностью предприятия // Экономика строительства и природопользования. – 2017.

необходимого количества инноваций, отражающих запросы и соответствующих по качественным и количественным показателям передовым странам, для поддержки роста производительности, необходимого для повышения уровня ВВП и среднего уровня доходов населения.

Поддержка инноваций и цифровизации: инновации и цифровизация играют ключевую роль в развитии промышленности, поэтому необходимо содействовать развитию инновационной экономики и созданию цифровых технологий. Для этого можно использовать инструменты государственной поддержки научных исследований, развития малого и среднего бизнеса, поддержки технологических парков и инкубаторов.

Укрепление конкуренции: для улучшения конкуренции на рынке необходимо усилить роль антимонопольных органов и улучшить правовую базу в этой области. Также необходимо создать условия для развития малого и среднего бизнеса, который может стать движущей силой экономики.

Создание консультативной площадки, для взаимодействия и информационной поддержки субъектов в рамках формирования и реализации промышленной политики Российской Федерации. Унификация позволит обеспечить грамотное функционирование промышленной системы Российской Федерации и реагирования на современные угрозы и вызовы.

Сотрудничество государства и частного сектора: результативность промышленной политики зависит от стратегического сотрудничества между структурами государственного и частного сектора для экономического развития.

Компиляция всех рекомендаций позволит создать эффективную систему, отражающую и рыночный механизм на рынке промышленности и государственную поддержку и регулирование, что позволит обеспечить стабильное будущее для российской промышленной политики.

Ильичева Л.Е. (Москва, ИГСУ РАНХиГС),

Паришина Е.В. (Москва, ИГСУ РАНХиГС)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РЕГИОНАХ

Гражданское единство сплачивает людей на основе общих представлений о консолидирующем образе, в качестве которого выступает образ будущего региона. Для того, чтобы выявить ценностные и социальные факторы гражданского единства в регионах, был проведен социологический опрос 10 регионов, по результатам которого данные факторы оценивались по методологии Ш.Шварца путем выявления региональных социальных групп, имеющих различные ценностные ориентации. Сравнение расположения этих групп в системе базовых ценностей позволило сделать вывод относительно степени консолидации регионального общества и сформулировать предложения по повышению уровня гражданского единства в региональном

обществе. Ключевым инструментом продвижения актуальных политических решений, направленных на консолидацию общества было предложено использование соглашения между региональной властью, бизнесом и гражданским обществом в формате общественного договора.

Концепция обеспечения гражданского единства российского общества в рамках исследования основывается на процессе формирования и реализации в обществе образа федерального и регионального будущего как точки сборки интересов власти, бизнеса и общества, что, в свою очередь, означает сходство их взглядов на большинство социально-политических, национально-государственных и социокультурных проблем, которые последовательно и солидарно преодолеваются для достижения этого совместно сформированного образа будущего.

В этой связи в качестве инструмента продвижения актуальных политических решений на региональном уровне нами предлагается использование соглашения между региональной властью, бизнесом и гражданским обществом в формате общественного договора, в рамках которого ведущие региональные политические акторы совместно определяют образ надлежащего целевого состояния регионального общества, перечень ключевых региональных проблем, наличие которых мешает достичь целевого состояния общества, а также утверждают «кодекс поведения» власти, бизнеса и структур гражданского общества, направленного на формирование, поддержание и укрепление доверительных отношений⁹⁶.

При формировании общественного договора основной задачей становится приведение «надлежащего» образа регионального будущего в соответствие с умеренными «возможностями» региональной политической системы. Отсюда и понимание того, что согласование образа будущего региона рекомендовано нами как раз в его «надлежащей» гражданско-государственной интерпретации, предусматривающей солидарную ответственность не только власти, но и самих граждан за его «достижимость» в политико-экономическом измерении.

Групповая ответственность заинтересованных в достижении надлежащего целевого состояния общества региональных акторов подразумевает принципиальное переустройство у граждан внутренних форм контроля своей деятельности, приобретения гражданами таких черт личности, при которых все принимаемые решения соотносятся с собственной и групповой системами ценностей, формируя тем самым чувство ответственности за последствия своих действий

---

⁹⁶ Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лапин А. В. Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 162—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917>

Ильичева М.В. (Москва, ИСП ФНИСЦ РАН)

ГАРМОНИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО ГОРОДА МОСКВЫ

Развитие гражданского общества является ключом к функционированию свободного и демократического государства. Во-первых, наличие развитого гражданского общества дает гражданам возможность влиять на события в государстве посредством их собственного участия в организациях или, например, посредством политического давления для решения определенной проблемы. Во-вторых, благодаря своей независимости от государственных структур, гражданское общество узаконивает государственную власть и оправдывает организацию государства. Более того, реагируя на потребности граждан, государство завоевывает доверие граждан. В-третьих, деятельность гражданского общества создает у граждан чувство принадлежности и лояльности к государству: граждане, объединяющиеся по определенным интересам, образуют коллектив, необходимый для сплоченного общества, и, участвуя в деятельности государства, они заинтересованы в его эффективном функционировании. В-четвертых, в развитом гражданском обществе формируется принцип толерантности и плюрализма, которые нужны для нахождения консенсуса в обществе⁹⁷.

Именно на гражданское общество возложены функции быть противовесом государству, отстаивания частных интересов граждан и гражданского общества в целом, ограничения степени контроля государства над частной жизнью граждан, пресечения нарушений закона по отношению к ним, поиска компромиссов (где это возможно) в спорах с государством.

Государственная политика в городе Москве в сфере развития гражданского общества в последние годы была направлена, в основном, на организацию и содействие совершенствованию механизмов общественного контроля, выстраивание конструктивного диалога с представителями общественности, вовлечение активных жителей в реализацию социально-значимых мероприятий, поддержку инициатив, направленных на улучшение качества жизни на территории страны, а также на мониторинг общественно-политической ситуации.

Однако в настоящее время в деятельности гражданского общества стали проявляться некоторые негативные тенденции, связанные с несовершенством механизма осуществления общественного контроля вследствие низкой компетенции представителей НКО и недостатка квалифицированных кадров, а также несистемного взаимодействия представителей гражданского общества со СМИ. Усилилось влияние исполнительной власти на НКО через регулирование доступа социально ориентированных НКО к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, что

---

⁹⁷ Пророк В., Ильичева Л.Е., Сафиуллин В.А. Гражданское общество в условиях возрастающего неравенства современного общества // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 1. С. 36–44. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-1-36-44

приводит к постепенному встраиванию НКО в единую вертикаль исполнительной власти.

Эти неблагоприятные факторы ставят перед властью и гражданским обществом вопрос о направлениях повышения эффективности их взаимодействия с учетом глобальных изменений, происходящих в мире. В условиях жёсткого межцивилизационного соперничества за потребительские и аксиологические привязанности граждан Россия, как возрождающаяся цивилизация, старается повлиять на базовые ценности, идеологические принципы, правила существования, нормы поведения и другие человеческие приверженности таким образом, чтобы в итоге включить население иных государств в орбиту своей цивилизационной общности. И в этой борьбе для того, чтобы успешно противостоять конкурентным общностям, Россия должна продемонстрировать гражданам других стран наиболее привлекательный образ своего настоящего и будущего с точки зрения соответствия транслируемых Россией потребительских и духовно-нравственных устоев консьюмерским нуждам и ментальным устремлениям граждан вовлекаемых стран.

В этом смысле Москва как столица России-цивилизации должна явить миру пример доверительного сотрудничества власти и гражданского общества для того, чтобы показать всем возможность использования имеющегося экономического и технологического потенциала для достижения национальных целей - обеспечения благополучия и безопасности наших граждан на основе единства нашего общества, укрепления его способности противостоять вызовам и угрозам со стороны враждебной или нейтральной внешней среды.

Планируя способы и технологии преодоления общественно-значимых проблем, лежащих в основе этих вызовов и угроз, власть и общество объективно ориентируется на поиск оптимального варианта достижения национальных целей с учетом потребности эффективного использования общественных ресурсов. Отсюда ключевым условием становится осмысление образа будущего, наличие которого необходимо как основание для выбора оптимального варианта политического решения, направленного на достижение социально-экономических приоритетов. Кроме того, стратегическое целеполагание в формате образа будущего Москвы будет являться центром сборки интересов власти, бизнеса и общества города Москвы при формировании и реализации управляющих политических решений, поскольку настоящее уже отягощено старыми и новыми общественными и личными конфликтами и противоречиями, а в образе будущего, которое пока еще не наступило, отсутствуют непримиримые соперники.

Целью деятельности граждан, осуществляемой в процессе достижения властью, бизнесом и обществом своих собственных интересов, является гармонизированный образ будущего, сформированный на основе доминирующих в сознании людей социальных установок, ценностных ориентаций, личных особенностей и ситуационных обстоятельств.

Такой подход позволяет представить назначенный властью и обществом образ будущего не как точку, а как миссию, задающую долгосрочный вектор развития и определяющую основное направление движения большинства личностей общества, поскольку миссия указывает лишь ориентир, но не устанавливает точное время и место достижения образа будущего. Формирование образа будущего проявляется в постоянном разрешении противоречия между человеком как сложной живой системой, и внешними по отношению к нему политическими, социальными, техническими, культурными и прочими системами.

Исходя из необходимости придания образу будущего прикладного, а, значит, управляемого характера, мотивирующего людей на движение к нему не как к мечте, а как к вполне достижимой цели, целесообразно встроить процесс достижения образа будущего в систему государственного управления Москвой как стратегического приоритета, имеющего количественную и качественную оценку. Таким образом, ключевым условием эффективного долгосрочного социально-экономического развития Москвы становится разработка стратегического документа, в котором будут утверждены общее понимание смысла приоритетов развития Москвы, правил поведения и принципов взаимоотношений между властью, бизнесом и обществом.

Исхакова З.З. (Москва, ИОН РАНХиГС)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Лингвистика на сегодняшний день обладает востребованными методологическими инструментами во многих областях научного знания, как технических, естественнонаучных, так и гуманитарных, в том числе и в изысканиях, посвященных проблемам общества и власти.

Наука о языке раскрывает специфику институционального общения, функция воздействия которого реализуется через «вектор доминирования» адресанта над массовым сознанием посредством целого ряда коммуникативных технологий⁹⁸. В свою очередь, реализация коммуникативных технологий происходит, через вербальные и невербальные речеповеденческие коды (например, эмотивно-экспрессивные единицы, повторы, перечисления)⁹⁹, механизмы театрализации дискурса¹⁰⁰, дихотомию

---

⁹⁸ Тён ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – «Либроком», 2013. – 352 с.

⁹⁹ Исхакова З. З. Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере: монография. – Москва, «Флинта», 2019 – 350 с.

¹⁰⁰ Шейгал Е.И. Театральность политического дискурса URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-00.htm> (Дата обращения: 20.02.24)

« свои и чужие»¹⁰¹, нивелирование границ между межличностным и институциональным общением, инструменты выстраивания доверительных отношений с обществом, национальные варианты коммуникативных практик и др. Так, в рамках значимых политических событий, таких как «Газовый кризис в Европе», «Нефтяная ценовая война» и «Северный поток – 2» (в 2020 - 2021гг.) выявлены коммуникативные стратегии на поддержание и разжигание конфликта между сторонами в нефтегазовых медиатекстах на английском языке (The Economist, the Guardian, The Washington Post), стратегии выжидания в текстах на арабском языке (Aljazeera, Sputnik News) , стратегии гармонизации в официальных информационных медиаисточниках на русском языке (газета-Коммерсант, Парламентская газета, Московский комсомолец, РИА новости)¹⁰².

Следует подчеркнуть, что осведомленность в области коммуникативных технологий обуславливает корректное дешифрирование транслируемой информации в политическом дискурсе и медиапространстве. В рамках цифровизации современного мира и кризисных коммуникаций роль коммуникативных приемов становится актуальной для изучения не только специфики коммуникативного имиджа личности¹⁰³, или образа государства в иноязычном пространстве¹⁰⁴, или культурно-обусловленной составляющей институционального общения в целом, а также для рассмотрения содержания особенностей оцифрованной идентичности общества в разных культурах, что может стать перспективной областью исследования.

Калямина Д.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА: ОТ АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПОДХОДА К СОТРУДНИЧЕСТВУ

В докладе рассмотрена проблема коммуникативного перехода во взаимодействии государства и российского бизнеса от административно-управленческого подхода, развивающегося в рамках иерархической модели, к сотрудничеству общественного управления (*governance*).

В СССР Госплан как центральный управленческий орган играл определяющую роль в планировании создания и перераспределения ресурсов Союза, поэтому взаимодействие властных структур с предприятиями

---

¹⁰¹ Полякова А.А. Средства речевой манипуляции в американском предвыборном дискурсе (на материале электоральных выступлений Д. Трампа и Х. Клинтон): диссертация на соискание степени канд. наук. – Уфа, 2019. – 238 с.

¹⁰² Ишемгулова А. И. Дискурсивные особенности использования нефтегазовой терминологии в межкультурной кризисной коммуникации: диссертация на соискание степени канд. наук. – Уфа, 2022. – 203с.

¹⁰³ Исхакова З. З. , Преждарова В.Г. Коммуникативный имидж главы государства в период четвертой индустриальной революции (на примере структурно-семиотического анализа Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. // URL: <https://www.communicology.ru/jour/article/view/95/95>

¹⁰⁴ Земсков В. Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. ЦГИ Принт. 2015.

строилось на основе командно-административного управленческого подхода, т.е. властной мотивации. 1990-е года стали трансформационным периодом в управлении политической системы, в частности в сфере взаимодействия государства и бизнеса. Радикальные реформы были направлены на проведение приватизации, положившей начало развитию конкурентных условий. В это время предпринимательская среда стремилась к большей автономии, а государство — к сохранению своих властных ресурсов, в том числе контроля. Бизнес, преимущественно крупные компании, часто выстраивал коммуникативно-стратегическую тактику на основе применения лоббизма, обеспечивающего продвижение частных интересов. С одной стороны, в это время формируется общественное мнение о лоббизме как о незаконной форме коррупции, дестабилизирующей общественно-политическую ситуацию в стране, с другой — в 1992 году была предпринята первая попытка правового регулирования лоббистской деятельности, инициированная Верховным Советом РФ, с целью придания цивилизационной формы данному инструменту взаимодействия государства и бизнеса.

В период 2000-2009 гг. политическая система в России проходила путь стабилизации: формирование сложного управленческого процесса осуществлялось на основе централизации с элементами сетевизации посредством вовлечения акторов, представленных дифференцированными сферами. Сообщественное управление включало гражданское общество в процесс принятия политических решений, отличающийся гибкостью и высокой скоростью адаптивности. В этом контексте взаимодействие государства и бизнеса начало переходить на диалоговый уровень коммуникации, что свидетельствует о потере монополистской силы на принятие коллективных решений: партнерство и сотрудничество постепенно принимаются ключевыми формами публичного управления. Социальная хартия российского бизнеса, принятая Съездом РСПП в 2004 г., стала одной из важнейших платформ для совмещения интересов государства, предпринимательской среды и общества. В этот период демаркационная линия между «властью», основанной на силе, и «влиянием», тождественным «ненасильственному убеждению при отсутствии угроз»¹⁰⁵ становится более ясной, в отличие от прошлого этапа, когда лоббирование как инструмент продвижения частных интересов ассоциировался в большей степени с кулуарной деятельностью.

Объявленная Д.А. Медведевым политика модернизации в 2009 году задала вектор как для экономического стимулирования, так и для интенсификации кооперативных каналов взаимодействия государства и представителей предпринимательской деятельности, что способствовало более активному развитию корпоративной публичной политики российского бизнеса: «государство не может добиться серьезных результатов, идя путем простой мобилизации, ресурсов. Требуется его кооперация с

---

¹⁰⁵ Bell S, Hindmoor A. Business politics is usually about attempts to exert influence rather than power. *Business and Politics*. 2023. P. 2

негосударственными акторами»¹⁰⁶. До сегодняшнего дня Социальная хартия российского бизнеса была дважды обновлена, что свидетельствует не только о ее эволюции, но и возрастании роли гражданского самосознания: «к Хартии присоединились порядка 300 организаций, включая компании, отраслевые и региональные объединения бизнеса и другие организации с общей численностью более 10 млн работников»¹⁰⁷. Происходит трансформация миссии бизнес-среды: экономический результат перестает быть самоцелью, в частности для крупных предприятий, так как обеспечение социального баланса начинает формироваться не просто в качестве случайного, а уже стратегического направления для компаний.

В последние годы, несмотря на применение антикризисного управления, направленного на преодоление экономических трудностей, в России продолжается развитие вектора учета интересов государства и бизнеса на основе сотрудничества, в котором убеждающая коммуникация, рассматриваемая в первую очередь не как коммуникационное искусство, а в качестве элемента управленческого процесса, выступает стратегической формой взаимодействия, позволяющей в процессе обсуждения выявить общие интересы и создать необходимые условия для их согласования, а именно взаимное доверие, постоянный отклик и сплоченность акторов политической системы.

Одними из ярких примеров выстраивания современной партнерской архитектуры взаимодействия государства и бизнеса, являются Национальная Премия «Лидеры ответственного бизнеса», учрежденная в 2023 году по поручению В.В. Путина на весеннем съезде РСПП с целью содействия популяризации социально-ответственной деловой практики на примере крупных российских предприятий, и национальный ESG-Альянс, созданный в 2022 году, миссией которого является продвижение повестки устойчивого развития не только через участие российских компаний-лидеров, но и включение представителей малого и среднего бизнеса.

Таким образом, со временем стратегическое планирование государства через административное управление, преимущественно носящее директивный характер, в отношении предпринимательской деятельности сменяется на сотрудничество властных структур и бизнеса, основанное на принципах гибкости и сбалансированности, в связи с чем появляется потребность в создании диалоговой государственно-частной платформы с целью установления кооперативных связей между акторами, включенными в общественно-политическую систему, через применение *win-win* стратегии.

Каташевич Е.Д. (Москва, ИОН РАНХИГС)
МНОГООБРАЗИЕ ЗЕЛЁНЫХ НАЦИОНАЛИЗМОВ

---

¹⁰⁶ Гаман-Голутвина О.В., Сморгунев Л.В. Тимофеева Л.Н. Политика модернизации неэффективна без сотрудничества государства с бизнесом и обществом. Власть. № 1. 2014. С. 185.

¹⁰⁷ Социальная хартия российского бизнеса / Рос. союз промышленников и предпринимателей (работодателей). РСПП. 2021. С. 3.

За последние 30 лет в научном сообществе наблюдается рост интереса к феномену зелёного национализма. Этот термин обозначает синтез национализма и заботы об окружающей среде¹⁰⁸ и используется применительно к очень различающимся движениям и политическим партиям – от левых националистических партий вроде Шотландской национальной партии, заявляющей о необходимости борьбы с изменением климата, до экофашистов. Любое эмпирическое исследование, ориентированное на выявление причин и факторов формирования данных движений и партий, потребовало бы их дифференциации, чему обычно уделяется недостаточное внимание. Отсюда вырастает потребность в создании типологии зелёных национализмов. Утверждается, что эффективную типологию можно сконструировать на основе двух признаков: (1) как именно понимают заботу об окружающей среде (в русле экологизма или энвайронментализма) (2) разные националистические силы (государственно-фреймированные или контр-государственные)?

Единый концепт «зелёного» делает неразличимым два типа отношений к решению проблем, связанных с окружающей средой – экологическое и энвайронменталистское. Теоретик зелёной идеологии Эндрю Добсон так разводит эти понятия: экологизм предполагает изменение социального и политического климата, а также подхода к взаимодействию между человеком и природой с целью преодолеть глобальные вызовы, в то время как энвайронментализм отстаивает технократическое (а поэтому не идеологическое) видение экологических проблем, которые воспринимаются как локальные и спорадические и ответы на которые стоит искать вовсе не в пересмотре парадигмы устройства политики, общества и человека, а в изобретении эффективного способа их решения.¹⁰⁹ Ключевыми ценностями экологистов являются сохранение Земли как целостного организма, отрицание антропоцентризма, противостояние индустриализму как «супер-идеологии» модерна и признание естественности пределов экономического роста. В то же время энвайронментализм характеризуется неприятием универсальности и общности экологических проблем (отношение к ним как к локальным) и верой спасение посредством технологического прогресса.¹¹⁰ Хотя ранее речь шла о типологизации «зелёного», разделение между экологизмом и энвайронментализмом вследствие эмпирической целесообразности необходимо представлять в виде континуума: политическая партия или движение неизбежно сочетают характеристики первого и второго в разных долях.

Национализм, в свою очередь, можно определить как идеологию, стремящуюся к приобретению и сохранению единства, автономии и идентичности для народа, который некоторые его члены воспринимают как

---

¹⁰⁸ Dawson J.I. *Eco-nationalism: Anti-nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham and London: Duke University Press, 1996. P. 4–5.

¹⁰⁹ Dobson A. *Green Political Thought* – London and New York: Routledge, 2007. P. 2–3.

¹¹⁰ Ibid. P. 10–27; Devall B. *Deep ecology and radical environmentalism // Society & Natural Resources: An International Journal*, 4:3, 1991. P. 247-258.

актуальную или потенциальную нацию.¹¹¹ Для разделения националистических мы будем использовать типологию Роджерса Брубейкера, который подразделяет националистов на контр-государственных и государственно-фреймированных. Первые не имеют своего государства и хотят получить суверенитет в форме автономии или независимости; вторые же – идентифицируют себя с мажоритарной нацией внутри государства и учитывают её интересы.¹¹² Эта типология полезна тем, что она, с одной стороны, заменяет собой дистинкцию «этнический/гражданский национализм», а с другой – упрощает некоторые другие типологии (основанные на критерии сочетания субъекта и целеполагания)¹¹³ до простого бинарного различия – причём без выпадения кейсов, тем самым сохраняя эмпирическую адекватность.

Теперь на основе попарного пересечения типов национализма и форм заботы об окружающей среде можно составить следующую таблицу, демонстрирующую, как разные националистические силы используют различные подвиды «зелёного» для своих достижения своих целей:

	Энвайронментализм	Экологизм
Контр-государственные	<p>Борются с вредом, который государственный центр наносит национальной территории; сохраняют национальную территорию и здоровье нации (в том числе её представителей за рубежом) посредством улучшения экологии.</p> <p><i>Примеры:</i> антиядерные движения в перестроечном СССР, корсиканские националисты против «атомного» кабеля ICO.</p>	<p>Преследуют цель получения большей автономии или даже независимости для более эффективного решения глобальных экологических проблем.</p> <p><i>Примеры:</i> Шотландская национальная партия, Левые республиканцы Каталонии, Галисийский националистический блок.</p>

¹¹¹ Smith A. D. Nationalism – Cambridge: Polity Press, 2010. P. 9.

¹¹² Брубейкер, Р. Этничность без групп // пер. с англ. И. Борисовой; Нац. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 261–265.

¹¹³ Примеры таких типологий см.: Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 4–6; Hechter M. Containing Nationalism. – Cambridge: Oxford University Press. 2000. P. 15–17.

Государственно- фреймированные	<p>Сохраняют национальную природу в девственно чистом виде, конституируя её как наследие общих предков (игнорируя этнические меньшинства); заботятся о сохранении здоровья нации (в том числе её представителей за рубежом) посредством улучшения экологии.</p> <p><i>Примеры:</i> Национальное объединение (Франция), НСДАП,</p>	<p>Выступают за сохранение национального государства в неизменном виде или за его укрупнения (через присоединение территории проживания представителей нации за рубежом) с целью использовать весь его потенциал для решения глобальных экологических проблем.</p> <p><i>Примеры:</i> Шинн Фейн (Ирландия).</p>
---	---	---

Таким образом, в настоящей работе была предложена типология зелёных национализмов. В дальнейшем она может быть использована для проведения эмпирических исследований: направленных на детальную классификацию зелёных националистических партий и движений или на выявление факторов их формирования.

Киселев К.К. (Москва, ИОН РАНХиГС)

РОЛЬ АВТОНОМИИ БАНКА РОССИИ В РЕШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ СТРАНЫ

Одной из ключевых целей внутренней политики государства является поддержание благосостояния населения. Однако, сталкиваясь с внешними вызовами в рыночных условиях, а также с циклично кризисными ситуациями в некоторых отраслях экономики, политическая элита в большинстве случаев не выступает консолидированной силой. Данная проблема вызвана, в том числе недоверием населения к автономии институтов, регулирующих финансовый сектор национальных экономик. Центральные банки зачастую подвергаются критике, как со стороны Правительства, так и со стороны общества. Независимость Банка России оказывает существенное влияние на экономику страны. Проводимая регулятором экономическая политика отражается на политической ситуации в стране и лояльности населения к Правительству.

Независимость и доверие к центральным банкам жизненно важны для поддержания экономической стабильности, контроля над инфляцией и обеспечения устойчивого экономического роста. Однако политическое управление и, как следствие, давление может подорвать эффективность центральных банков, ставя под угрозу их способность принимать объективные и хорошо обоснованные решения.

В статье Каролы Биндер «Политическое давление на центральные банки» отмечает, что в период с 2010 по 2018 гг. 118 центральных банков столкнулись с политическим давлением. В среднем около 10% центральных

банков сталкиваются с политическим давлением в течение года. Даже центральные банки с высоким уровнем автономии часто сталкиваются с давлением — почти всегда в пользу более мягкой денежно-кредитной политики. Давление на центральный банк связано с более высокой инфляцией и ее устойчивостью и скорее всего, будет исходить от правительств с левыми или националистически настроенными руководителями, небольшим количеством сдержек и противовесов или слабой электоральной конкуренцией.

Центральный Банк Российской Федерации в качестве независимого регулятора финансового рынка не только выполняет функции в области монетарной политики и банковского надзора, но также играет определенную роль в политической системе страны. В контексте политологии, изучение политической роли и влияния Банка России является неотъемлемой частью анализа политических процессов и принятия решений. ЦБ РФ – это орган «денежной власти» (но не является органом государственной власти), работающий совместно с правительством РФ и потому выполняющий функции государственной власти в сфере государственного управления и реализации экономической политики. Одним из ключевых инструментов, которым оперируют центральные банки, является политика ключевой ставки.

Политика ключевой ставки Банка России играет важную роль в политической сфере. Она влияет на экономическую стабильность, инфляцию, инвестиции и уровень жизни населения страны.

Вопрос политического вмешательства является постоянной темой в дебатах о денежно-кредитной политике, и, скорее всего, в ближайшие годы эта тема будет оставаться одной из центральных. Внимание к коммуникации, прозрачности, экономическим и социальным целям также будет иметь решающее значение для политиков, чтобы сбалансировать конкурирующие требования правительства и мандаты центральных банков. Устанавливая прозрачные процедуры назначения, сохраняя четкий мандат и укрепляя культуру общественного доверия, центральные банки смогут играть свою жизненно важную роль в обеспечении экономической стабильности.

Козлова Н.Н. (Тверь, ТвГУ), Рассадин С.В. (Тверь, ТвГУ)

СЕМЕЙНАЯ ПОВЕСТКА НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В РОССИИ 2024

Семейная повестка актуализируется в современном публичном поле России в контексте реализации трех политик: демографической, культурной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, политики в интересах женщин/гендерной политики. Исследователи избирательных кампаний 2000-х гг. отмечали, что «семейная политика не стала основой политической кампании ни одной из партий, при

этом было выдвинуто много инициатив касающихся поддержки семей»¹¹⁴. В предвыборной кампании 2024 г. семейная политика занимает различное место в предвыборных программах кандидатов в Президенты РФ. Основное внимание кандидатов в Президенты РФ в 2024 г. сосредоточено на повышении благосостояния семей, решении жилищного вопроса. Наиболее артикулировано тема семейных ценностей прозвучала в программе одного из кандидатов, действующего Президента РФ В.В. Путина в его послании к Федеральному собранию РФ 29.02.2024 г. В ноябре 2023 г. В.В. Путин подписал указ об объявлении 2024-го Годом семьи, в январе 2024 г. на форуме «Родные-любимые» дал ему официальный старт. «Поддержка семей с детьми – наш фундаментальный нравственный выбор. Большая многодетная семья должна стать нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии», – отметил Президент РФ в послании¹¹⁵. В рамках послания В.В. Путин объявил о новом национальном проекте «Семья», в рамках которого в регионы, имеющие суммарный коэффициент рождаемости ниже среднероссийского, будет дополнительно направлено «не менее 75 миллиардов рублей, чтобы они могли нарастить свои программы поддержки семей»¹¹⁶. Президент РФ подтвердил продление действующих проектов до 2030 г. – программу материнского капитала, семейной ипотеки со льготной ставкой в 6 %, программу, в рамках которой при рождении третьего ребёнка государство погашает за семью часть ипотечного кредита – 450 тысяч рублей, единое ежемесячное пособие для семей с невысокими доходами, от беременности женщины до достижения ребёнком 17 лет, а также повышении налоговых вычетов для родителей в два раза – до 2800 рублей в месяц на второго ребёнка и до 6 000 рублей в месяц – на третьего и каждого последующего ребёнка, упрощении заключения системы социальных контрактов, предполагающее выдачу государством бедным семьям денег на открытие собственного дела, покупку хозяйства или переобучение на более востребованную на рынке труда профессию¹¹⁷. Таким образом, Президент РФ комплексно рассматривает семейную политику в рамках своей предвыборной программы.

Кандидат от партии «Новые люди» В.А. Даванков в своей программе «Альтернатива для России» рассматривает семейную политику в контексте реализации социальной политики и инвестиций в человеческий капитал наряду с другими 17 проектами. В.А. Даванков предлагает увеличить финансовую поддержку семей (платить материнский капитал не только за первого ребенка, но и за последующих: за второго ребенка не меньше 1 млн рублей, за третьего и последующих детей – 1,5 млн рублей); ввести льготную

---

¹¹⁴ Тимшина Е.Л. Аспект семейной политики в партийных предвыборных программах. По материалам выборов в Государственную думу РФ VII созыва // Право и политика. 2018. №11. С.60–71; Ерохин Н.А. Демографические аспекты актуальной программтики политических партий: выборы депутатов ГД ФС РФ 18 сентября 2016 г // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2016. №1 (16). С.130–139.

¹¹⁵ Послание Президента Федеральному Собранию 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения – 11.03.2024).

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

ипотеку для молодых и многодетных семей. Среди оригинальных идей, предложенных кандидатом в Президенты РФ, можно отметить следующие: развивать программу позднего материнства (после 35 лет); создать программу поддержки семейного бизнеса (для пекарен, магазинов, ресторанов и гостиниц); поддерживать работающих родителей; предоставлять оплачиваемый декретный отпуск для обоих родителей в первые полгода после рождения ребенка; ввести ответственность за домашнее насилие; создать систему ограничений для навязчивых преследователей; образовать государственный алиментный фонд¹¹⁸. В.А. Даванков актуализирует проблему равных возможностей для мужчин и женщин, борьбу с дискриминацией женщин при приеме на работу, отмену списка запрещенных профессий, поддержку карьеры родителей новорожденных¹¹⁹. Традиционную семью кандидат квалифицирует как «нормальную» семью, в которой муж, жена и двое детей¹²⁰, однако при этом он призывает перестать «впихивать» гражданам традиционные ценности за бюджетные деньги: «Вы хотите поговорить о традиционных ценностях? В стране 70 % разводов, две трети детей воспитывают мамы, а отец – ушел из семьи. Нужно реально помочь людям. Молодым семьям – с жильём. Одиноким мамам – с алиментами»¹²¹. Таким образом, В.А. Даванков вписывает семейную политику в контекст политики гендерного равенства.

В программе кандидата от ЛДПР Л.Э. Слуцкого семь пунктов, в основу которых легли результаты Всероссийского опроса граждан «Скажи Слуцкому правду!», одним из которых является семейный вопрос. Кандидат отмечает, что «для нормального развития страны нужно дать людям возможность купить или построить своё жильё», при этом «ставки по ипотеке нужно снижать и не поднимать выше 7 %»¹²². Л.Э. Слуцкий предлагает переориентировать строительную отрасль в России на малоэтажную застройку под лозунгом «Горизонтальная Россия – Россия будущего», а также создать фонд социального жилья из миллиона квартир, которые будут выдаваться семьям, у которых родился первый ребенок, и которые можно будет использовать до конца жизни¹²³. Таким образом, Л.Э. Слуцкий ориентируется на молодые семьи и стремится решить демографическую проблему через разрешение жилищного вопроса. В выступлениях доверенных лиц кандидата Россия представляется многодетной страной, в которой царит «культ семьи, материнства и детства, который существовал в стране до революции»¹²⁴, а

---

¹¹⁸ Программа кандидата в Президенты РФ В.А. Даванкова. URL:<https://davankov2024.ru/program> (дата обращения – 10.03.2024).

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ «Даст бог, скоро победим в святой спецоперации». Кандидаты в президенты поспорили об СВО и ценностях. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2024/02/28/18339697.shtml> (дата обращения – 11.03.2024).

¹²¹ Самара Город | Новости Самары. URL:https://vk.com/wall-148068601_957168 (дата обращения – 10.03.2024).

¹²² Председатель ЛДПР Леонид Слуцкий предложил установить ставку по ипотеке для россиян не более 7%. URL: <https://ldpr.ru/event/347143> (дата обращения 10.03.2024).

¹²³ Программа кандидата в Президенты РФ Л.Э.Слуцкого. URL: <https://слуцкий2024.рф> (дата обращения 11.03.2024).

¹²⁴ В Тюмени на первых выборах дебатах обсудили проблемы семьи и демографию: почему не рожают. URL:<https://fedpress.ru/news/72/policy/3300176> (дата обращения 11.03.2024).

также высказывают идею о создании отдельного министерства по делам семьи, молодежи и демографической политике¹²⁵. ««Нас должно стать больше. Граждан Великой страны, которая играет особую роль в строительстве нового мироустройства, создании геополитической многополярной архитектуры. ЛДПР готова стать не только Либерально-демократической, но и Либерально-демографической партией. Для решения этого глобального вопроса мы приложим все усилия. А если кто-то не желает развития России, тот и оспаривает необходимость демографического роста. ЛДПР не привыкла ставить диагнозы в багровых тонах, мы предлагаем программы, которые повысят качество жизни семей», – заявил Л.Э. Слуцкий¹²⁶.

Программа «Победы» Н.М. Харитоновой уделяет внимание детям и матерям, поддержке молодых и многодетных семей, поскольку «Россия несетя в демографическую яму»¹²⁷. Кандидат предлагает установить единый статус многодетных семей на всей территории страны и ввести беспроцентную рассрочку на покупку первой квартиры для семьи сроком на 20 лет¹²⁸. Доверенные лица кандидата подчеркивают, что «традиционные семейные ценности играют ключевую роль в формировании нравственности и мировоззрения граждан России», а для успешной работы семьи необходимо, «чтобы хорошо работали все социальные институты»¹²⁹.

Таким образом, семейная проблематика занимает в программах кандидатов одно из ведущих мест. Кандидат В.В. Путин как действующий Президент РФ делает ставку на многодетные семьи, предлагает идеал усилить меры финансовой поддержки семей, параллельно усиливая семейную политику идеологически через трансляцию традиционных ценностей. Проекты кандидата от партии «Новые люди» помимо существенной финансовой поддержки семей направлены на помощь одиноким матерям, актуализуют гендерную проблематику равных возможностей. Программа лидера ЛДПР Л.Э.Слуцкого ориентирована на молодые семьи и их финансовую политику. Программа кандидата от КПРФ выстроена в общем тренде российской политики на поддержание многодетных семей и отстаивание традиционных ценностей.

---

¹²⁵ Леонид Слуцкий предложил создать в России министерство демографического развития <https://ldpr.ru/event/313120> (дата обращения – 09.03.2024).

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ В Тюмени на первых выборных дебатах обсудили проблемы семьи и демографию: почему не рождают. URL:<https://fedpress.ru/news/72/policy/3300176> (дата обращения – 09.03.2024).

¹²⁸ Программа Победы. URL:<https://kprf.ru/kharitonov-program> (дата обращения 10.03.2024).

¹²⁹ Доверенные лица кандидатов в президенты рассказали о семейных ценностях. URL:<https://irkutsk.bezformata.com/listnews/doverennie-litca-kandidatov-v-prezidenti/128273532/> (дата обращения 11.03.2024).

Козьякова Н.С. (Москва, Финансовый университет)
**ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АКЦИЙ ГРАЖДАНСКИХ
ПРОТЕСТОВ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19**

На протяжении всей пандемии Covid-19 протесты против мер общественного здравоохранения, введенных правительствами, стали привычной картиной на улицах крупных городов по всему миру. Некоторые участники протестных акций придерживались ложных утверждений о том, что пандемия является мистификацией, или что она необходима для осуществления в дальнейшем политики радикального социального контроля.¹³⁰ Почему люди поверили ложным слухам и приняли участие в протестных акциях против вакцинации? Это имеет важное значение для теории и практики демократии.¹³¹

Обратимся к эпистемическим составным убеждениям. Немногие философские теории гражданских протестов включают в себя существенные эпистемические компоненты. Эпистемологических составляющих в теории справедливости, разработанных в 1960-х и начале 1970-х годов У. Бедау и Д. Ролзом, нет.¹³² Согласно данной теории, участники протестов должны действовать добровольно (то есть признавать авторитет и легитимность правовых и политических институтов государства), показывая, что выступают против проводимой политики, направленной на сохранение здоровья населения и это является их «твердой позицией», но эти требования не несут эпистемологического содержания.

Сегодня идея того, что антиваксеры состоят в эпистемических сообществах, широко распространена. По мнению врача и бывшего комиссара здравоохранения штата Индиана Ричарда Фельдмана необходимо определить, что это «обязанности, которые нужно выполнить, чтобы преуспеть в интеллектуальной (или эпистемологической) точки зрения».¹³³ Какие эпистемические обязанности могут существовать при неблагоприятной эпидемиологической ситуации? Здесь мы можем видеть препятствие в виде противников всеобщей вакцинации, которые полагали, что это невыполнимое требование и со стороны правительств всех стран мира должно быть отменено, это похоже на некоторые виды эпистемических или прагматических барьеров.

Что касается неповиновения во враждебной эпистемической среде, то акторы, которые принимали участие в протестных политических действиях, сталкивались с определенными эпистемическими ограничениями, такими, как ограниченность времени, ресурсов и информации. Участие в протестных объединениях создавало возможности для обсуждения того, какие действия должна предпринять группа, и для обсуждения того, как интерпретировать

---

¹³⁰ Waterson J. 'Anti-vaccine protesters occupy ITV News and Channel 4 headquarters', Guardian, 23 August 2021.

¹³¹ В Европе — протесты против антиковидных мер. // URL: <https://www.bfm.ru/news/486480> (дата обращения 10.03.2024).

¹³² Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, изд-во Новосибирского университета, 1995.

¹³³ Feldman R. Politicization of COVID-19 crisis and vaccines is an epidemic all its own. <https://www.palitem.com/story/opinion/columnists/2021/12/14/richard-feldman-politicization-covid-19-andvaccines-runs-rampant/6503566001/>

события. Здесь координация и действия совместно с другими остаются инструментарием, с помощью которого мы можем интерпретировать социальную реальность, в которой живем.

Необходимо обратить внимание на два возражения, которые могут быть выдвинуты против данного утверждения:

1. изложенное эпистемологическое обязательство налагает высокое бремя на несогласных;

2. оно подрывает предполагаемые эпистемологические преимущества практики гражданского неповиновения.

Но разве участники протестных акций против обязательной вакцинации могут ждать, чтобы получить подтверждение правоты своей позиции? Это будет несправедливый эпистемологический контекст,¹³⁴ когда требование от сторонников вакцинации предпринимать действия для проверки обоснованности подобной позиции с медицинской точки зрения может показаться невыполнимым или, по крайней мере, еще больше утвердиться во мнении, что их необходимо подвергать резкой критике за излишнюю консервативность.

Здесь были исключены такие претензии, которые не прошли минимального уровня проверки, например, что все, получившие вакцинацию препаратами Pfizer/BioNTech, Moderna, AstraZeneca, Johnson&Johnson, Sinopharm и Sinovac умрут через полгода или станут глубокими инвалидами.¹³⁵ (Сноска) Практика показала, что это ложное мнение и доверять ему нельзя.

Таким образом, те, кто полагали, что пандемии COVID-19 не существует, а меры общественного здравоохранения, которые были едины во всем мире, были только попытками навязать зловещие формы социального контроля, допустили эпистемологическую ошибку, приняв участие в протестных акциях против вакцинации. Позиции протестующих антиваксеров были непоследовательными, так как они не проявили эпистемологической осторожности, не изучив последствия заражения вирусом для человеческого организма. Данные обстоятельства необычны в том смысле, что эпистемологическое обязательство должным образом применялось бы в строгой форме к значительному числу тех участников, которые действовали в разумном эпистемологическом контексте, не подвергались эпистемологическому угнетению, имели свободу выражать свое мнение в публичном дискурсе и в рамках политических каналов.

Идея о том, что оправдание акций гражданских протестов против вакцинации связана с определенным эпистемологическим обязательством отдельных лиц. Здесь может казаться, что это усиливает тенденции теорий гражданского неповиновения, ставящих во главу угла интересы государства и тех, кто находится на вершине социальной и политической иерархии, требуя

---

¹³⁴ Pineda E.R. Seeing like an activist: Civil disobedience and the civil rights movement. Oxford: Oxford University Press, 2021

¹³⁵ В Европе — протесты против антиковидных мер. // URL: <https://www.bfm.ru/news/486480> (дата обращения 10.03.2024).

соблюдения справедливого государственного и политического порядка в качестве отправной точки в борьбе с пандемией.

И те, кто отвергал предписанный алгоритм действий, должны были предоставить доказательство того, какие эпистемологические особенности имеют отношение к этим случаям, если таковые есть и, если они отвергают использование любых таких требований, то сегодня они должны признать, что совершили ошибку и ввели в заблуждение многих людей, подвергнув опасности их жизни и здоровье во время пандемии Covid-19.

Комлев Н.А. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБОЙ СУБЪЕКТОВ РФ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Государство как особая система по управлению общественными процессами выполняет свою роль с помощью института государственной службы. Специальный аппарат, осуществляющий государственное управление, является важной частью функционирования и организации в принципе любой страны. Институт государственной службы имеет множество функций, однако формирование и осуществление государственной политики занимают среди них особую роль, поскольку они обеспечивают влияние государства на все общество или на конкретные его сферы. Государственная служба также необходима в части регионального управления, так как она отвечает за реализацию политики государства на уровне регионов.

Актуальность изучения связи государственной службы с развитием региона заключается в большой политической значимости этого института, так как он отвечает за реализацию государственных целей и программ на региональном уровне. В субъектах Российской Федерации сегодня наблюдается большая диспропорция регионального развития. От того, насколько эффективна работа госслужащих, зависит качество предоставляемых государственных услуг, устойчивое развитие регионов и страны в целом.

Государственный гражданский служащий – это постоянный работник органов власти в субъекте Российской Федерации, осуществляющий профессиональную служебную деятельность в рамках занимаемой им должности. Повышение эффективности работы региональных госслужащих имеет важное значение для успешной государственной политики. Для этого необходим специальный орган, осуществляющий разработку и внедрение оценок результатов деятельности государственных гражданских служащих, механизмов подбора персонала и повышения эффективности его работы.

В.В. Черепанов указывает, что «управление государственной службой — это сознательное и целенаправленное воздействие органов власти на государственную службу как систему в целях реализации ее функций». Управление государственной службой может способствовать

совершенствованию её функционирования и успешному выполнению целей и задач, стоящих перед государственными служащими.

Российская Федерация является крупнейшей по площади страной в мире. Она охватывает широкий спектр климатических и географических условий, из которых вытекают различия в экономической специализации регионов. Также она имеет территориальное деление по национальному признаку. В некоторых субъектах титульная нация преобладает над русским населением (республики Северо-Кавказского федерального округа, кроме Ставропольского края). Культурные особенности народов и экономическая специализация соответственно не могут не оказывать влияние на то, как функционирует государственная гражданская служба в регионах. Также в регионах присутствуют разные подходы к управлению государственной службой. Г.А. Борщевский выделил 3 модели: централизованная (Бурятия), частично децентрализованная (Алтай, Саха (Якутия)) и децентрализованная (Татарстан, Крым).

В России существуют общедофедеральные цели и программы, однако в каждом регионе присутствуют свои приоритеты развития, обусловленные его спецификой и конкурентными преимуществами. Например, Приморский край имеет приграничное положение с Китаем, крупным мировым экономическим актором, и выход в море, поэтому для него важно развитие транспортно-логистического комплекса. Хабаровский край традиционно является центром обрабатывающей промышленности, имеет большое разнообразие ресурсов. Главным преимуществом края является сосредоточение на его территории предприятий оборонно-промышленного комплекса, осуществляющих производство высокотехнологичной продукции с высокой долей добавленной стоимости.

Таким образом, управление государственной службой является важнейшим аспектом политики в регионе, поскольку оно непосредственно влияет на качество подбора персонала для государственных учреждений, предоставление государственных услуг населению, реализацию общедофедеральных и региональных целей и программ.

Копылова П.С. (Москва, Финансовый университет, ИНИОН РАН)
**ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА КАК
СУБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ**

Направленность на получение знаний о политике совместно с целеполаганием политологов в данной сфере способна выделить более конкретную группу людей, формирующуюся по сетевому признаку, - эпистемические сообщества. Изначально родоначальник понятия П. Хаас определил их как «сеть профессионалов с признанными компетенциями в определенной области знаний, совместно вырабатывающих критерии их истинности и способные соотносить эти узкоспециализированные знания с

практической реализацией политического курса (policy)»¹³⁶. По мнению М. Майера, «эпистемические сообщества» позволяют объединить для анализа три важных параметра — знания, коллективную организацию и политику (policy)¹³⁷.

Изучение эпистемических сообществ заслуживает значительного переосмысления на данном этапе. Многочисленные исследовательские программы могли бы потенциально использовать эту концепцию и ее предложения, например теории урегулирования гражданской войны, формирования альянсов, изменения идентичностей и так далее. В условиях все более глобализованного мира со значительным прогрессом во влиянии ценностей на опыт и знания, а также сеть профессионалов, которые их развивают и поддерживают, роль эпистемических сообществ становится все более очевидной. За последние десятилетия исследования, проведенные с использованием данной концепции, продемонстрировали свои перспективы. Ученые использовали ее, чтобы пролить свет на большой спектр вопросов от интеграции в ЕС до смягчения экологического климата и борьбы со СПИДом в Африке, поэтому можно сделать вывод о том, что эпистемические сообщества гораздо многочисленнее и важнее, чем это признается. Активизация исследований эпистемического сообщества поможет более детально погрузиться во многие вопросы, связанные с влиянием, которое оказывают экспертные сообщества на принятие политических решений.

К тому же необходимо акцентировать внимание на том, что «концепция «эпистемических сообществ» сфокусирована на процессах построения консенсуса в определенной области экспертного знания, а также распространения знания, получившего статус общепринятого, или его использования другими акторами»¹³⁸. Главный интерес концепции — в политическом влиянии, которое эпистемическое сообщество может оказывать на политику, а не достоверность предоставленных им заключений»¹³⁹.

Таким образом, рассмотрение с помощью теоретико-методологических постулатов сетевого подхода эпистемических сообществ, базирующихся на знаниях о политике, — действительно очень перспективное направление исследования, позволяющее понять роль «экспертов» в процессе принятия политических решений.

---

¹³⁶ Цит. по: Haas P. M. Epistemic communities and international policy coordination // International Organization. 1992. No. 46 (1). P. 3. (Перевод авторский — И. П.). Оригинальный вариант: «An epistemic community is a network of professionals with recognized expertise and competence in a particular domain and an authoritative claim to policy-relevant knowledge within that domain or issue-area».

¹³⁷ Meyer M. Epistemic Communities and Collaborative Research // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). 2015. Vol. 7. P. 862–866. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.41024-X>.

¹³⁸ Haas P. Policy knowledge: Epistemic communities. // International encyclopedia of the social and behavioral sciences. Edited by Smelser N., Baltes P. Oxford: Elsevier Science Ltd, 2001. P. 11579.

¹³⁹ Haas P. Introduction: epistemic communities and international policy coordination. // International Organization, 1992, Vol. 46, No. 1. P. 23.

Кречуняк Г.А. (Москва, ИОН РАНХиГС)

СООТНОШЕНИЙ КАТЕГОРИЙ ПРАВОВОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Политический суверенитет представляет собой «реальную обеспеченность политической власти, господствующей в границах определенного государства, материальными и идеальными ресурсами, что позволяет самостоятельно формировать свою волю и выражать ее в правовых нормах»¹⁴⁰.

В свою очередь правовой суверенитет, являясь неотъемлемой частью суверенитета политического понимается нами как «внешнее формальное закрепление свойств суверенитета в системе законодательства, структуре и компетенции органов государственной власти»¹⁴¹.

Элемент «форма и содержание»¹⁴² Бредихина, позволяют рассматривать юридический и политический суверенитет как отношения, где формой является юридическая сторона суверенитета, а содержанием – политический суверенитет. Находясь в диалектической связи, форма и содержание позволяют выделить ряд положений:

- неразрывность содержания и формы;
- неоднозначность связи;
- противоречивость единства;
- оптимальность развития.

Используя некоторые из этих положений, мы рассмотрим соотношение категорий юридического и политического суверенитета на примере конституционных и политических изменений в России, произошедших в период с 2020 года по настоящий момент.

Поправки к Конституции РФ, принятые 1 июля 2020 года касательно ч. 4 ст. 15 закрепили превосходство национального законодательства над международным через расширение полномочий Конституционного Суда России в части истолкования норм международных договоров, противоречащих Конституции России (ст. 79), тем самым реализовав принцип «недопущения вмешательства во внутренние дела государств». Рассматривая данные поправки как связь между формой и содержанием, где формой является Конституция РФ, а содержанием – политическая воля по её изменению, мы видим, что они органично вписываются в эти концептуальные рамки, ликвидируя разрыв между содержанием и формой. Суверен разрешает вновь возникающие проблемы изменившейся реальности посредством нестандартных политических решений, порой действуя на опережение. В данном случае таким решением стало изменение главного закона страны, который по своей природе является политико-правовой квинтэссенцией.

---

¹⁴⁰ Бредихин, А. Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: монография / А.Л. Бредихин. — Москва: ИНФРА-М, 2020. С.46.

¹⁴¹ Там же. С. 60.

¹⁴² Там же. С.73.

Выход России из членства в Совете Европы 15 марта 2022 года и денонсация Европейской конвенции по правам человека, является ещё одним решением, способствующим укреплению правового суверенитета. Кроме того, консультативные функции Венецианской Комиссии Совета Европы по конституционному праву перешли Конституционному Суду России. Причиной выхода из СЕ стало «...превращение организации в инструмент решения своих геополитических задач», посредством продвижения своих политических установок и «прогрессистских» ценностей, давления на «неудобные» государства»¹⁴³. Решения российского руководства были вызваны изменившейся политической конъюнктурой на международной арене, действующие правовые нормы перестали отвечать внутривнутриполитическим требованиям страны. Диалектическое положение «оптимальности развития» гласит о необходимости соответствия содержания (политического суверенитета) и формы (правового суверенитета) для сохранения и развития суверенитета государства. Выход из Совета Европы с последующей денонсацией его соглашений позволил привести в соответствие правовые обязательства России перед международным институтом и внутреннее устремление политического руководства страны исключить «насаждение порядка и прогрессистских ценностей».

Политический суверенитет означает независимость в принятии решений, «выражении своей воли». Качественными критериями суверенности решений считается их соответствие «фундаментальным интересам государства-цивилизации», а также единство ценностей, идеалов и традиций тех, кто эти решения принимает. Данные критерии имеют прямое отношение к суверенности власти¹⁴⁴ и её субъектов – публичных политиков, чиновников, бюрократии и т.д. Они отражены в нормах принятых в развитие поправок к Конституции РФ в части запрета двойного гражданства и вида на жительство в иностранном государстве госслужащим, военным и дипломатам. Данная норма исключает конфликт интересов сотрудников стратегических сфер государственной деятельности, тем самым приводит в соответствие форму и содержание, способствует укреплению политического суверенитета страны с помощью сохранения «идеальных ресурсов».

Правовой суверенитет является нормативным обрамлением политического, что характерно для двух элементов единого целого. О неделимости суверенитета говорил Руссо «...он неделим, ибо воля либо является общею, либо ею не является; она являет собою волю народа как целого, либо - только одной его части. В первом случае это провозглашенная воля есть акт суверенитета и создает закон. Во втором случае — это лишь частная воля или акт магистратуры; это, самое большее, - декрет.»¹⁴⁵ В первом

---

¹⁴³О выходе России из Совета Европы (справочный материал). Сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁴⁴ Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Политические основы государственного суверенитета // Вестник Московского университета МВД России. 2011. №8. Стр. 93. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-osnovy-gosudarstvennogo-suvereniteta> (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁴⁵ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права. М.: КАНОН-пресс. С.21. 1998.

случае имелся в виду наивысший закон – Конституция, как правовое проявление воли и суверенитета, все последующие законы ей подчинены.

Таким образом, гармоничное развитие государства возможно при адекватном отклике правовой системы на изменение политических основ суверенитета. Одновременно с этим важным свойством является всеобъемлющий характер политического суверенитета в сравнении с правовым, что безусловно отражается в способности политической власти самостоятельно формировать свою волю и выражать ее в правовых нормах.

Кузьмин А.Е. (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС)
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Доверие в политическом измерении традиционно связывают с формированием определенных институтов: социальных, экономических и политических.

Социальная природа доверия связана с классическими исследованиями Петра Штомки¹⁴⁶ и Апосталиса Папкостаса¹⁴⁷. При этом оба автора приходят к одному из выводов в своих работах, что люди могут оказывать влияние на уровень доверия в обществе.

Согласно размышлениям Петра Штомки, можно заметить, что отношение индивида к собственным поступкам, добросовестное выполнение обязанностей и договоренностей, позволяет формировать обратный «импульс доверия». Таким образом, доверие сначала распространится на ближайший круг, а затем по инертной цепи перейдет на все большие социальные группы и дойдет до социальных институтов.¹⁴⁸

Интерпретация концепции А. Папкостаса направлена на формирование отношения к доверию и недоверию в симметричной и нейтральной позиции. Папкостас утверждает, что этим понятиям не следует приписывать никаких социальных функций, ни позитивных, ни негативных¹⁴⁹.

Согласно анализу научной литературы с точки зрения А.Е. Хренова¹⁵⁰, можно выделить следующие аспекты в трактовке доверия: доверие связывается с конкретным контекстом в различных ситуациях; для доверия характерно состояние зависимости; доверие напрямую связано с условиями взаимодействия; доверие является актом проявления доброй воли и выбором альтернативных вариантов социальных действий; доверие – динамичный

---

¹⁴⁶ Доверие — основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012.

¹⁴⁷ Папкостас А. Становление цивилизационной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция. М.: ВЦИОМ, 2016.

¹⁴⁸ Быкова О.Е. Концепция доверия Петра Штомпки // Философия и общество. Выпуск №2(99). 2021.

¹⁴⁹ Глушко И. В. Доверие и недоверие: диаметрально противоположность или целостная социальная реальность? // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10, № 2-1. – С. 24-36. – DOI 10.12731/2077-1770-2018-2-24-36.

¹⁵⁰ Хренов А.Е. Роль доверия в конструировании социальных институтов // Труды Санкт-Петербургского института культуры и искусств. 2015. Т. 208. В 2-х ч. Ч.2. С. 183–192.

процесс, которому характерно изменение в нескольких направлениях (усиление, ослабление, увеличение, уменьшение).

Проследить экономическую природу доверия можно и в институциональном, и в неинституциональном подходах, которые применяются при изучении политологических функциональных зависимостей.¹⁵¹

Политическое измерение доверия также находит свое отражение в трудах отечественных исследователей¹⁵². Данный интерес подтверждается современным запросом в российском научном сообществе обращением к теме исследований категории «доверия» в следующих работах:

1) Волохонский В.Л. Феномен доверия в публичной интернет-коммуникации // Отчет о НИР № 10-06-00354. Российский гуманитарный научный фонд. 2011;

2) Данилов С.А. Политический порядок и институт доверия в современной России: риски легитимности и институциональный транзит // НИР: грант № МК-84.2014.6. Совет по грантам Президента Российской Федерации. 2014;

3) Кольцова Е.Ю. Политические новости о России и ее соседях в социальных сетях: основные содержательные характеристики, факторы доверия и распознавания достоверности пользователями разных стран // НИР: грант № 19-18-00206. Российский научный фонд. 2019, 2020, 2021;

4) Рогачев С.В. Технологии управления доверием к власти, упреждение угроз и вызовов региональной социальной-политической стабильности // НИР: грант № 20-011-31357. Российский фонд фундаментальных исследований. 2020;

5) Федотова В.А. Политическое доверие и готовность к политическому поведению у молодежи: роль ценностей и идентичности // НИР: грант № 21-011-32249. Российский фонд фундаментальных исследований. 2021.

Также в последние годы категорию «доверие» начинают использовать для исследования таких категорий, как:

1) Медиадверие (Media Trust & Information in the Digital Age (12th ASEF Journalists' Seminar (ASEFJS12), 2020);

2) Цифровое доверие (Earning Digital Trust: Decision-Making for Trustworthy Technologies, 2022);

---

¹⁵¹ Кичигин О.Э. Роль доверия в общественных отношениях: институциональный аспект // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 93. Август 2022. - DOI: 10.24412/2070-1381-2022-93-65-80; Шорина И.Н. Институциональное доверие как условие стабильности современного российского общества: региональный аспект. Автореферат диссертации на соискание ст.к.соц.н. Пенза, 2013; Швери Р. Теоретическая социология Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социологический журнал. 1996. № 1-2. С. С. 62-81; North D., Alston L., Eggertsson T. Empirical Studies in Institutional Change. — Cambridge University Press, 1996. — 376 p.

¹⁵² Черницына Е.Н. Политическое доверие: как его измерить? // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск №54. Февраль 2016. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25597184_23596627.pdf; Козырева П.М., Смирнов А.И. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестник Института социологии. 2015. № 12. С. 79-99; Терин Д.Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 2. С. 90-109. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846>.

3) Кибер-социальное доверие (Trust in cyber-societies: integrating the human and artificial perspectives, 2001).

Например, в статье М.Г. Шилиной и С.А. Вартанова «Доверие как категория теории коммуникации в парадигме цифровой экономики (к постановке научной проблемы)»¹⁵³ обозначена важная проблема, которая затрагивает исследование современных подходов в теории коммуникации – применение «субъект-субъектной гибридной модели коммуникации в Интернете».¹⁵⁴ С позиции теории коммуникации, а также предложенного подхода М.Г. Шилиной к исследованию «коммуникативной сущности доверия в гибридной реальности» и определения спектра вопросов исследования, согласно указанной статье М.Г. Шилиной и С.А. Вартанова, расширяется парадигма классических исследований категории «доверия»:

1) Каковы коммуникативные характеристики доверия как междисциплинарного объекта изучения?

2) Каковы трансформации категории доверия в гибридной коммуникации?

3) Каковы параметры общественного доверия граждан к государственной коммуникации в Интернет-пространстве?

Таким образом, в ходе исследования литературы, можно заметить, что политическое доверие является актуальной темой в том числе в рамках развития цифровых технологий. Оно влияет на уровень экономического роста и общественного благосостояния. Формирование политического доверия к цифровым системам и технологиям требует детального изучения и анализа социальных эффектов цифровизации, а также определения препятствий для его развития.

Кузьмина А.М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ТРАНСМЕДИЙНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В эпоху тотальной медиатизации социальных и политических процессов и развития цифровых технологий происходят изменения и в коммуникациях, реализующих эти процессы. Коммуникации акторов публичной сферы приобретают интермедийный характер, становятся трансмедийными. Это, безусловно, оказывает влияние на характер формирующихся социальных и политических связей акторов публичной сферы. Поэтому автор в рамках исследования рассматривает основные возможности реализации публичного управления в условиях институализирующейся интермедийности современных медиакоммуникаций.

¹⁵³ Шилина М.Г., Варатнов С.А. Доверие как категория теории коммуникации в парадигме цифровой экономики (к постановке научной проблемы) // Меди@льманах. 2019. № 1(90). С. 20-38

¹⁵⁴ Шилина М.Г. Корпоративные интернет-ресурсы в системе общественных связей: структура, содержание, особенности развития: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Среди интермедийных форм медиакommunikации мы выделяем трансмедийные коммуникации или ставший популярным в отечественном и западном медиапроизводстве – трансмедийный сторителлинг. Возникает исследовательская задача в определении понятийного аппарата интермедийных форм коммуникации в медиасреде в контексте обеспечения конвергентными свойствами создаваемые и дистрибутированные информационные продукты медиасреды.

Г. Дженкинс определяет процесс трансмедийных коммуникаций как «повествование, в котором разные части целостной истории транслируются по нескольким коммуникативным каналам с целью создания единого и координируемого опыта. В идеале каждый канал коммуникации вносит собственный уникальный вклад в разворачивание этой истории»¹⁵⁵. Р. Гамбарато в своих исследованиях также подчеркивает сложность определения границ понятия «трансмедийный сторителлинг». В своем исследовании Е.Г. Лапина-Кратасюк с Р.Гамбарато уточняют, что «трансмедийное повествование транслирует одну большую всепроникающую историю, привлекая интерес аудитории. Но речь идет не о предложении одного и того же контента на разных медиа-платформах, а об опыте создания картины мира, когда история разворачивается постепенно и формируются возможности для ее развития с новым и актуальным содержанием»¹⁵⁶. Соответственно, в отличие от кроссплатформенных интеракций, трансмедийные коммуникации предполагают синергетический эффект повествовательной деятельности субъектов коммуникации, которыми на разных медийных площадках могут быть как актер, кто инициировал коммуникацию, так и аудитория, на кого информационное воздействие было направлено.

Для того, чтобы выявить специфику трансмедийных коммуникаций для проведения дальнейшей оценки на предмет реализации публичного управления обратимся к исследованиям Р.Праттена. Р. Праттен выделяет следующие специфические черты трансмедиа¹⁵⁷:

- 1) зрители переносят повествование из одной среды в другую;
- 2) контент разворачивается на нескольких медиаплатформах;
- 3) на каждой платформе воспроизводится та часть сюжета и драматургии, которая ярче всего может быть донесена с помощью этой платформы;
- 4) история может развиваться на нескольких платформах параллельно или последовательно, синхронно или нелинейно;
- 5) существует несколько «точек входа» во вселенную истории;
- 6) потребление контента является активным.

Ключевая составляющая процесса трансмедийных коммуникаций – вовлечение аудитории в медиакommunikацию, когнитивная отдача и желание

---

155 Jenkins, H. Transmedia Storytelling / H. Jenkins // «MIT Technology Review». – 2003 Available at: <https://www.technologyreview.com/s/401760/transmedia-storytelling/>

156 Гамбарато Р.Р., Лапина-Кратасюк Е.Г., Мороз О.В. Панорама российских трансмедиа: опыт картирования мультиплатформенных инициатив. Цифровая культура и гуманитарные исследования. – 3-27с.

157 Pratten, R. Getting Started in Transmedia Storytelling: A Practical Guide for Beginners. – Seattle: CreateSpace, 2011. – P. 13–15

следовать от одной медийной площадки к другой в поисках продолжения трансмедийной истории и расширения нарратива.

Эффективность публичного управления детерминируется, с одной стороны, тем, что публичные цели отражают ценности, потребности, социальные запросы граждан, а, с другой стороны, тем, что государственные органы и институты гражданского общества как акторы публичного управления надлежащим образом реагируют на артикулирование и агрегацию общественных нужд, а также их легитимизацию в процессе своей деятельности. Однако граждане проявляют пассивное отношение к данным процессам.

С другой стороны, публичное управление понимается нами не как государственное управление, а скорее публичность управления выражается нами через призму деятельности институтов гражданского общества, реализующих социальные функции государства. Институты гражданского общества агрегируют общественные запросы и осуществляют их реализацию.

Мы полагаем, что трансмедийные коммуникации становятся механизмом реализации публичного управления. Именно в процессах медиакоммуникации средствами медийных площадок и в формате трансмедиа у граждан формируется культура со-участия. Партисипаторное участие аудитории в формируемом трансмедийном нарративе может служить оценкой реализации публичного управления.

Кулаковский Р.К. (Новосибирск, СибГУТИ)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ

В многообразии сферы политики особое значение имеют актуальные практики политической коммуникации, позволяющей выстроить эффективный информационный обмен между властью и населением, политическими, гражданскими институтами в общих интересах развития общества. За прошедшие 10-15 лет сфера политической коммуникации претерпела революционные изменения, связанные с широким развитием интернета во всех направлениях общественной жизни. В настоящее время можно говорить о качественных изменениях политической коммуникации с точки зрения ее форм, способов и технологий: стала иной степень ее интерактивности и оперативности; вырос уровень вовлечения в интернет-коммуникацию политических институтов, активно развиваются новые платформы по распространению и обмену информацией.

Все это не могло не отразиться на политической коммуникативистике, предметом которой выступают, в частности, «различные практики политической коммуникации или деятельность по созданию и обмену политическими смыслами как вербального, так и невербального свойства на

различных уровнях общения, а также политические тексты и политическая информация, составляющая ее ткань»¹⁵⁸. Большое значение при этом приобретает прикладная коммуникативистика как «комплекс научных дисциплин, исследующих конкретные коммуникационные ситуации с целью разработки практических советов и рекомендаций, служащих повышению эффективности коммуникации»¹⁵⁹.

В связи с этим представляется актуальным рассмотреть изменения в формировании политических коммуникаций в регионах России на современном этапе – в 2020-х гг. На наш взгляд, данный фокус исследования позволяет обозначить ряд вызовов.

1. Оперативность информационного обмена, установление устойчивой обратной связи власти с гражданами за счет интерактивного инструментария социальных медиа (комментарии в соцсетях, публикация мнений в телеграм-каналах, организация кампаний по сбору подписей, петиции и т.д.) – все это повлияло на процесс принятия политических, управленческих решений, повысило возможность формирования различных групп политических интересов. В субъектах РФ данный процесс протекает более заметно, будучи максимально приближенным к интересам населения в контексте региональной информационной повестки.

2. Впервые введенные законодательно в 2022 году требования по обязательному ведению аккаунтов в социальных сетях всех государственных и муниципальных органов власти, учреждений привели к повышению степени публичности региональных политических институтов, вызвали серьезные изменения в качестве политической коммуникации с точки зрения ее интерактивности и развития на этой основе технологий электронного государства.

3. Многократно возросшее количество кризисных ситуаций и рисков в сфере медиа, информационных фейков и угроз в сочетании с оперативностью их распространения поставили перед властью задачу формирования новой системы информационной политики, направленной на противодействие данным вызовам. Это в полной мере коснулось регионов России.

4. Альтернативные примеры PR-коммуникаций региональной политической власти «по старым образцам» (закрытость, низкая активность, отсутствие реагирования на информационные угрозы, неспособность договориться со СМИ и т.д.) в российских регионах вошли в противоречие с новой политической реальностью, что позволяет проанализировать данный процесс в контексте сравнения практик по линии «было – стало».

Анализ региональных практик политической коммуникации возможно вести по ряду проблемных направлений, опираясь на ключевые категории

---

¹⁵⁸ Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика в России: проблемы становления// Коммуникология. 2014. №3. Том 5. С. 59.

¹⁵⁹ Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика/ под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С.47.

политической коммуникативистики, в частности, медиадискурс, имидж и государственный бренд, soft power и т.д. Возможные направления исследований могут раскрыть ряд проблемных вопросов:

1. Практики политического медиадискурса в регионах России:

- примеры ключевых операций медиадискурса (установление общественной повестки дня и пропаганда политических институтов, проектов): как формируется общественная повестка дня в регионах, кто является ее субъектами, какие политические институты задействованы в данном процессе;

- специфика медиакommunikаций как части регионального политического медиадискурса: новое качество PR-коммуникаций, медиатекстов и т.д.;

- отношения PR-служб органов власти с медиа, СМИ;

- влияние медиадискурса в регионе на политические решения, электоральные процессы на местах.

2. Имиджевые PR-коммуникации в практике региональной власти:

- изменения в процессе формирования имиджа региональной власти за последние годы;

- политическое значение имиджа регионов и действующей в них региональной политической власти, его управленческие возможности;

- имиджевые стратегии субъектов РФ: PR-продвижение имиджа регионов.

3. Антикризисные PR-коммуникации региональной власти на примере 2020-2024 гг.:

- профилактика и противодействие информационным фейкам, медиариска;

- выстраивание системы оперативного информационного реагирования со стороны политической власти региона;

- антикризисные кейсы в региональной политике 2020-2024 гг. (пандемия коронавируса, информационные угрозы в период специальной военной операции и т.д.).

Таким образом, богатство практик политической коммуникации в субъектах РФ с учетом многообразия коммуникационных ситуаций в сфере регионального политического управления дает возможность введения в научный оборот значительного нового материала, конкретных примеров, что может представлять серьезный интерес с точки зрения предмета исследования современной политической коммуникативистики.

Куликова Д. Д. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ИДЕИ КОНСЕРВАТИЗМА СРЕДИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВА «АКАДЕМИСТОВ»

Проблема идентичности в современном обществе является крайне актуальной, есть риск потерять целое поколение молодых людей, которые не сформировали свое мировоззрение. Молодежь испытывает сильную потребность в ответах на свои внутренние вопросы о смысле жизни, собственную роль в обществе и целях своего существования. Однако, на этом фоне потребность в идеях консерватизма среди современной молодежи России только увеличивается. Консерватизм представляет собой стремление использовать скрытые потенциальные ресурсы общества. Собственно, просвещенность и "наукоемкость" консерватизма проявляются в попытке задействовать в процессе модернизации то, что не поддается ей: старые обычаи, предания и традиции.

При этом особенно важно не скатиться в бытовой национализм от пропаганды патриотических идей и не спровоцировать рознь, возникающую на почве культурных и этнических различий между отдельными слоями российского общества. В этой связи в основу патриотического воспитания должно быть положено развитие евразийской мысли, снимающей подобные противоречия, что особенно актуально в свете реализации проекта создания Евразийского союза, который для президента России В.В. Путина стал одним из главных в сфере восстановления общественного единства. В этой связи, государству становится политически выгодно поддерживать консервативные настроения в молодежной среде, сформировавшимся в противовес западной масскультуре, космополитизму и в целом неолиберальной идеологии, создающие деструктивный контент в сознании молодого поколения.

Любовь к Отчизне, консерватизм, евразийство и преданность обычаям уже становятся новой молодежной манерой, создавая новую молодежную нравственность. А это не только лишь обычные проявления порядочности, честности и открытости, но и совокупность увлеченности внутренними, народными, религиозными традициями, корнями, архаикой и стариной, а также авангардистскими креативными конфигурациями самовыражения, основанными на наших многогранных и состоятельных устоях.

Примером массового молодежного движения, отстаивающее консервативные идеи, является Общество «Академистов». Академисты — это сеть кружков, объединяющих патриотически и консервативно настроенных студентов ведущих российских вузов. Академисты - исторические наследники и продолжатели традиций студенчества Российской империи. Общество было создано при активной поддержке и участии заместителя главы Всемирного Русского Народного Собора, председателя Совета Общества «Царьград» - Константина Малофеева.

Деятельность Академистов состоит в: патриотическом воспитании в духе патриотизма и готовности к защите Родины; привитии уважения к традиционным духовно-нравственным идеалам; привитии традиционных

семейных ценностей и ответственного отношения к институтам брака и семьи; историческом и культурном просвещении; участии в реализации общественно значимых проектов; содействии общественно-политической, научной, творческой самореализации Академистов; поиске талантливых студентов и привлечении их к деятельности отечественных научно-исследовательских и экспертных площадок.

Значением существования любого Академиста считается преданное служение Господу, Отечеству, собственному народу, а кроме того, собственной семье.

Россия для Академистов — это уникальная цивилизация, отличающаяся от других особой духовной и исторической миссией, религией, тысячелетней историей, этическими и культурными кодами, национальным характером своего народа, климатическими и географическими условиями жизни, а также самобытной государственностью. Россия имеет собственный путь развития, отличающийся от путей развития Западной и Восточной цивилизаций.

Россия - уникальное многонациональное и многоконфессиональное государство. Поэтому сохранение традиций и самобытности всех ее народов играет крайне важную роль. Особенно для жизни малых этносов, особенно на периферии страны, процессы модернизации могут стать разрушительными. Поэтому необходимо подходить к любым социальным экспериментам с большой осторожностью, адаптируя модернизационные схемы к местным условиям. К слову, на данный момент формируется заметный слой мыслящей молодежи, способной поставить перед российским обществом актуальные проблемы и имеющей свое видение перспектив нашего развития. Эти молодые люди, без преувеличения, являются нашим самым ценным богатством, чьи интересы государство должно учитывать и защищать.

Купряшин Г.Л. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К МОДЕЛЬНОМУ ОБНОВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Понятие турбулентности подразумевает необходимость гибко и быстро реагировать, отвечая на шоковые воздействия и приспосабливаясь к изменениям. Однако это приспособление и динамика часто не имеют конкретных целевых ориентиров, что снижает управляемость системы. Таким образом, основная опасность турбулентности как постоянного фактора среды – это риск неуправляемости вследствие расстройств институционального дизайна, запаздывающих и ошибочных решений, неспособных справиться с множественными, одновременными вызовами, выходящими за рамки устоявшейся функциональной структуры и привычных алгоритмов управленческой практики.

В свою очередь, эта практика формируется возможностями, предоставляемыми сложившимися идейными моделями («парадигмами») государственного управления. Однако определяемые этими моделями инструменты адаптации к постоянно возникающим шокам не дают основание утверждать об их успешности по снижению уязвимости институтов и функций для обеспечения динамической устойчивости.

Так, бюрократическая модель (Weberian state paradigm) работает как успешный функциональный механизм при использовании стандартных процедур управления сложными, но повторяющимися и административно структурируемыми процессами. Как подчеркивают специалисты, участие бюрократии в организации более гибких действий, включающих импровизацию, при столкновении с новыми и быстро развивающимися экономическими, демографическими и экологическими проблемами остается малоэффективным. Другой, менеджеристской модели (new public management) решению задач управления турбулентностью мешают возникающие как последствия административных реформ ловушки. Характерное для данной модели «государство услуг» может быть функционально на уровне государственных организаций, выстраивающих деловые процессы аналогично корпорациям частного сектора. Однако сервисный подход сбивает при попытках создать устойчивую к дисфункциям макросистему, способную к инновационной адаптивности, самообучению и мобилизации ресурсов в условиях турбулентности.

Третья, сетевая или общественно-государственная модель (new public governance) преодолевает ограниченность сервисного подхода, отдавая приоритет ценностям и ориентируясь на консенсусные управленческие решения для всех включенных в горизонтальные процессы взаимодействия (обмена ресурсами) акторов. Однако, это не выводит ее из ограниченных границ ситуационной сложности, поскольку сети не только имеют высокие транзакционные издержки, но и игнорируют критерий скорости принятия управленческих решений, что в условиях турбулентности недопустимо.

В итоге можно утверждать, что все три базовые модели государственного управления не позволяют обеспечить адекватную турбулентности функциональную устойчивость и одновременно инновационное развитие. Удовлетворение объективно существующей потребности в инструментах управления турбулентностью, совмещающих стабильность и развитие, дает новая модель управления, основанная на робастности (robustness).

Робастное управление предполагает сохранение функциональности перед лицом турбулентности. Ключевые свойства робастной системы – согласованность, последовательность и адаптивность, что можно представить как критерии изменений институционального дизайна государственного управления, ориентированного на решение следующих фундаментальных задач управления турбулентностью:

- согласованность означает координированное противостояние неблагоприятному воздействию на разных системных уровнях, что означает

способность восстанавливать то, что потерпело ущерб и развивать функции государственного управления на новой основе, включающей адекватные элементы всех трех его базовых моделей;

- последовательность предполагает не только включение временных критериев в оценку способности к управлению турбулентностью, она сочетает тактику реактивных действий с долгосрочной стратегической перспективой управления турбулентностью;

- адаптивность основана на развитой системе консультирования по вопросам государственной политики («доказательная политика»), что положительно влияет на доступность и качество данных, повышение уровня значимости форм общественного контроля, оценку эффектов политико-административного воздействия.

Таким образом, робастность должна встроиться в структуры существующего институционального дизайна, форматирующего политико-административные способности и соответствующие им механизмы государственного управления, что будет означать его модельное изменение, адекватное вызовам турбулентности внешней и внутренней среды.

Латин А.В. (Москва, ИГСУ РАНХиГС),

Ильичев М.В. (Москва, ЦЭМИ РАН)

СТРАТЕГИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОТ РУЧНОГО К СИСТЕМНОМУ УПРАВЛЕНИЮ

Сегодня в региональных и муниципальных органах публичной власти назначения властных акторов и объемы ресурсов, находящиеся в их распоряжении, во многом зависят от степени их поддержки как со стороны федеральных и региональных администраций, так и со стороны конкурирующих элит, стремящихся найти поддержку населения, а также региональных и местных СМИ. Это в целом усложняет для региональной и муниципальной власти процесс управления в регионе и требует постоянного внимания и активного «ручного» включения в решение проблемных вопросов на местном уровне.

Многообразие используемых в границах любого региона страны стратегий регионального и муниципального управления затрудняет администрирование программ и проектов и, тем самым, снижает эффективность регионального и муниципального управления. Выход из этого сложного положения региональная власть видит в проведении политики «огосударствления» местного уровня власти с целью принудительного снижения уровня муниципальной автономии¹⁶⁰ и приведения действующих

---

¹⁶⁰ Попадюк, Н. К. Возможные сценарии развития муниципального самоуправления в посткризисный период / Н. К. Попадюк // Самоуправление. 2021. № 5(127). С. 39-43; Михеев Д.С. К вопросу о «вмешательстве» государственной власти в дела местного самоуправления // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2021. № 2. С. 36–39. DOI: 10.18572/2500-0349-2021-2-36-39

муниципальных стратегий управления к некоему универсальному типу, позволяющему, с одной стороны, обеспечить управляемость муниципалитетов, с другой стороны, соблюсти принципы муниципального самоуправления и удовлетворить амбиции муниципальных руководителей, связанные с намерением добиться значимого репутационного успеха при реализации муниципальных программ.

Поэтому ключевой задачей регионального и муниципального развития становится формирование такой стратегии управления, которая позволит обеспечить долгосрочное развитие регионов на основе согласованной между всеми уровнями власти модели управления, способной эффективно функционировать как в условиях внешнего давления на экономику страны, дефицита материальных и финансовых ресурсов, многообразия особенностей стратегий ведения хозяйства на муниципальных территориях, так и в конкурентной среде региональных и муниципальных властных, экономических и общественных акторов, стремящихся удовлетворить свои законные интересы.

Очевидно, что региональным и муниципальным руководителям при выборе наиболее благоприятной альтернативы приходится работать с огромным массивом экономической, социальной и иной информации, которую требуется оценить через призму поведенческих и ценностных установок различных социальных групп населения с учетом культурных, информационных, правовых, погодных и иных факторов, препятствующих или содействующих муниципальному и региональному развитию, мнения федеральных и региональных чиновников, а также уровня компетенции тех людей, которые должны выполнять планируемые решения, и т.д.

Подобное положение диктует переход к работе в специфической информационной среде, в которой регион или муниципалитет должны предстать в образе своих цифровых двойников, описываемых большими данными, управляемыми искусственным интеллектом, выстраивающим оптимальную траекторию управляющих воздействий на экономику и население подконтрольных территорий. Такой подход предусматривает предварительное моделирование различных ситуаций в информационном пространстве с тем, чтобы прогнозировать возможные вызовы и угрозы региону и муниципалитету, оценивать вероятные риски и разрабатывать соответствующие мероприятия, направленные на упреждение этих рисков.

Прогностический подход к модели управления развитием региона и муниципалитета предполагает интегративную парадигму процесса принятия политических решений, основанных на глубоком анализе не только состояния местного народнохозяйственного комплекса, но и учета политической воли власти к достижению региональных и муниципальных приоритетов, уровня мотивации социальных групп жителей к добросовестному труду, желания предпринимательского сообщества к созданию общественно-значимых товаров и услуг, и многого другого.

Формирование такой прогностической модели управления региональным и муниципальным развитием возможно лишь при наличии

формализованного образа будущего региона и муниципалитета как политической цели, выработанной совместно властью, бизнесом и обществом, которая обязывает региональную и муниципальную власть выстраивать все свои решения по достижению основных компонентов социально-экономического развития региона и муниципалитета, в стратегическом соответствии как с этим целеполаганием, так и в стратегическом соответствии с национальными целями и приоритетами страны. В результате происходит «сшивка» федеральных, региональных и муниципальных целей и задач, в то время, как сейчас местное самоуправление действует преимущественно в условиях автономного «ручного управления», которое более или менее позволяет в условиях постоянного дефицита бюджетных средств решать текущие проблемы на местах, но препятствует формированию устойчивой долгосрочной стратегии развития, не зависящей от лоббистских возможностей и компетенции тех или иных должностных лиц.

Для реализации такого процесса необходимо внедрить разработанную в Центральном экономико-математическом институте Российской академии наук (ЦЭМИ РАН) прогностическую систему на базе цифровой модели региона/муниципалитета, способную формировать прогноз последствий при имитации управленческих воздействий, производимых региональной и муниципальной властью. Основным преимуществом данной модели является то, что с ее помощью можно прогнозировать изменение состояния систем в целом с учетом интегрального результата действий и взаимодействий большого числа самостоятельных индивидов (агентов), вследствие чего этот метод был назван агент-ориентированным¹⁶¹.

Разрабатываемый подход с элементами имитации процессов, происходящих в социально-политической среде, направлен на достижение как можно более точного воспроизводства в искусственном (компьютерном) обществе политических, экономических и социальных процессов, а также предоставление пользователям агент-ориентированной модели широких возможностей по управлению этими процессами, осуществляемого с использованием возможностей искусственного интеллекта и нейронных сетей.

Лебедева М.М. (Москва, МГИМО)

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА

Проблема власти в мировой политике одна из наиболее обсуждаемых на протяжении многих десятилетий. Очевидно, что на мировой арене невозможна абсолютная власть, тем не менее, влияние может быть весьма

---

¹⁶¹ Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Агент-ориентированная модель как инструмент регулирования экологии региона / Журнал Новой экономической ассоциации, №1 (45), 2020. С. 151-171. // URL: <https://www.econorus.org/repec/journl/2020-45-151-171r.pdf>

значительным. В этом смысле власть понимается как способность оказывать влияние в мире. Как осуществляются властные отношения в условиях отсутствия верховной власти? Ответы на этот вопрос даются различные. Один из наиболее распространенных ответов – путём выстраивания мирового порядка. Существует множество подходов к определению мирового порядка¹⁶², тем не менее, в большинстве случаев он понимается как влияние, оказываемое на мир структурными взаимоотношениями ведущих государств. За более, чем тридцатилетний период после распада биполярной системы так и не сформировался новый мировой порядок. Представляется, что это не случайно. В условиях трансформации политической организации мира, в основе которой лежит Вестфальская модель, переживающая период эрозии¹⁶³, сложно выстраивать какие-либо стабильные межгосударственные структуры и отношения. В этих условиях негосударственные акторы становятся всё более влиятельными. Кроме того, политическая организация мира включает в себя также политические системы различных государств. Проблемы, с которыми сегодня сталкиваются многие государства, в том числе развитые, влияют на хаотизацию политической организации мира, что затрудняет оказания целенаправленного влияния.

В то же время, государства, оставаясь на сегодняшний день ключевыми акторами, стремятся оказывать свое влияние на мир, иными словами, проявлять свою «власть», используя различные ресурсы. Если до середины XX века ресурс влияния представлял собой единый комплекс силовых, экономических и гуманитарных средств (влиятельное государство должно было обладать всем комплексом этих средств), то с середины XX в. ситуация начинает меняться. Сначала достаточно явно стала проявляться возможность экономического ресурса, о чём свидетельствует, в частности, экономический кризис 1970-х гг. В конце XX в. – начале XXI в. социальный и гуманитарный ресурс приобрел важное значение и стал включаться в силовой ресурс (фейковые новости, гибридные войны) и экономический ресурс (информационное сопровождение помощи развитию, гуманитарная помощь и т.п.). В результате ресурс оказания влияния вместо единого комплекса стал представлять собой совокупность трёх видов ресурсов. При наличии всех трёх видов ресурсов у государств, безусловно, оказываются наибольшие возможности реализации властных полномочий на мировой арене. Именно поэтому мировой порядок до недавнего времени определялся ведущими державами мира. Однако обладание одного или двумя видами ресурсов также становится значимым для оказания влияния.

Как будет трансформироваться политическая организация мира, сказать сложно. Тем не менее, следует предположить, что мир пойдёт по пути развития сетевых связей. В этом случае полезны могут быть представления М. Кастельса о том, что власть будет принадлежать «субъектам и организациям,

---

¹⁶² Подходы к определению мирового порядка см.: Фененко А. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. 2023. № 21(1). С. 6–42.

¹⁶³ Лебедева М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО – университета. 2016. № 2. С. 125-133.

включенным в сети, составляющие ядро глобального сетевого общества» (с. 773)¹⁶⁴. Что касается ресурса, то особую роль здесь будет играть коммуникационный ресурс как часть социального и гуманитарного ресурса.

Леонтьева О.В. (Тирасполь, ПГУ им. Т.Г. Шевченко)

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ВЫЗОВЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Принятие и реализация управленческих решений (мы ограничиваем сферу настоящего исследования государственными институтами) как способ осуществления распорядительной деятельности является одной из наиболее значимых функций государства в целом и отдельных социально-политических институтов, в частности, политических элит. Как представляется, при принятии управленческих решений важно учитывать несколько факторов в их неразрывной взаимосвязи: учет текущих реалий, прогнозирование эффекта от реализации решений, анализ опыта применения предыдущих решений в соответствующей сфере, а также существующую в обществе систему ценностных ориентиров. В известной степени можно говорить о триаде «опыт – реальность – прогноз», основанной на ценностном фундаменте.

Значимость опыта реализации решений, ранее принятых в соответствующей сфере, может быть подтверждена такой динамично развивающейся отраслью, как цифровизация. Всё больше сервисов, связанных с общественно-политическими процессами в России, становятся доступными в цифровом формате, однако опыт показывает, что и эти тренды требуют корректировки. Так, с середины января 2024 г. адвокаты в России получили возможность цифровой записи на доступ в СИЗО для встреч с доверителями; однако выяснилось, что разработанное программное обеспечение требует от адвокатов загрузки в систему документов, не предусмотренных законом. До вступления поправок в силу от уполномоченных органов власти были получены заверения, что произошел технический сбой и недостатки будут устранены; практика, впрочем, показала, что исправление одного элемента системы пока не гарантирует эффективности использования всего механизма в целом, т.к. система электронной очереди практически не выдает свободных слотов для записи¹⁶⁵.

Учет текущих реалий важен для оперативной корректировки управленческих решений практически на всех уровнях. Стоит, однако, принять во внимание то обстоятельство, что, по мере повышения уровня

---

¹⁶⁴ Castells M. A network theory of power // International Journal of Communication. 2011. Vol. 5. Pp. 773-787. // URL: <https://www.dhi.ac.uk/san/waysofbeing/data/citizenship-robson-castells-2011.pdf>

¹⁶⁵ См. подр.: Е. Трифонова. При проходе в СИЗО защитники столкнулись с неправильной цифровизацией // Независимая газета. – 2024. – 8 января. // URL: https://www.ng.ru/politics/2024-01-08/3_8916_advocacy.html (дата обращения: 17.02.2024); Е. Трифонова. Цифровизация плохо приживается в СИЗО // Независимая газета. – 2024. – 4 февраля. – URL: https://www.ng.ru/politics/2024-02-04/1_8939_digitalization.html (дата обращения: 17.02.2024)

принятия решений, возрастает значение внешних факторов, которые нередко могут иметь определяющее значение для внутривнутриполитических управленческих решений. К примеру, руководство Приднестровья в начале 2024 г. было вынуждено оперативно корректировать размер повышения пенсий в текущем году из-за внешнеполитического фактора – усиления давления и роста ограничений со стороны Республики Молдова. Повышение пенсий произошло, но, как отмечалось, в меньшем объеме, чем планировалось¹⁶⁶. Таким образом, именно высший уровень принятия управленческих решений может напрямую зависеть от внешнего фактора, в то время как иные уровни испытывают такое влияние в опосредованном формате.

При этом крайне важно, чтобы управленческие решения строились на грамотном, максимально точном прогнозе, сопровождаемом соответствующими рекомендациями. В этом состоит один из важнейших рисков, связанных с принятием управленческих решений, – риск недостоверности прогнозирования. Отмечается, что «траектория общественного развития» практически не поддается математическим формулам, а «любой прогноз – это только попытка прогноза»¹⁶⁷. Современная турбулентность в международных и региональных процессах, перманентные риски дестабилизации затрудняют внешне- и внутривнутриполитическое прогнозирование, а «черные лебеди» в политических процессах могут оказать серьезное влияние на перспективы реализации самых выверенных прогнозов. Более того, развитие глобализации, взаимосвязь различных процессов и других факторов во многом затрудняет прогнозирование даже рядовых событий, не говоря уже о явлениях глобального порядка. К примеру, для многих субъектов принятия управленческих решений «черным лебедем» стала пандемия коронавируса, приведшая к экстренной корректировке уже сформированных прогнозов и решений.

Наконец, для устойчивости социально-политических систем, их резистентности внешним и внутренним вызовам и рискам важно, чтобы процесс принятия и реализации управленческих решений опирался на внятную систему ценностей, воспринимаемую большинством данного социума, а также обеспечивало преемственность в ретрансляции базовых ценностных установок между различными поколениями. Коллективными ценностями выступают легитимность власти, верховенство закона и т.д.; ценности выступают своего рода «сеткой координат» и могут закрепляться в традициях, правовых нормах, религиозных канонах и т.п.¹⁶⁸ Принятие управленческих решений и система ценностей взаимозависимы: ценности влияют на содержание решений, но и решения могут быть ориентированы на

---

¹⁶⁶ Послание Президента Приднестровья органам госвласти и управления (стенограмма), 22.01.2024 // Официальный сайт Президента Приднестровья. // URL: <https://president.gospmr.org/press-sluzhba/novosti/poslanie-prezidenta-pmr-organam-gosvlasti-i-upravleniya-stenogramma.html> (дата обращения: 17.02.2024)

¹⁶⁷ Н.П. Шмелев, В.П. Федоров. Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности). М.: Ин-т Европы РАН, Рус. сувенир, 2007. С. 8

¹⁶⁸ Рубинский Ю.И. Ценностные ориентиры Европы. – М.: Ин-т Европы РАН, 2013. С. 9

сохранение или трансформацию системы ценностей (защита идентичности, установление санкций за посягательство на институт традиционной семьи и т.д.).

Предложенная схема принятия управленческих решений не исключает и «усеченного» варианта, когда уполномоченные субъекты реализуют функцию «ситуативного реагирования», действуя «здесь и сейчас». Признавая значимость данной функции, отметим, что такое реагирование не должно «заслонять» системности в решении возникших проблем, а любые антикризисные меры должны предполагать ближайший горизонт последствий и новых целей.

Линде А.Н. (Москва, РЭУ им. Г.В. Плеханова)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Мы предлагаем оригинальную модель демократии – экзистенциальную демократию. Она основывается на определённом понимании человека и служащей людям политики.

Существуют различные понимания природы человека. Системно-функциональные, структуралистские подходы определяют человека, как только биологическое существо, исполняющее определённые социальные функции. Такое «биосоциальное определение» ценность каждой личности «соотносит с "социальной стимульной ценностью" индивида»¹⁶⁹.

Мы исходим из понимания человека в гуманистической психологии Маслоу, Франкла, Фромма, Мэя и др., гуманистически-экзистенциальной философии Достоевского, Бердяева, Марсея и др. Мы считаем, что человек – это существо, стремящееся к экзистенциальной осмысленности своей жизни. Подлинная человеческая личность — это трансцендентная духовная сущность, обладающая независимым сознанием и переживающая в нём экзистенциально значимые смыслы, ценности, неповторимая в своей индивидуальности, изначально целостная в своей сущности.

В большинстве зарубежных государств в основе политики - биологически-системное понимание природы человека, в «обществах потребления» государственная политика и экономика направлены на удовлетворение чисто биологических потребностей людей – потребителей неолиберальной капиталистической системы.

Высшим воплощением подлинной природы человека является его творческое действие, концептуализированное Х. Арендт¹⁷⁰. Действительно раскрывается экзистенциальная природа человека, когда люди взаимодействуют друг с другом, желая раскрыть и передать в этом диалоге

¹⁶⁹ Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. М.: "КСП+". 1997. С. 24.

¹⁷⁰ Арендт Х. Vita Activa, или о деятельной жизни. Спб.: Алетей, 2000. С. 14-27.

свою самость, и, за счёт публичной реализации своего «я», внести свой личный вклад в позитивное изменение совместной жизни людей.

Также для нас значима следующая идея, опирающаяся на экзистенциализм и критическую теорию Франкфуртской школы. Мы выделяем два основных модуса бытия человека: существование в качестве человеческого «Я» или функционирование в качестве части-элемента «системы». В качестве «я» человек раскрывает себя, существует как личность, реализует творческий потенциал, а как элемент системы человек отчуждается от своего «я» и овеществляется системой – и служит общей системе как целому, функционирует в качестве управляемого винтика-единицы кибернетически руководимой системы, решает не свои задачи, а подчиняющей его структуры.

Данная дихотомия, разделение на «я» и «систему» не является только нашей разработкой, было представлено у философов и учёных: разделение на «жизненный мир» и «систему» у Ю. Хабермаса, на «Царство Духа» и «Царство Кесаря» у Н.А. Бердяева, на «коммунистас»-антиструктуру и структуру у социолога В. Тёрнера, противопоставление быть – «модуса бытия» и иметь – «модуса обладания» у Э. Фромма и др.

Как возможно существование человека в качестве подобной, духовной трансцендентной личности и как обеспечивается его творческая реализация в обществе?

Мы полагаем, что полностью выразить свою экзистенциальную сущность человек может только через политику, через политическое преобразование окружающего мира, социальных институтов, реализацию собственного субъективного «я» в этих социальных формах, принципах совместного общежития - но через политику, понимаемую определённым образом. Мы предлагаем не современное либеральное и не консервативное, а скорее республиканское прочтение политики, идущее ещё от Аристотеля и Цицерона. Политика — это деятельность свободных личностей–граждан, направленная на решение общественных вопросов и проблем при помощи личного или совместного участия и соучастия, действия и взаимодействия по урегулированию этих общественных вопросов. При этом эта политическая деятельность служит не только и не столько решению одних материальных проблем, но и самосовершенствованию людей и достижению ими духовно «благой жизни»¹⁷¹, в соответствии с принципами Аристотеля.

Мы считаем, что модель экзистенциальной демократии соответствует этому демократическому объединению людей и в полной мере отвечает цели развития каждого человека, как независимой, творческой личности в обществе.

Экзистенциальная демократия – демократия, служащая, чтобы каждый человек являлся свободной, цельной, развитой личностью, а не обусловленным системой техническим индивидом, и с этой целью создающая возможности для каждого гражданина раскрыть и реализовать своё подлинное

---

¹⁷¹ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 378.

«Я», свою «самость», свою личность, свой уникальный внутренний «жизненный мир». Это осуществляется, когда каждый человек реализует себя через свою жизнь по своей собственной внутренней природе.

Экзистенциальная демократия способствует, чтобы человек существовал не механически, как живой робот, «желающая машина» по Делёзу, Гваттари, среди других составляющих систему машин, а экзистенциально, как живое, духовное, чувствующее существо среди таких же индивидуальных живых людей-личностей.

В такой модели демократии не система ставится во главу угла, а каждая личность и все составляющие общество личности воспринимаются как высшая ценность, имеющая трансцендентный характер. Тогда внешняя система только функционально служит личностям, а руководители системы являются служителями, демократически избираемыми исполнителями, не ставящими себя выше и не считающими себя более значимыми чем ни одна из личностей в обществе.

Цель экзистенциальной демократии – развитие личности каждого гражданина. Но это требует республиканского самоуправления обществом, когда политика является действительно общественным делом всех граждан. Для этого, предполагается: во-первых, усовершенствовать институты представительной демократии: партии, процедура выборов и т.д. Во-вторых - развить республиканские начала народного самоуправления, уже прописанные в законах современных представительных демократий референдумы и т.д. В-третьих - обогатить демократию принципами делиберативной, партисипаторной демократии.

Перенос власти от одной системы государственной администрации в сферу самого народа имеет значение и со следующей точки зрения. В обществах государственная административная система обычно довлеет над всеми людьми, и предписывает им конкретный образ жизни, требуемый для воспроизводства этой управляющей системы – для сохранения её власти. Экзистенциальная демократия помогает людям поддерживать тот аутентичный образ жизни, который отвечает раскрытию их собственного «Я» - но, если это не идёт во вред собственной личности и Общему благу социума. Всё это в целом помогает снять подавляющее воздействие системы на самость граждан и их позитивную свободу самопроявления и развития своей личности.

Мальшиева Г.А. (Москва, ФНИСЦ РАН)

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Совершенствование и внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в последние годы стало важнейшим направлением глобального цифрового перехода. Область применения ИИ сегодня чрезвычайно широка и охватывает разнообразные сферы общественной и частной жизни. В

настоящее время признанными мировыми лидерами в области умных технологий являются КНР и США. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2017 г. Китай обогнал США по количеству патентных заявок и с тех пор увеличивает разрыв.

Наиболее заметным из научных прорывов в этой области является т. н. генеративный ИИ, благодаря которому стало возможным создавать правдоподобные визуальные или звуковые дипфейки, а также текстовый контент на основе больших языковых моделей. Потенциал генеративного ИИ как инструмента политических технологий оценивается очень высоко. Он выводит компьютерную пропаганду и политическое манипулирование в интернете на качественно новый уровень, открывая перспективу полномасштабной кибер-симулякризации политической реальности. Более того, применительно к ИИ говорится об экзистенциальных рисках нарушения техногуманитарного баланса, подконтрольности общества цифровым технологиям и даже вероятности установления цифровой автократии или цифровой диктатуры.

В этих условиях для властных элит становится все более важной адекватная оценка возможностей и угроз, обусловленных совершенствованием технологий ИИ, а также выработка стратегий по управлению их развитием. Усиление государственного контроля над искусственным интеллектом является общемировым трендом, хотя его формы и ценностные основания в тех или иных странах существенно различаются. Сегодня вырисовываются несколько разнонаправленных векторов, в соответствии с которыми формируются практики администрирования технологических ИИ-разработок.

Идеологическое наполнение цифровизационной модели Запада в полной мере отражает курс на удержание глобального экономического, политического и культурного доминирования в рамках уходящей в прошлое однополярной системы мироустройства. Возможно, этим объясняется, что нормативное регулирование ИИ в Соединенных Штатах и ЕС проводится в относительно мягкой форме.

Стремление противостоять западной гегемонии и обеспечить собственное развитие в соответствии с национальными интересами приводит к тому, что на данный момент наиболее жесткая нормативная среда для технологий ИИ складывается в Китае.

Идеолого-политические ориентиры ИИ-проектов определяются Компартией Китая и закреплены в нормативных документах, направленных на защиту цивилизационных ценностей и суверенитета КНР. Создаваемые китайскими специалистами модели ИИ не должны ставить под угрозу национальную безопасность и подстрекать к расколу страны, подрыву государственной власти, социального строя и национального единства. ИИ-сервисам вменено в обязанность воплощать основные социалистические ценности китайского общества.

У современных китайских властей сформировалось определенное видение проблемы развития ИИ-технологий, истоки которого восходят к

традиционной политической культуре, в частности, к традиции кэцзюй – системы императорских экзаменов при приеме на государственную службу, которая кристаллизовалась в русле консервативного понимания конфуцианства. Ее главным постулатом было беспрекословное повиновение правителям, что считалось не только обязательным, но и более важным, чем владение специальными знаниями. Таким образом, стратегия технологического развития в КНР выстраивается в соответствии с давней этактистской традицией, в основе которой лежат принципы конформизма, лояльности и приоритета коллективных интересов над личностным развитием.

Со своей стороны, идеология развития ИИ в западном мире отнюдь не является монолитной. Ее определяют два мировоззренческих и политико-культурных направления – эффективный акселерационизм и эффективный альтруизм, которые условно можно соотнести с такими широко распространенными понятиями, как технооптимизм и технопессимизм. Сторонники эффективного акселерационизма полагают, что развитие технологий само по себе является общественным благом, и попытки его ограничения, по сути, идут вразрез с интересами социума. Последователи эффективного альтруизма, в свою очередь, озабочены этической стороной технологической революции. Они опасаются, что потенциал ИИ может уничтожить человечество, и отстаивают тезис о первичности императивов общественной безопасности по отношению к логике технического прогресса.

Борьба между данными мировоззренческими установками не только выливается в острые общественные дискуссии, но и определяет бизнес-стратегии западных ИТ-компаний. На фоне этих концептуальных противоречий в руководящих кругах западных стран складывается понимание того, что регулирование технологий ИИ – это задача госуправления, а не вопрос внутрикорпоративной политики.

Что касается нашей страны, то российские стратегии развития ИИ выстраиваются с учетом глобальной поляризации и формирования полицентричной хозяйственно-экономической и культурно-цивилизационной мировой системы. Россия также может апеллировать к особенностям своей исторической колеи и специфике традиционного социального контракта между гражданами и властью. Представляется закономерным, что в нынешнем контексте национальные ИИ-проекты в полной мере ориентированы на суверенные интересы российского государства и общества, обеспечение технологической самостоятельности страны и защиту ее обороноспособности и культурно-ценностной самобытности.

Мальшико Ю.А. (Москва, ИОН РАНХиГС)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ: ОТ ПРОПАГАНДЫ К МАРКЕТИНГУ

Информационная внешняя политика государства своей целью имеет воздействие на массовую зарубежную аудиторию. И несмотря на то, что можно найти примеры подобных акций воздействия в ранней истории (фактически изначально пропаганда существовала в форме практики прозелитизма со стороны Римской Католической Церкви еще в XVI веке¹⁷²), ее систематическое применение и, как следствие, изучение, можно с уверенностью связать с началом XX века. Так, Г.Д. Лассуэлл в своей работе «Техника пропаганды в мировой войне» пишет: «Мы стали свидетелями рождения мировой общественности [...] В демократических странах масштабные пропагандистские службы были нововведениями последней (на тот момент Первой мировой - прим. автора) войны»¹⁷³.

Коммуникация (и такая область, как политическая коммуникация) в XX веке становится одним из центральных понятий философии. Можно также небезосновательно добавить, что именно возникновение феномена массовой коммуникации близкой к той, которую мы знаем сегодня, стало одним из основных факторов истории XX века, позволив зародиться и функционировать тоталитарным машинам гитлеровской Германии и сталинского СССР.

Первая мировая война, беспрецедентная по масштабам деструкции, а также формирующиеся на ее фоне практики массового воздействия, требовали осмысления и своего рода «ответа» со стороны науки. Систематизация инструментария и технологий пропаганды стали задачей таких американских исследователей, как Бернейс, Лассуэлл (входили в состав Комитета Крила, занимавшегося пропагандой) и Липпман (в годы войны работал военным корреспондентом). Их выводы нашли свое отражение в дальнейшем ходе научной мысли. В своей работе «Общественное мнение, Липпман пишет: «Будем считать, что поступки человека основаны не на непосредственном и достоверном знании, а на картинах, нарисованных самостоятельно или навязанных извне»¹⁷⁴.

В 1920-40е годы исследования массовой коммуникации тесно переплетаются с результатами эмпирической социологии, что сразу предавало им некую степень коммерциализации - заказ на исследования исходил от коммерческих медиа, конкурировавших за внимание аудитории¹⁷⁵.

---

¹⁷² Наумов А.О., Белоусова М.В., Андреева Н.В. От пропаганды к публичной дипломатии: история появления и развития оригинального концепта. - Москва, 2023. С.165.

¹⁷³ Лассуэлл, Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне : перевод с англ. В.Г. Николаев. – Москва, 2021. С. 52.

¹⁷⁴ Липпман У. Общественное мнение / Уолтер Липпман [перевод с английского Е. Абаевой]. М.: Издательство АСТ, 2023. С. 33.

¹⁷⁵ Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество: Введение в теорию и исследования. Изд. стереотип. - М.: ЛЕНАРД, 2022. С.16.

Параллельно в 1930-1950-е годы, по завершении острой фазы Великой депрессии, США активизируют собственные усилия по реализации культурной дипломатии. Так, в 1936 году при Госдепартаменте был создан первый отдел по связям в области культуры с зарубежными странами. После Второй мировой войны глобальное распространение получили американские программы в области культуры, образования и информации.¹⁷⁶ В 1953 году было основано Информационное агентство Соединенных Штатов (ЮСИА)¹⁷⁷.

Итак, к середине XX века научный тезаурус был обогащен терминами «пропаганда» и «политический пиар». И стоит отметить, что в первую очередь они были ориентированы «на внутренний рынок». Однако уже в первые послевоенные годы становится понятно, что «схватка за умы» в условиях доминирования массовой культуры выходит на совершенно новый, глобальный уровень - мировое сообщество вступает в фазу «холодной войны» и характерного для нее инструментария массового психологического воздействия.

В 1960-х вырисовываются контуры дальнейшей политики США в сфере создания национального имиджа за рубежом. Как отмечает в своей работе Костина, ключевым отличием американкой массовой культуры (и, как следствие, пропаганды) стал ее коммерческий характер, в то время как советская модель носила характер социального проекта¹⁷⁸. Этот тезис косвенно согласуется с выводами Дж.Ная, изложенными в работе «Soft power. The means to succeed in world politics»¹⁷⁹. Одним из столпов американского влияния на зарубежную аудиторию стало то, что в рамках типологии, предложенной Жаком Эллюлем в 1962 году, определяется как «социологическая (или горизонтальная) пропаганда».

Дальнейшее развитие терминологического аппарата определялось государственным запросом на своего рода «curtain dressing» - необходимостью провести дистинкцию между «плохой» (чужой) и «хорошей» (своей) пропагандой. Как указывают авторы статьи «От пропаганды к публичной дипломатии: история появления и развития оригинального концепта», изначально концепция публичной дипломатии, разработанная деканом Школы права и дипломатии имени Флэтчера Э. Галлионом в 1965, была призвана провести водораздел между информационной работой внешнеполитических ведомств коммунистических стран и аналогичной деятельностью стран капиталистических¹⁸⁰. В том же году был основан Центр

---

¹⁷⁶ Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 6.

¹⁷⁷ Хачатуров К. А. Идеологическая диверсия под видом информации. Контроль США над средствами массовой информации Латинской Америки, М., Издательство «Наука», 1970. – с. 101.

¹⁷⁸ Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. С.180.

¹⁷⁹ Nye Joseph S. Jr. Soft Power. The means to succeed in world politics. Public Affairs, New York // URL: <https://www.academia.edu/28699788> Soft_Power_the_Means_to_Success_in_World_Politics_Joseph_S_Nye_Jr (дата обращения 03.02.2024)

¹⁸⁰ Наумов А.О., Белоусова М.В., Андреева Н.В. От пропаганды к публичной дипломатии: история появления и развития оригинального концепта. Москва, 2023. С.169.

общественной дипломатии Эдварда Мёрроу.¹⁸¹ В период «холодной войны» страновая имиджелогия выделяется в качестве самостоятельной дисциплины - так, в США была запущена трехлетняя программа изучения восприятия Америки населением других государств¹⁸².

Следующим этапом развития научных представлений о международной политической коммуникации (ведь теперь с уверенностью можно говорить именно о международном уровне таковой) стала кристаллизация термина «мягкая сила». И хотя традиционно рождение этого термина приурочено к 1990 году и работе Дж. Ная, идею «власти привлекательности» можно проследить и ранее, в работах Ганса Моргентау (американский политолог, основатель школы политического реализма), Клауса Кнорра (профессор по связям с общественностью Принстонского университета и директор Центра международных исследований с 1960 по 1968 год) и Рэя Клайна (сотрудник Центрального разведывательного управления США, наиболее известный как главный аналитик ЦРУ в ходе Карибского кризиса)¹⁸³.

Как уже отмечалось ранее, отличительной особенностью американского (вернее будет сказать, западного) подхода к политике манипулирования населением являлся ярко-выраженный консьюмеризм и коммерциализация. Этим и объясняется дальнейшая междисциплинарная сущность исследований в этой отрасли (на стыке политических, культурологических и маркетинговых исследований). 1990-2000-е годы стали периодом развития таких направлений как «территориальный маркетинг» (термин, предложенный Ф.Котлером и его соавторами в работе «Маркетинг мест» в 1993 году)¹⁸⁴ и «национальный брендинг». Последний термин был предложен в 1996 году британским специалистом по национальному имиджу, идентичности и репутации Саймоном Анхольтом. Под национальным брендингом подразумевается область исследований и сфера государственной деятельности, цель которой - систематизация подходов к репутации страны, их классификация и управление национальным имиджем¹⁸⁵. Коммерческое происхождение понятия «бренд» весьма очевидно - так, «Большой толковый словарь» маркетинга определяет бренд как «символическое представление в сознании клиентов всей информации, связанной с товаром или услугой, через наименование, логотип, визуальные элементы (символы и изображения) и др.»¹⁸⁶. Несмотря на то, что в 2007 году для своей концепции Анхольт предложил более релевантный с его точки зрения термин «конкурентная идентичность», понятие национального бренда по-прежнему остается одним

---

¹⁸¹ Ляпоров В.Н. Формирование бренд-политики в современной России. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. М., 2008. С.55.

¹⁸² Черепанова Д.А. Эволюция политического имиджа России в средствах массовой информации современной Италии / дисс. на соискание уч.ст. к.п.н. Саратов, 2018. С. 6.

¹⁸³ Ying Fan. Soft power: Power of attraction or confusion? Place Branding and Public Diplomacy Vol. 4, 2, P. 148.

¹⁸⁴ Котлер Ф., Рейн И., Хайдер Д., Метаксас Т. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб., Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. С.15.

¹⁸⁵ Хауэр-Тюкаркина О.М. Аспекты формирования внешнеполитической имиджевой стратегии современной ФРГ - Владимир: Транзит-ИКС, 2013. С. 29.

¹⁸⁶ Маркетинг: Большой толковый словарь под ред. Панкрухина А.П. С. 28.

из дискуссионных вопросов и предметом научно-исследовательских разработок.

Мизулин М.Ю. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ВРЕМЯ ПОЛИТОЛОГИИ ПРАВА

*«Право само по себе бессильно: от природы господствует сила.
Привлечь ее к праву так, чтобы с помощью силы господствовало право, -
такова проблема политики»*

Многие аналитики и политологи процесс политического мышления связывают с некоторым видением будущего. Более правильно даже говорить, что политик «мыслит из будущего». В этом его позиция и политическое мышление принципиально отличается от позиции историка и исторического мышления.

Утверждаем, что можно конкретизировать этот горизонт мышления и представить его рамочный предел в виде определенной правовой формы как видение настоящего из идеального правового будущего.

В этой связи, можно говорить и рассуждать о ряде правовых форм.

Во-первых, неплохо будет вспомнить марксистскую формулу о том, что по мере развития исторического процесса «право отмирает». Получается, что одним из возможных базовых ориентиров современной жизни является состояние неправовой жизни человека. Я постулирую это положение потому, что считаю, что правовые отношения возникают тогда, когда не складываются нормальные человеческие отношения. Право — это реакция на ненормальные отношения. Только в таком случае привлекается и становится правовой институт.

В известном смысле, сейчас эта идея забыта. Поэтому первая правовая форма — это то, что называлось в марксизме «отмирание права», или, выражаясь сегодняшним государственным языком, - его утилизация. Это своего рода сжатие действующей юридической инфраструктуры. Сейчас она неоправданно расширена. В этом смысле тренд постановки политического мышления в правовой форме заключается в том, чтобы такая правовая форма политического действия могла «гасить» излишне юридизированное право.

Понимая, что это дальний горизонт, можно сказать, что есть другие исходные правовые формы, с которыми необходимо работать.

К числу таких правовых форм, и это, во-вторых, относится такая классическая правовая форма как «верховенство права». Сложный и многогранный политико-правовой процесс и институт. В этот же процессуальный тип правовой формы следует отнести определение и формализацию издержек правосудия и в целом правоохранительной системы, а также ускорение прохождения и отправления всех конституционных типов судопроизводства.

Политик следующего политического цикла, способный реализовать вышеперечисленные правовые формы, несомненно, столкнется в большом

сопротивлением действующей правовой системы. Однако, его политические действия несомненно будут ответом на самый важный вызов современности, который автор определяет как Время политологии права.

Мирзаджанов Т.Э. (Москва, МГИМО)

МНЕМОНИКА КАК ИСТОЧНИК ПРАВО-ПОПУЛИСТСКИХ НАРРАТИВОВ «ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ» (ПИС) В ПОЛЬШЕ 2015-2023

Источником специфических право-популистских риторик и нарративов «Права и Справедливости» (ПиС) (Prawo i Sprawiedliwość), транслируемых ею через кооптированные медиа, является особое внимание партии к политике памяти. Именно, формируя и пересказывая картину прошлого, ПиС выработала особые ценностные, воззренческие, поведенческие и коммуникационные стандарты и практики. ПиС пытается донести и утвердить своё особое видение истории. Польша, в силу специфической политической культуры, остаётся страной крайне политизировавший прошлое. Она живет и враждует в прошлом и о прошлом. В Польше после 1989-го не сформировалось единой концепции, взгляда и отношения к прошлому, так политики не смогли сформировать единую модель коллективной памяти.

Этим воспользовалась ПиС, используя политику памяти как средство формирования своей специфической, риторики и нарратива, которые она транслировала в подконтрольные ей медиа, тем самым создавая специфическую медиа атмосферу и медиа среду. Культивируя конфликты прошлого, ПиС увеличила антагонистичность внутренней и внешней польской политики. Идеино и агитационно ПиС обосновывает свой вектор и направленность именно через историю, особенно историю XX века, не забывая о событиях в Польше в XIX и даже XVIII веках. Действия ПиС создали в стране ситуацию мнемонической войны, когда политические акторы не способны достичь компромисса в вопросах коллективной памяти и стремятся только к безоговорочному принятию всеми и каждым их собственного исторического нарратива.

Подобная спекуляция на почве истории неминуемо ведёт к поляризации и конфронтации в обществе, пропагандизации медиа и, следовательно, ухудшению демократии и угрозам частичного или даже полного демонтажа. Прикрываясь желанием повысить историческую осведомлённость ПиС, посредством идеологически-пропагандистского освещения исторических конфликтов, пытается создать больше антагонизмов и расколов в современной Польше между своими сторонниками и всеми остальными. ПиС интерпретировала всё больше и больше событий, политических процессов разных порядков, социально-политических отношений и приверженностей

через авторское виденье и создание исторических нарративов и коллективной памяти.

По мнению ПиС, она единственная обладает истинным видением прошлого, остальные же политические силы в стране обладают ложным и предательским, непольским видением. Для ПиС историческая память и коллективный исторический опыт — это идейная и энергетическая основа любого политического действия в настоящем, фундамент политической воли и обоснование законодательных инициатив. Особенно с политикой ПиС, претендующей на монополию, интерпретацию истории и формирование коллективной памяти контрастирует политика главного соперника и второй партии страны – «Гражданской Платформы» (ГП) (Platforma Obywatelska). ГП более стремились замалчивать и не касаться болезненных тем в прошлом, а в медиа сфере культивировать открытую общественную дискуссию по поводу истории и места поляков в ней.

ПиС создала «исключающую политику памяти», - партия единственная обладает правильной интерпретацией истории, а общество дихотомически делится на правильных, истинных поляков, разделяющих данную интерпретацию и неправильных поляков – предателей и вырожденцев, не желающих или более того, интеллектуально не способных принять верную интерпретацию истории и стать частью, источником истинной коллективной памяти. Таким образом интерпретации истории становятся исключательными и правильной из них может быть только одна. Недавние исторические события служат для ПиС как аллегория, метафора и фрейм для интерпретации и осознания текущих событий в медиа сфере.

Попытки ПиС соединить в историческом контексте несоединимое и несвязанное перешла к новым рубежам, когда объединила мероприятия памяти жертв Варшавского Восстания 1944-го и Смоленской авиакатастрофы 2010-го, в которой погиб президент Польши Лех Качиньский. В первую очередь возмутились дожившие до сегодняшних дней участники Восстания. С другой стороны, ПиС пытается стереть из истории все факты и упоминания, которые не соответствуют её сегодняшней доктрине и политике. ПиС отрицает преступления поляков в годы Второй Мировой Войны. Кооптированный ПиС «Институт национальной памяти» выпустил историко-патриотический анимационный ролик «Непокорённые», описывавший XX век в Польше, антикоммунистическую борьбу 1970-х и 1980-х, важную роль католической церкви, однако даже не упомянувший профсоюз «Солидарность» и её лидера, и первого президента демократической Польши Леха Валенсы. Риторика и нарративы ПиС относительно политики памяти оказывают влияние не только на медиасреду, но и на печать в стране в целом. Так борьба ПиС с наследием Леха Валенсы продолжилась, когда последний был минимально упоминаем и максимально замолчан в новых учебниках истории для школ и вузов, выпущенных Министерством образования.

Правительство ПиС в рамках празднования 100-летнего юбилея обретения Польшей независимости предложила новые модели польских паспортов, в которых водяные знаки демонстрировали в границах Польши

территории архитектурного комплекса «Острая брама» и «Кладбище защитников Львова» - как-то было на момент 1918-го. Однако сейчас данные места находятся на территории Литвы и Украины соответственно. Риторика и нарративы ПиС толкают партию и на дальнейшее ухудшение отношений с соседними странами. Так, ПиС заявила, что Германия по-настоящему ещё не расплатилась за ущерб, нанесённый Польше в годы Второй Мировой Войны - ей пора бы это наконец сделать. Таким образом для риторики и нарративов ПиС характерно переплетение прошлого и настоящего, когда политика настоящего формируется и основывается на политике прошлого, неразрывно связана и проистекает одна из другой.

Мчедлова М.М. (Москва, РУДН, ФНИСЦ РАН)

АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ СТУДЕНЧЕСТВА МОСКВЫ И РФ

Цивилизационное устройство России в оптике патриотизм ставит вопрос о параметрах российской идентичности, цивилизационной и гражданской. Ключевым выступает вопрос о том, как возможно общероссийское единство. Соответственно, определение закономерностей становления российской общегражданской идентичности, включая последствия социально-политических трансформаций последних 30 лет, ценностно-цивилизационную специфику, баланс исторической логики и современных императивов, ценностно-смысловой устойчивости и особенностей политико-институциональной субъектности государства выходит на авансцену теоретического осмысления и конгломерата целей государственной политики. Проблема полноты суверенитета России и ее упрочения как субъекта исторического творчества преломляется в инструментальной политике и ее идейной оболочке прежде всего сквозь призму понятия патриотизма и формируемых в русле коннотаций данного понятия внутри и внешнеполитических стратегий.

Можно зафиксировать ряд тенденций в формировании патриотических настроений студентов. Патриотизм чаще всего понимается молодежью скорее в эмоциональной, чем в рациональной форме – как «любовь к Родине» данной понимание также является основным понимании общероссийской идентичности, что позволяет говорить о взаимопроникновении коннотаций идентичности и патриотизма. Более половины опрошенных студентов в 2023 году¹⁸⁷ определяют себя патриотами в полной мере (57%), четверть опрошенных выбрали вариант – не в полной мере (25%), наименьшая часть не ощущает себя патриотами вовсе. Это позволяет говорить о значительном

---

¹⁸⁷ Опрос среди студентов в 10 городах Российской Федерации: Москва, Санкт-Петербург, Белгород, Воронеж, Пермь, Ижевск, и др., N= 1112, в рамках реализации проекта ЭИСИ – Минобрнауки FSSF-2023-0032 «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность» (2023, руководитель – Мчедлова М.М.),

росте патриотизма среди молодежи, что выражено не только в росте популярности прямого ответа, но и значительным снижением неуверенных («не в полной мере») и тех, кто не ощущает себя патриотом. Неслучайно, фиксируемый подъем студенческих волонтерских и патриотических движений одновременно с тенденцией девальваций традиционных форм солидарностей и атомизацией общества, снижения уровня межличностного доверия, отражает запрос на солидаризирующиеся механизмы, обеспечивающие ценностное единство.

Для России важнейшими из форм гражданственности и соответственно гражданской активности студентов являются те, которые направлены на достижение общего блага («сделать мир лучше»), либо связанными с проекциями идентичности: солидарность, патриотизм, добровольчество, милосердие, помощь. Эмпирические данные свидетельствуют, что приоритетная объединяющая цель – защита государства и страны (с сильным экологическим акцентом) и развитие. Отчетливый посыл государства на формирование гражданского единства, солидарность и «единение вокруг флага», основа которых – коллективная деятельность, направлен на реализацию позитивного проекта развития.

Обращаясь к ценностным ориентациям молодёжи, следует констатировать наличие устойчивой тенденции: повышение положительных чувств, связанных с восприятием России как страны и как государства, причем при выходе на первый план чувства гордости и уважения, что свидетельствует о колоссальной потребности восприятия России как субъекта исторического творчества, сильного центра мирового порядка, целенаправленной и решительной внешней политикой. При ответе на вопрос о чувствах, испытываемых по отношению к России как к стране (в порядке убывания) в 2022 году у студентов преобладали чувство любви (60%), уважения (56%), гордости (47%), родственное чувство (47%), доверие (27%), чувство защищенности (25%), 20% говорили о своем противоречивом отношении. В 2023 также преобладают позитивные эмоции и описания, но уже в другом порядке – уважение (67%), любовь (63%), гордость (56%), родственное чувство (49%), доверие (35%) и чувства защищенности (34%). Негативные чувства проявляются в значительной меньшей степени, ответы не доходят до 9%, учитывая вариативность ответов. При этом даже внутри данной группы преобладает жалость (9%), а не исключительно негативный варианты – страх (4%), ненависть (0,6%), неприятие (3%), презрение (1,8%) и злость (1,4%). Сложные и противоречие эмоции, как срединный показатель также испытывают лишь 16%. Похожие результаты и при формулировке вопроса относительно чувств к России как к государству в 2023. Преобладают позитивные чувства уважение (55%), любовь (43%), гордость (42%), доверие (25%), чувство защищенности (31%) и родственное чувство (31%). Важно отметить, что по отношению как к стране уважение и любовь проявляются как равнозначные ответы, однако государство в первую очередь вызывает уважение, что косвенно показывается на действительно существующее разграничение на страну и государство в глазах молодежи. Это также

подтверждает небольшое расхождение при распределении на негативные ответы. Недоверие к России как государству (17%) трехкратно превосходит недоверие как к стране (5,6%). В два раза больше ответов, отмечающих чувство несправедливости. По отношению к государству – 19 % и к стране – 8%. Ответ сложное и противоречие чувство также показал значительную разницу по отношению к государству (29%) и стране (16%). Исключительно негативные варианты ответов такие, как презрение, злость и ненависть имеют разницу в пределах 5%. Наибольшая разница в негативных ответах показал страх, его по отношению к России как государству указали 18,1% опрошенных, в то время как относительно страны 4,4%. Таким образом, четко фиксируется произошедшее увеличение уровня положительного отношения по всем индикаторам индикаторов уважение вышло на первое место с колоссальным ростом в 10% вышло чувство уважения, а также чувство гордости и защищенности. Увеличение испытываемых родственных чувств отражает актуализацию цивилизационной идентичности России и одобряемость проводимого самостоятельного позиционирования. Уважение и гордость как превалирующие чувства указывают на поддержку на направленность на воссоздание цивилизационного статуса России в его позиционировании и ценностно-символических проекциях. Фиксируемое повышение чувства гордости отражает направленность формирования патриотических настроений, включая воссоздание великодержавных смыслов и символической «цивилизационной самости».

Недяк И.Л. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН)

**ГОСПОДСТВО КАК ФОРМА ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ
ПАТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ, ПОДХОДЫ К
ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИИ, ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ
ВЕРИФИКАЦИИ**

Автор доклада приглашает коллег к обсуждению альтернативного режимной методологии подхода, который применяют для анализа характера власти и политического порядка в современных концепциях господства. В отличие от социологии господства М. Вебера, в этих концепциях господство определяют как укорененную в структурах общества (*structure based*) нормативно-нежелательную форму власти, которая размывает примордиальные смыслы и функции демократических институтов, (вос)производит квазиполитические институты, сети, процедуры и практики.

Концептуализация власти в форме господства - одно из направлений работы научного коллектива отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН по настройке оптики

институциональной политологии¹⁸⁸ для изучения институциональной среды современной России, выявления ресурсов и ингибиторов социальной модернизации и политических инноваций¹⁸⁹.

Научный дискурс феномена господства в современных демократиях (мы назвали его дискурс господства, трактуемого как социальная патология – ГСП-дискурс) формируют исследования, опирающиеся на разные политико-философские и теоретические основания: (нео)республиканская доктрина, теории социального обмена, кратология Франкфуртской школы социологии, дискурс многоликих концепций власти, теории эмансипации, *empowerment*, фенинизма.

При самом общем подходе под господством в ГСП-дискурсе понимают «противоправное применение власти, угрожающее базовым интересам людей»¹⁹⁰, структурно обеспеченную возможность ее субъекта использовать объект воздействия как инструмент для достижения своекорыстных целей: игнорировать принципы генерализации норм и неселективного их соблюдения; ограничивать ресурсы субъектности участников социального взаимодействия; формировать такие нормативно-ценностные, когнитивные и мотивационные установки человека, которые противоположны задачам развития критического сознания, становления ответственного и активного гражданина, способного к осознанию и артикуляции своих интересов, кооперации для их достижения.

Критерии концептуальной дифференциации власти и господства в ГСП-дискурсе можно условно объединить в две неизолированные группы: «власть произвола (*arbitrary power*) vs. власть закона» и «опора на волю гражданина vs. безволие подданного». Настройку исследовательской оптики первой группы во многом определили идеалы и принципы *vivere libero* и демократии оспаривания (нео)романского республиканизма; второй – *vita activa* (нео)афинского республиканизма и демократии участия.

В неороманском республиканизме власть не-господства (*power as non-domination*) сопрягается прежде всего с институционально обеспеченными: политико-правовым статусом защищенного законом гражданина, возможностью членов политики контролировать власть, влиять на содержание законов, оспаривать их и действия государства в случае необходимости. Оптика (нео)афинской ветви республиканизма настроена на исследование стратегий власти, применяемых для достижения согласия объекта воздействия: как соотносятся в них установки на манипулятивное управление волей и набором возможностей человека vs. наделение его правами и

---

¹⁸⁸ Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства / Отв. ред. И.Л. Неяк, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев. Руководитель проекта С.В. Патрушев. Москва: Политическая энциклопедия, 2024. Препринт.

¹⁸⁹ Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / [С. Г. Айвазова и др.]; отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2019. (Политология России).

¹⁹⁰ Шапиро И. Политика против господства / пер. с англ. С. Фетисова и Т. А. Дмитриева. Москва: ИИЦ Праксис, 2019. С.335.

полномочиями, развитие способности к рефлексии, к коллективному действию в интересах общего блага.

С опорой на данные анализа пяти волн общероссийских обследований, проведенных ОСПИ (2018-2022 гг.), доказана продуктивность применения аналитического инструментария современных концепций господства для исследования политико-институциональных аспектов отечественной политики¹⁹¹. Выявлены признаки и проявления гиперплазии власти в форме господства в современной России¹⁹². У большинства россиян сложилось стойкое ощущение своего правового бессилия. Более 80% респондентов не уверены в защите со стороны закона при взаимодействии с властью или в случае конфликта с ней¹⁹³. С 2018 г. эти показатели колеблются лишь в пределах статистической погрешности. Более 70% опрошенных не считают, что за последние 10 лет ситуация с правами таких людей, как они, изменилась в лучшую сторону.

Подтверждена прямая связь между пролиферацией властных отношений в форме господства и усилением процессов, которые снижают ресурсы отечественного социума и потенциал политических инноваций¹⁹⁴: делигитимация власти и политического порядка; ослабление у граждан чувства сопричастности и ответственности; размывание оснований гражданственности, метастазирование социального отчуждения и политического эскапизма.

Неклесса А.И. (Москва, Институт Африки РАН)

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: КОНВЕНЦИЯ И АЛЬТЕРНАТИВЫ В АНАЛИЗЕ И ПРОГНОЗЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

1. Доклад посвящен преимущественно методологическим аспектам изучения актуальной общественной динамики, обращено внимание на развитие междисциплинарного исследовательского инструментария, включая развитие системных методов анализа и прогноза комплексных, многофакторных, динамичных процессов.

2. Усложнение антропо-космоса, заметно ускорившееся в прошлом и нынешнем веке, его реорганизация, глобализация и диверсификация, стимулировали также эволюцию знаниевой среды, трансформацию системных методов анализа и прогноза сложных антропогенных процессов, развитие

---

¹⁹¹ Структуры господства, граждане и институты / [А. В. Жаворонков и др.]; отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

¹⁹² Недяк И.Л. Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России // *Общественные науки и современность*. 2021. № 3. С. 30–45.

¹⁹³ Здесь и далее приводятся данные опроса, проведенного научным коллективом ОСПИ в июне 2022 г.

¹⁹⁴ Недяк И. Л. Гражданственность в восприятии и установках россиян как фактор социетальной дезинтеграции // *Власть*. 2022. Том.30. № 5. С.111-117.

инженерных искусств, усложнение методов социального проектирования, контроля и управления разнородными событиями на планете.

3. В XX столетии существенно менялся социальный и политический ландшафт планеты: рушится имперское мироустройство, деколонизируется значительная часть зависимых территорий, создается система объединенных наций. Возникает СССР и распадается вместе с «социалистическим содружеством» как концепт и практика альтернативного мировидения. Появляются «большие проекты», связанные как с национальным, так и трансграничным строительством, утверждаются постимперские и постколониальные нации, международные объединения и организации, наделенные особыми правами, региональные системы безопасности, образуются глобальные геоэкономические, модернизационные и постмодернизационные композиции.

4. Сдвиги в миропорядке форсировали развитие новых и замещение прежних методов анализа, прогноза и проектирования социальных процессов интеллектуальными практиками, не просто объединившими целостный подход с долгосрочным целеполаганием, но претендующими на плодотворное предвидение и планирование в протееобразной среде цивилизационного транзита («хаососложность»).

5. Обилие вызовов, разнообразие проблем, подвижный горизонт событий множат усилия по адаптации теории сложных и сверхсложных систем к происходящим международно-политическим трансформациям, включая углубленное понимание изоморфных качеств неравновесных, но устойчивых диссипативных структур и турбулентных процессов, одновременно развивая академическую рефлексию выявляемых закономерностей. Создаются инновационные модели поведения на основе теории самоорганизованной критичности, исследуются свойства нелинейной, взрывной динамики, мутаций, других особых состояний.

6. Обновление аналитических и прогностических практик, трансфер инструментария приводят к результативному перевороту, трансгрессирующему системный подход в прежнем понимании, знаменуя, в частности, (1) осознание его *принципиальной неполноты* («аквариум Хокинга») и (2) развитие нового поколения *методов управления* социальными организмами. Изменчивость композиций повышает требования к искусству интеллектуального конструктивизма, а тень «скрытой угрозы» провоцирует размышления об «известных/неизвестных неизвестностях» и о должной степени внимания к «маловероятным высокоэффективным событиям», предполагая в русле цивилизационного транзита большую вероятность столкновений с неожиданностями.

7. Меняются критерии мастерства политических элит в соответствии с классом ситуаций и задач, раздвигающих горизонт возможного: качество управления должно соответствовать либо превышать уровень сложности курируемых систем. Акторы нового века продуцируют комплексную,

динамичную, «запутанную» среду взаимодействий. Изучаются возможности внешнего влияния на аттракторы пульсирующих систем, формализуются методы рефлексивного, акупунктурного, рефлекторного, роевого / вероятностного управления субъектами действия, маршрутом операций, прочими критическими процессами и структурами.

8. Поисковая же активность связана преимущественно с анализом природы мозаичных, потоковых и полевых систем, освоением глубин когнитивной сложности – оценкой предсказательной силы больших / неопределенных баз данных (эффект «черного ящика»), возможностей специализированного, общего и супер-искусственного интеллекта, фрактального прогноза, художественного гештальт-анализа (арт-гипотез), особенностей применения хронологических матриц, их топологического исчисления, использования принципа дополнительности, потенциала логики случайностей, эффективности неклассического оператора (*serendipity*) и синергического взаимодействия, что ставит исследователей перед рядом методологических вызовов в сфере гуманитарного, социального и практического знания.

Никовская Л.И. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН, ИОН РАНХиГС)

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ОЧЕРЕДНОГО ЭТАПА МУНИЦИПАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Местное самоуправление (далее МСУ) — это не просто элемент организации публичной власти и политики на местном уровне, но и образование, которое имеет двойственную природу. В институциональном аспекте органы МСУ интегрированы в единый государственный механизм управления страной; в функциональном же смысле МСУ является важным элементом гражданского общества, формой политической самоорганизации локальных сообществ. Это предполагается особую «настройку» методического инструментария для исследования оценки состояния муниципальной публичной политики и ее компонентов на местном уровне с учетом интересов различных субъектов и акторов публичной сферы местного сообщества (малого и среднего бизнеса, муниципальной власти, НКО-сообщество и др.).

Для нас индикативным значением в этом смысле выступает феномен публичной политики, который позволяет снять информацию о гражданской компетенции управленческого корпуса власти, т.е. умение работать с обратной связью, опираясь на основные ожидания больших целевых групп; второе - особенности общественного участия основных акторов и субъектов публичного пространства и возможности их влияния на власть со стороны «горизонталей» (поскольку публичная политика – это концепт рамочный). Муниципальная публичная политика (далее МПП) – это сложно

организованное социально-политическое явление, отличающееся свойством локальной автономии и опирающееся на технологии и принципы межсекторного социального партнерства, позволяющего выстраивать баланс общественных интересов основных групп местного гражданского общества – малого и среднего бизнеса, некоммерческих и общественных организаций через их представителей. Именно на местном уровне публичная политика получает свое полное выражение. Главный акцент при изучении МПП делается на гражданском и деловом участии в решении социально-значимых проблем местного сообщества во взаимодействии с муниципальной властью.

Основная научная проблема заключается в поиске оптимума между набирающей обороты «централизацией», «административизацией» местного самоуправления и потребностью в развитии гражданского участия местного сообщества, которое демонстрируют большую гибкость и чувствительность в диагностировании и урегулировании назревших проблем на территории в условиях кризиса и геополитической нестабильности. Степень и качество публичной политики на местном уровне является важным фактором, определяющим социальное равновесие и стабильность локального порядка и местного сообщества, особенно в кризисных условиях. Публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к деятельности власти, тем самым создавая условия для общественного диалога и улучшения качества гражданского участия, что существенно минимизирует возможную десинхронизацию власти и общества.

Начавшаяся с 2018 года «тихое» встраивание МСУ в единую систему вертикальной власти (отмена всенародных выборов глав муниципалитетов, перераспределение полномочий в пользу субъектов федерации) привели к тому, что низкой *состоятельностью* стали обладать институты местного гражданского общества, позволяющие реализовывать общественные интересы локальных сообществ. В зону несостоятельных попали институты, которые отвечают за гражданский контроль власти, защиту интересов частной и муниципальной собственности, противодействия коррупции, а также отстаивания общественных интересов. По этим позициям видно, насколько стала «проседать» гражданская составляющая местного самоуправления. Качественный анализ выявил запрос представителей гражданской и деловой инициативы на улучшение функционирования институтов и механизмов публичного взаимодействия муниципальной власти и активных групп местного сообщества в направлении нарастания интенсивности и действенности диалоговых и переговорных площадок на местном уровне, усиления отзывчивости муниципальной власти. Власть этот гражданский и деловой потенциал пока явно недоиспользует.

В настоящий момент законодательство и структура органов государственной власти субъектов РФ приведены в соответствие с требованиями ФЗ-414 «*Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ*». Данная законодательная конструкция усилила тенденцию «*вертикализации*» власти в целом, усиливая механизмы и институты

политического и ресурсного контроля вышестоящих уровней власти над муниципальным. Задачи СВО усилили формирование монолита единой политико-государственности власти.

Нынешний этап реформы местного самоуправления четко обозначил политико-смысловую развилку его встраивания в единую систему публичной власти. С точки зрения интересов развития гражданской самоорганизации, «низовых» общественных инициатив, углубления диалоговых и партнерских практик, что является сутью феномена публичной политики, несомненную тревогу вызывает стремление через понятие *«единство публичной власти»* сделать органы местного самоуправления нижним уровнем государственной власти, что может сказаться на качестве публичной сферы и реализации принципов МПП. Именно это обстоятельство привело к фактической «заморозке» второго чтения законопроекта №40361-8 *«Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»*, поскольку предложенные законодательские инициативы могут существенно изменить принципы территориально-организационного устройства МСУ, укрупняя муниципальные образования посредством упразднения поселенческого уровня и перехода к его одноуровневой модели; а также значительно урезая его полномочия, передавая значительную их часть на усмотрение регионов. Многослойность концепта муниципальной публичной политики позволяет вывести анализ социально-политических последствий реформирования МСУ за рамки юридико-правового поля и показать, что ожидаемым негативным последствием может быть формирование *дефицита репрезентативности общественных интересов* и значительная утрата органами МСУ его самоуправленческой сути.

Олимзода С.Ш. (Москва, РУДН им. П. Лумумбы)

РЕЛИГИОЗНЫЕ СМЫСЛЫ ПОЛИТИКИ: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВЕРЫ И ВЛАСТИ

Религиозное понимание современной политики задействует духовные, моральные и этические рамки, представленные различными религиями, для анализа и оценки политических процессов и решений. Это уникальный подход к восприятию политики, который выходит за рамки материалистических и светских интерпретаций, предлагая дополнительные критерии для оценки политических явлений.

В современном мире, где прогрессивные идеи секуляризма активно продвигаются в общественном сознании, роль религии в политической жизни часто подвергается сомнению. Однако, несмотря на предполагаемое разделение церкви и государства, религиозные учения и верования продолжают оказывать значительное влияние на политические процессы и динамику властных отношений.

Переосмысление роли религии в современном мире и религиозного фактора в современных объяснительных схемах мирового общественного развития связано как с отмеченными изменениями в социальной ткани, так и с видоизменением самого религиозного фактора как такового. Политизация религии и конфессионализация политики требует отхода от традиционных эпистемологических рамок рассмотрения соотношения религии и общества, религии и политики. Во многом, сами понятия религии и религиозного фактора приобретают иное референтное звучание, отражающее их иное прочтение и проявление¹⁹⁵.

Исторически религия служила фундаментом для легитимизации власти, от древних времен, когда правители объявляли себя назначенными богами, до средних веков, когда монархическая власть европейских стран подкреплялась "правом божьим". В современное время религиозные элементы сохраняют свою значимость в политике: от использования религиозной символики в политических церемониях до поддержки религиозных учений как моральной основы законодательства в некоторых странах.

Важным способом влияния религии на политику является нравственная оценка (поддержка или осуждение) религиозными лидерами или институтами деятельности государства и отдельных политиков, серьезно влияющая на легитимность власти. Религиозные деятели и институты могут приобретать статус политических деятелей, чаще всего в ситуациях ослабления или кризиса светской политической власти¹⁹⁶.

Религия часто становится ключевым элементом национальной идентичности, а это, в свою очередь, играет важную роль в политической мобилизации. Примером может служить роль православия в российской идентичности или ислама в Иранской революции 1979 года. Религиозные образы и язык активно используются для объединения населения и мобилизации поддержки политических движений.

На уровне государственной политики религиозные убеждения могут оказывать значительное влияние на формирование политической агенды и внешней политики. От этических вопросов, таких как аборт и права ЛГБТ, до международных отношений, где религиозные убеждения определяют политические союзы и конфликты, верования лидеров и политических групп оказывают прямое воздействие на политические решения.

В современном мире религия остается фактором, который может как объединять, так и разделять. Религиозные конфликты, такие как израильско-палестинский конфликт или напряженность между индуистским и мусульманским сообществами в Индии, подчеркивают не только важность, но и сложность религиозного измерения в политике. Религия может способствовать поиску мира и согласия, но также может стать оружием в руках политических экстремистов.

---

¹⁹⁵ Мчедлова, М. М. Религиозные смыслы современной политики: потребность в новой эпистемологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 83-90.

¹⁹⁶ Почта Ю.М. Ислам и политика. Учебное пособие. Соотношение религиозных и политических институтов, процессов, акторов. М.: РУДН. 2008.

Религиозные смыслы в политике выходят за рамки простого присутствия религиозных символов или лидеров в политической арене. Они проникают в самую суть политических идентичностей, ценностей, конфликтов и диалогов. Понимание роли религии в политике требует глубокого анализа исторического контекста, культурных особенностей и современных тенденций общественной жизни. Религиозные смыслы могут как способствовать стабильности и гармонии в обществе, так и стать источником конфликтов и разногласий. В любом случае, их роль и влияние в современной политике нельзя недооценивать.

Орлова И.В. (Москва, ИГСУ РАНХиГС)

ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в 2016 год отражены направления развития общественной дипломатии, прописаны ее инструменты. Особая роль отведена представителям научного и экспертного сообщества в вопросе предоставления возможности получения образования иностранным гражданам. В рамках данной концепции силовыми ресурсами «мягкой силы» являются культура, нравственные и культурные ценности, лежащие в основе внешней политики государства.

Следуя этой Концепции за последние годы российские вузы существенно расширили формы взаимодействия с зарубежными странами по линии академического сотрудничества, налажена системная работа по популяризации российских образовательных стандартов и формирование единого русскоязычного образовательного пространства за рубежом. Среди инструментов «мягкой силы», используемых в сфере образования таковыми, являются: продвижение русского языка, русской культуры и русского мира. Деятельность носит системный и последовательный характер. В ней сочетаются стратегические и тактические задачи, соединяются государственные и общественные институты. При использовании образования как инструмента «мягкой силы» важно определить направления их развития. Нами выделено три направления: создание ресурсных центров усилиями Россотрудничества, увеличение численности иностранных граждан обучающихся в российских вузах благодаря взаимодействию МИД России и Минобрнауки России, системный академический обмен между студентами и преподавателями благодаря деятельности самих вузов.

1. С учетом целей и задач государственных программ «Внешнеполитическая деятельность», «Развитие образования», реализации концепций государственной поддержки и продвижения русского языка и «Русская школа за рубежом» активизирована работа по продвижению русского образования за рубежом. Образовательные программы Россотрудничества проводит совместно с МИД России, Минобрнауки России.

План приема в 2023/2024 учебном году иностранных граждан и лиц без гражданства на обучение в российские образовательные организации в рамках правительственной квоты реализован в полном объеме.

Существенную роль в поддержке русских школ играет Интернет-ресурс «Система поддержки русских школ» (<http://russchools.org>). После регистрации он предоставляет бесплатный доступ к электронным российским изданиям, сейчас там их уже более 180 тыс. наименований учебно-методической, художественной, научно-популярной литературы, на портале зарегистрировано более 2,5 тыс. образовательных организаций.

2. Российская Федерация берет курс на увеличение числа иностранных студентов в РФ к 2025 году, по сравнению с 2017 годом она должна увеличиться в три раза. Для этого был создан проект по экспорту российского образования. Его целевой аудиторией стали зарубежные школьники, он сфокусирован на привлечении молодых талантов. В рамках этого проекта за рубежом создаются ресурсные центры, где российских образовательных организаций могут организовать свои образовательные программы для качественной общеобразовательной подготовки иностранных школьников, приготовить их к дальнейшему образованию в российских вузах, в том числе осуществить отбор талантливой молодежи.

Результаты приема в 2023 году убедительно показали, что интерес иностранных граждан к получению образования в Российской Федерации постоянно растёт. Мы принимаем студентов из стран СНГ, Азии и Африки, незначительный поток студентов сохраняется и за Европой. Интернет-технологии значительно упростили прием заявок на обучение в России.

При поддержке Россотрудничества для привлечения молодых талантливых людей на обучение в Россию рядом российских вузов проведены за рубежом международные олимпиады по отдельным предметам, в числе которых международная олимпиада школьников по физике и математике «Phystech.International», Сеченовская олимпиада школьников, олимпиады Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» («Международная олимпиада молодёжи» и «Высшая проба»), олимпиада Университета ИТМО по информатике и математике.

3. Мировое образовательное пространство уже давно использует такой инструмент как студенческая мобильность, который был, горячо любим средневековыми вагантами. Сейчас в глобальном мире академическая мобильность существенно поменяла свой характер. И если студенты и преподаватели используют ее в личных целях, для подтверждения своего статуса, то для любого государства это стало одним из ключевых инструментов «мягкой силы». Чем больше людей узнало о существовании в каком-то регионе престижного вуза, дающего качественные знания, тем известнее становится сам регион, что отражается на его экономическом благополучии.

Неотъемлемой частью мирового образовательного процесса стало рейтингование вузов, впрочем, как и в других отраслях жизни деятельности человека. Участие в международных рейтингах стало престижем для вуза. Это

повышает его узнаваемость, вуз получает возможность дополнительного финансирования, научное и образовательное сообщество стремиться к партнерству. Государство, обладающее значительным количеством вузов входящих в топ мировых рейтингов, может насчитывать на расширение международного экономического сотрудничества и прибавления политического веса в рамках межгосударственного взаимодействия.

Для включения российских вузов в лучшие рейтинги мира был создан проект «5-100». Задача была поставлена грандиозная 5 вузов России должны были войти в сотню лучших университетов мира. Учитывая, что на тот момент лишь МГУ находился на 79 строчке рейтинга ARWU, НИЯУ МИФИ на 250, СПбГУ на 301. Для этого их надо было преобразовать из региональных вузов в глобальные, что можно делать за счет развития инфраструктуры и развития академической мобильности. За последние годы Российские вузы существенно продвинулись в этом направлении, хотя события планетарных масштабов, пандемия COVID-19 и мировой экономической кризис внесли свои коррективы в намеченные планы, что еще больше подчеркивает необходимость усиления мер в области гуманитарного сотрудничества.

Павлюченко В.К. (Новосибирск, СИУ РАНХиГС)

ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ КОММУНИКАЦИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В современной России имеется несколько базовых предпосылок, обозначающих необходимость развития коммуникации и взаимодействия между органами государственной власти (ОГВ) и органами местного самоуправления (ОМСУ):

1. Согласно Конституции РФ, ОГВ и ОМСУ входят в единую систему органов публичной власти, основной целью которой является налаживание и осуществление взаимодействия для эффективного решения задач в интересах населения¹⁹⁷;

2. В Конституции РФ закреплены положения, согласно которым в стране признается и гарантируется местное самоуправление, определена его самостоятельность в пределах полномочий¹⁹⁸. При этом, во время реализации своих полномочий, ОМСУ часто сталкиваются с дефицитом различного рода ресурсов, ввиду чего требуется дополнительная помощь, в том числе с помощью со стороны ОГВ;

3. ОГВ и ОГВ субъектов во многом определяют направления развития местного самоуправления в России и особенности функционирования ОМСУ через законодательное регулирование,

---

¹⁹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12. дек. 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4412.

¹⁹⁸ Там же.

государственный контроль и надзор, определение и перераспределение полномочий и т.д.

Важность коммуникации и взаимодействия между данными уровнями системы публичной власти определяется потребностью в эффективном государственном и муниципальном управлении.

Следовательно, прослеживается определенная тенденция к развитию взаимодействия органов публичной власти, обусловленная как нормативно-правовыми актами, так и складывающейся практикой. Соответственно, сегодня имеется потребность в поиске новых форматов и площадок для взаимодействия представителей ОГВ и ОМСУ, в качестве такой площадки следует рассматривать организации межмуниципального сотрудничества.

В целом межмуниципальное сотрудничество (ММС) является относительно новым явлением для отечественной теории и практики, особенно в аспекте взаимодействия между ОГВ и ОМСУ. А.Н. Костюков дает следующую трактовку данному механизму: «Межмуниципальное сотрудничество – муниципально-правовая конструкция, представляющая собой деятельность муниципальных образований, их органов и должностных лиц, советов и объединений муниципальных образований по организации взаимодействия муниципальных образований, выражения и защиты их общих интересов, в том числе в целях представления указанных интересов в органах федеральной и региональной власти и организации международного сотрудничества»¹⁹⁹. Соответственно, организации межмуниципального сотрудничества представляют собой юридически оформленные добровольные объединения муниципальных образований и их органов, создаваемые для организации, систематизации и координации процесса сотрудничества и взаимодействия между ними.

Можно выделить следующие общие направления деятельности организаций межмуниципального сотрудничества:

1. Развитие местного самоуправления;
2. Защита и представление интересов муниципальных образований;
3. Участие в законотворческом процессе;
4. Организация и координация совместной деятельности различных муниципальных образований;
5. Налаживание взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти;
6. Информационное сопровождение и поддержка²⁰⁰.

При этом каждая из данных форм подразумевает развитие взаимодействия как ОМСУ разных муниципальных образований между собой, так и с ОГВ.

---

¹⁹⁹ Костюков, А.Н. Российская муниципально-правовая политика: моногр. / А.Н. Костюков. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 186.

²⁰⁰ Сидикова, Я.С. К вопросу о формах межмуниципального сотрудничества / Я.С. Сидикова // Форум молодых ученых. 2018. №12-3 (28). С. 1327-1328.

В сложившейся практике организации межмуниципального сотрудничества чаще всего прибегают к следующим формам проведения своих мероприятий:

- Конференции;
- Круглые столы;
- Семинары и вебинары;
- Заседания;
- Дискуссионные площадки.

Также, согласно практике, в работе в рамках данных мероприятий принимают участие не только представители органов местного самоуправления, но и органов государственной власти, что приводит к становлению прямого диалога, обсуждению наиболее острых проблем и совместному поиску решений.

Роль организаций ММС в развитии коммуникации между органами государственной власти и органами местного самоуправления в данном случае заключается в следующем:

- Обеспечение согласованности: коммуникация в рамках площадок организаций ММС позволяет выработать общую позицию относительно имеющихся проблемных точек, устранить возможную напряженность и недопонимание между представителями ОГВ и ОМСУ, что способствует более эффективному управлению территориями и решению общих проблем, а также формированию взаимного видения развития местного самоуправления в России;

- Объединение усилий: выступая в качестве площадки для коммуникации, организации ММС помогают согласовывать деятельность органов публичной власти по реализации внутренней государственной политики, основных ее приоритетов и иных совместных проектов;

- Объединение ресурсов: совместная работа позволяет объединить имеющиеся ресурсы и возможности для реализации поставленных перед ними масштабных задач, которые было бы сложно реализовать каждой стороне самостоятельно;

- Обмен опытом: в рамках коммуникации представители ОГВ и ОМС могут делиться своим накопленным опытом и передавать лучшие практики, что способствует повышению профессионализма и качества работы;

- Обучение: в рамках взаимодействия происходит передача не только накопленного опыта со стороны ОГВ, но и разъяснения по новым требованиям и аспектам законодательства, организации работы в новых системах и др.

Следовательно, организации межмуниципального сотрудничества следует рассматривать не только как инструмент практической помощи в деятельности ОМСУ, но и как площадку взаимодействия органов публичной власти.

Паришина Е.В. (Москва, ИГСУ РАНХиГС)

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ К СУЩНОСТИ И МЕХАНИЗМАМ РЕАЛИЗАЦИИ

Термин «социальное партнерство» не получил однозначного толкования, как в зарубежной, так и в отечественной политологической литературе, прежде всего, потому что под ним мыслятся разные феномены. В связи с этим можно выделить несколько базисных исследовательских подходов к толкованию социального партнерства в рамках политологического анализа, специфика которого состоит в выявлении интересов субъектов политики социального партнерства, изучении механизмов взаимодействия в целях согласования и гармонизации их интересов для совместного решения общественно-политических проблем, а также в раскрытии социального партнерства как особой политики, проводимой органами публичной власти и институтами гражданского общества. Этим указанный подход отличается от исследования социального партнерства в оптике социологического, экономического, исторического и иных направлений научного анализа.

Социальное партнерство - система основанных на сотрудничестве взаимоотношений между как государственными, так и негосударственными субъектами, которая строится на определенной системе принципов, главные из которых - равноправие, паритетность на всех стадиях партнерских отношений; взаимовыгода на основе учета и взаимного признания интересов сторон; нацеленность на решение общих социально значимых задач; поиск и нахождение компромиссов в целях достижения согласия; совместная деятельность, предполагающая объединение ресурсов; обязательность принятых на себя обязательств и ответственность сторон. Предполагается правовое оформление данных взаимоотношений, что формирует их институциональную основу.

Социальное партнерство как тип взаимоотношений в обществе ведет к стабильности, устойчивости последнего и позволяет ему динамично развиваться. В целях стимулирования построения такого рода отношений в обществе должна проводиться соответствующая политика, которая может касаться как секторального уровня, межсекторального взаимодействия, так и взаимодействия на предельно широком уровне (например, как конституционный принцип, норма-принцип). В России социальное партнерство нашло отражение в ст.75.1 Конституции Российской Федерации, что придало ему правовой статус конституционного принципа.

Социальное партнерство можно представить в качестве системы, включающей: политику социального партнерства, ее стратегию, принципы, приоритеты; субъектов и их представителей, в том числе органы социального партнерства, участников; объекты социального партнерства (например, социально-экономические интересы субъектов такого партнерства); совокупность общественных отношений, базирующихся на принципах социального партнерства, в том числе коллективно-договорные отношения;

совокупность условий, механизмов, форм взаимодействия субъектов социального партнерства; институциональную основу социального партнерства, закрепленную соответствующими нормативными правовыми актами; совместную деятельность социальных партнеров, нацеленную на решение поставленных задач; меры организационного, правового, экономического характера, включая совокупность нормативных правовых актов и документов; уровневые конфигурации данной системы (в частности, международный, федеральный, межрегиональный, региональный, отраслевой, территориальный, локальный); интегративный эффект системы социального партнерства - решение поставленных задач²⁰¹ (рисунок 1).

Как видно из рисунка, данная система многоуровневая, раскрывающая составляющие социального партнерства в их взаимозависимости.

Рисунок 1 - Система социального партнерства²⁰²

²⁰¹ Ильичева Л.Е., Паршина Е.В. Институциональные модели политики социального партнерства: зарубежный опыт, российская практика//Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 6. С. 44

²⁰² Разработано автором.

Социальное партнерство как определенная политика для своей реализации требует ряда условий: демократическое устройство государства, его социальная направленность, развитость институтов гражданского общества и социальной ответственности бизнеса. В противном случае такое партнерство вырождается в квази- и псевдопартнерство.

Система социального партнерства как сложившаяся практика и целостная идеология, утвердившаяся в 60-70 гг. XX века и построенная в западных странах, преимущественно на основе либеральной парадигмы, постепенно пришла к своему упадку, что выразилось в увеличении социального расслоения в обществе, росте неравенства, в том числе в трудовой сфере. Возникла необходимость не только новой теории социального партнерства, но и реальной практики, которая выстраивала бы такое партнерство на современных основаниях (отсюда идея нового общественного договора).

*Полулях Д.С. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова),
Рожественская О.Ю. (Москва, МГУ им. М.В.
Ломоносова)*

КОНЦЕПЦИИ М.М. БАХТИНА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: КАРНАВАЛА НЕ БУДЕТ?

Интеллектуальное наследие известного философа и литературоведа М.М. Бахтина содержит впечатляющее количество различных идей, методов и подходов (диалог, диалогизм, карнавал, полифония, поступок, хронотоп²⁰³), нашедших свое применение не только в лингвистике и филологии, но и в таких областях знания как антропология, культурология, психология и др. В политической науке, однако, идеи Бахтина получили более скромное распространение. Наиболее популярными бахтинскими концептами в политологической литературе являются диалог и, в определенной степени, карнавал.

Абстрактность философского языка Бахтина естественным образом порождает развитие разных, зачастую противоположных интерпретаций его идей в теоретических работах политологов. Так, в одной из распространенных интерпретаций, идеи Бахтина, такие как диалогизм и карнавал, направлены на критику тоталитарных режимов с их ориентацией на монолог и нечеловеческой серьезностью, предлагая взамен модель радикальной демократии и плюрализма²⁰⁴. В других трактовках принцип диалогизма провозглашает плюрализм самих форм правления, а также других устоев общества – социальных, экономических, культурных – в контексте диалога

---

²⁰³ Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М.: Русские словари, 2012.

²⁰⁴ Koczanowicz L. Politics of Dialogue: Non-consensual Democracy and Critical Community. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015.

государств, народов и цивилизаций²⁰⁵. Фактором расхождения интерпретаций становится выбор – на каком политико-пространственном уровне нужно рассматривать категории диалога и карнавала – национально-государственном или международном? При первой интерпретации у исследователя появляется возможность, опираясь на Бахтина, провозгласить особый, идеальный тип демократии. При второй же само провозглашение некоей универсальной политической формы рассматривается как монологизм, от которого необходимо отказаться.

С нашей точки зрения, подобная интерпретация идей Бахтина не вполне соответствует этосу трудов философа. Подобные прочтения ограничивают область применения концепций одним, наиболее идеологически удобным для исследователя уровнем анализа (внутриполитическим или международным), игнорируя вселенский гуманизм и трансгрессивное отвержение любой идеологии, характерные для бахтинских идей диалога и карнавала.

Наибольшие перспективы, по нашему мнению, имеет применение идей Бахтина как методологии решения прикладных вопросов в сферах разрешения конфликтов и политической коммуникации. В области конфликтологии бахтинский диалог может быть использован как одна из стратегий разрешения конфликтов, противопоставленная как стратегии, основанной на технологиях давления и манипулирования, так и стратегии полного игнорирования конфликта. В области политических переговоров и дипломатии концепция Бахтина может стать философским основанием партнерской стратегии, утверждая право каждой стороны иметь свои цели, интересы и взаимовыгодное решение проблем в противоположность стратегии торга с ее монологизмом, стремлением манипулировать оппонентом и навязать ему свою волю. Особенность применения концепции Бахтина к переговорам заключается в приоритете информационно-коммуникативного аспекта и выстраивания человеческих отношений между переговорщиками²⁰⁶.

Современные политические коммуникации осложняются углублением размежеваний и ростом поляризации, вызванными объективно возросшей сложностью современных обществ. Идеи диалога и полифонизма, построенные на понимании и уважении к собеседнику, могут вдохновить решения, бросающие вызов доминирующей в политическом дискурсе культуре монологизма.

---

²⁰⁵ Ильинская С.Г., Угрин И.М. Диалогизм российской цивилизации против монологизма Запада // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. XIV. 2022. Россия и Запад: проблемы цивилизационного противостояния/ Под общ. ред. Ю.М. Резника. М.: Изд-во независимого ин-та гражданского общества, 2023. С. 248-269; Домащенко А.В. О М.М. Бахтине и необходимости формирования новой политической культуры // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 3 (10). С. 58–63.

²⁰⁶ Применение идей Бахтина к некоторым из этих проблем наметили в своих исследованиях М.М. Лебедева и Т.А. Алексеева. См., напр, Лебедева М.М., Алексеева Т.А. «Женщина-невидимка» в мировой политике: уроки для России (предисловие к русскому изданию) // Тикнер Дж. Э. Мировая политика с гендерных позиций : проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / Д.Э. Тикнер ; пер. с англ. под ред. Д.И. Польшванного ; предисл. к рус. изд. Т.А. Алексеевой, М.М. Лебедевой. — М. : Культурная революция, 2006. — 333 с. - С. 7-22.

Привалов М.И. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ПРИМЕНИМОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОЦЕНКИ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Цифровая трансформация государственной службы – это процесс внедрения технологий искусственного интеллекта и других цифровых технологий в систему государственного управления с целью заменить устаревшие способы делопроизводства и организации государственной службы новейшими альтернативами для повышения уровня и качества жизни граждан. Основы для создания искусственного интеллекта были заложены еще Аланом Тьюрингом²⁰⁷ в 1950 году.

Искусственный интеллект на государственной службе – комплекс технологических решений, который выполняет отдельные функции государственного управления и государственных служащих эффективнее людей, состоящих на государственной службе, при этом риски и результаты выполнения контролируются только фактом человеческой проверки и оценки. Показатели региональных политик возможно оценивать с помощью искусственного интеллекта (ИИ). Автор выделяется ключевые шаги по цифровой трансформации и внедрению ИИ в деятельность по оценке региональных политик такие как:

1. анализ международного опыта и опыта мировых компаний-лидеров в области ИИ;
2. активное сотрудничество с компаниями-лидерами по использованию ИИ в России по вопросам нормативно-правового регулирования, обеспечивающим применение технологий ИИ с максимальной эффективностью;
3. централизация применения технологий ИИ в масштабах всего государства;
4. создание кадрового потенциала для работы с технологиями ИИ и цифровыми технологиями.

Для совершенствования цифровой трансформации региональных политик необходимо сосредоточиться на ряде направлений. Во-первых, важно укреплять инфраструктуру и повышать цифровую грамотность населения. Во-вторых, следует работать над интеграцией новых технологий в управленческие и политические процессы в регионах, при этом обеспечивая высокий уровень защиты данных. Также критически важно создавать благоприятные условия для развития инноваций и предпринимательства в сфере цифровых технологий. Важен и системный подход к обновлению законодательной базы, чтобы она соответствовала текущим и будущим вызовам цифровизации.

---

²⁰⁷ Turing A. Computing machinery and intelligence / A. Turing. – Mind, 195. P. 433 – 460.

Цифровая трансформация государственного управления в российских регионах — это комплексный процесс, направленный на создание эффективной, прозрачной и доступной системы управления с использованием современных цифровых технологий. Этот процесс включает в себя ряд ключевых аспектов и направлений, которые в совокупности способны обеспечить значительное ускорение социально-экономического развития каждого региона. Уже приняты стратегии цифровой трансформации в каждом регионе²⁰⁸. Рассмотрим вкратце механизм цифровой трансформации в регионах России.

Перевод государственных и муниципальных услуг в электронную форму с целью упрощения и ускорения их предоставления гражданам и бизнесу. Внедрение единого портала госуслуг²⁰⁹ позволяет сократить время на оформление документов и улучшить качество взаимодействия между государством и обществом.

Развитие и модернизация телекоммуникационной инфраструктуры для обеспечения высокоскоростного доступа к интернету по всей стране, что является основой для реализации цифровых технологий во всех сферах. Однако данный этап еще не полностью пройден в некоторых регионах России. Применение технологий анализа больших данных и ИИ для обработки информации, что позволяет повысить эффективность принятия управленческих решений и улучшить качество предоставляемых услуг.

Обучение и повышение цифровой грамотности населения и государственных служащих для эффективного использования цифровых технологий в повседневной жизни и при выполнении профессиональных обязанностей.

Можно сделать вывод о том, что ИИ применим как для развития частного сектора и бизнес-структур, так и для государства в целом и регионов. ИИ становится неотъемлемой частью жизни общества его можно использовать для экспертной оценки региональных политик по основным показателям социально экономического развития. В дальнейшем будут проводиться исследования в данном направлении.

Прияцелюк К. А. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ПОВЕСТКА ДНЯ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПЕРИОД: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВИДОВ И ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТЫ ВЛИЯНИЯ

«Тот, кто владеет информацией – владеет миром», – известная фраза, которую приписывают британскому банкиру Натану Ротшильду. Её актуальность не только сохранилась, но и возрастает в информационную эпоху. Спустя два столетия мы можем подтвердить данное рассуждение

---

²⁰⁸ Стратегии цифровой трансформации. // URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/> (дата обращения: 14.02.2024)

²⁰⁹ Официальный сайт портала госуслуг. // URL: <https://www.gosuslugi.ru>. (дата обращения: 14.02.2024)

научными исследованиями в области политической коммуникативистики и феномена установления повестки дня.

Сочетание влияния информационного ресурса на общественное мнение и борьбы за политическую власть наиболее ярко находит своё отражение во время выборов. Поле для манипулятивных технологий в электоральный период собирает в себе множество аспектов: инфоповоды, субъекты влияния и их цели, инструменты, а также эффекты, которые в конечном счёте приносят результат

в виде желаемого мандата. Известно, что медиа способны оказывать ограниченное влияние на выбор избирателей, однако подтверждение воздействия информации о кандидатах на электорат ещё в прошлом столетии были продемонстрированы

в работах классиков политической коммуникативистики, среди которых Б. Коэн, М. Маккобс, Д. Шоу, П. Лазарфельд и Л. Фестингер – основоположники теории повестки дня.

На сегодняшний день принято выделять несколько типов повесток дня:

1. Информационная (устанавливают СМИ);
2. Политическая (устанавливает государство);
3. Общественная или публичная (формируется под влиянием двух

вышеперечисленных повесток и личного опыта). А. А. Казаков разделяет её на три уровня: личностная, межличностная и воображаемая/предполагаемая общественная²¹⁰).

При этом нельзя исключать пересечение данных повесток. Ю. А. Цветкова подчеркивает, что вопросы политической тематики, определяющие политическую повестку дня, соответственно, задают медийную повестку, в то время как повестка СМИ не оказывает влияние на первую²¹¹. Политическая повестка связана с работой органов государственной власти и ключевых политических акторов, занимающих значимые посты. Среди них, например, освещение решений президента, органов законодательной, судебной и исполнительной власти федерального и регионального уровней. В этом ракурсе вводятся такие понятия как «символическая повестка» – та, что содержит круг проблем, находящихся в поле зрения политических акторов (в рамках обсуждения, формирования общего дискурса), и «институциональная повестка» (формальная) – пул сюжетов, которые становятся поводом для реальных политических решений.

Публичная повестка дня, в свою очередь, может стать основой как повестки политической, так и медийной. Это зависит от степени проникновения политических акторов и СМИ в проблемы социума и особенно акцентируется во время выборов.

Определение социального контекста перед электоральным циклом делает наиболее выигрышной кампанию кандидата, который имеет властный

---

²¹⁰ Казаков А. А. Западная коммуникативистика об установлении информационной повестки дня: анализ основных подходов // ПОЛИТЭКС. 2013. №3.

²¹¹ Цветкова Ю. А. Повестка дня: понятие, специфика, типологии // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. №. 7. С. 2500-2505.

ресурс ещё до момента наступления агитационной кампании. В этом месте и происходит информационное переплетение. Если действующий политический актор, находящийся на выборной должности, публично выступает с громким политическим решением, удовлетворяющим потребности определенного социума (общественной повестки), то его известность и потенциал как будущего кандидата возрастает, принося весомый имиджевый капитал. Такое положение дел задаёт ситуацию неравной борьбы: ещё за месяц до периода агитации у одного кандидата есть ресурс, чтобы самоактуализироваться в информационном поле, а у другого такого ресурса нет. Электоральный период даёт 28 дней и одинаковый набор инструментов, однако в саму гонку кандидаты вступают с изначально разным политическим багажом. Примером может стать интервью Владимира Путина Такеру Карлсону, которое спустя две недели с момента выхода набрало более 2,6 млн просмотров на YouTube. В преддверии выборов Президента России в марте 2024 года подобное событие с официальной точки зрения выглядит как выступление Президента страны на главном телеканале страны, но, с другой стороны – выигрышная стратегия, ставящая кандидатов на предстоящих выборах в неравное положение.

Таким образом политический режим – среда – создают условия для формирования повестки дня. Круг тем, являющихся наиболее болезненными для общества в определенный момент времени, безусловно, играет роль, но вот влияние действующего режима может оказаться сильнее. Без смены ключевых фигур на политической арене политическая повестка способна оказать большее влияние на результаты голосования, чем общественная – это пока ещё гипотеза, требующая подтверждения.

В рамках рассуждения предлагается и тезис о том, что на уровне местного сообщества и региона общественная повестка ближе к дискурсу субъектов представительной власти. Чем уже круг социальных связей, тем большее отражение он находит в предвыборных программах кандидатов, а в дальнейшем, в политических решениях.

«Политические программы и обещания, высказанные в предвыборный период, меняются с приобретением партиями официального депутатского статуса, который трансформирует политическую повестку дня в более актуальную и востребованную для правительственного корпуса»²¹², – отмечают М. В. Николаева и А. А. Шестакова, основываясь на результатах исследования, посвященного изучению дискурс-полей российских политических партий. Кроме того, напомним, что медиа повестка также может находиться под давлением повестки политической. Следовательно, несовпадение политической и общественной повесток влечет за собой протестные настроения.

Доступ к информационным ресурсам и способность влиять на дискурсивное поле, политический режим, система выборов – условия, в

---

²¹² Николаева М. В., Шестакова А. А. Дискурсивные поля политических партий в информационном онлайн-пространстве в период электорального цикла 2021 года // Общество: политика, экономика, право. 2022. №. 5 (106). С. 43-49.

рамках которых оказываются кандидаты и которые влияют на повестки дня разного вида. Отсюда мы делаем вывод о том, что способность их сочетать и использовать возможности пересечения могут произвести значимый эффект в разрешении социального и политического конфликтов во время выборов.

Римский В.Л. (Москва, МПСУ)

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Представлены некоторые результаты исследовательского проекта № 123091200057-8, который в 2023-2024 годах выполняется в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований. Целью исследования является выявление представлений и мнений российских граждан о справедливом социальном государстве и их приоритетов в деятельности государства такого типа.

Полевая часть исследования включала онлайн фокус-группы (15-16 января 2024 года проведено 3 фокус-группы с молодёжью 18-23 года, средними 35-50 лет и старшими от 60 лет возрастами) и онлайн массовый опрос граждан (проведён 22 января – 1 февраля 2024 года) на эффективной выборке 1003 респондента из жителей городов России с населением от 100 тыс. человек из всех федеральных округов. Дизайн этой выборки определялся размерами финансирования исследовательского проекта. Как известно, в городах России с населением от 100 тыс. человек проживает более 52% населения нашей страны²¹³, т.е. большинство граждан. И именно в таких городах наиболее развита инфраструктура получения гражданами социальных услуг, а сами они имеют достаточный для фиксации в исследовании опыт взаимодействий с государством в социальной сфере. У жителей более мелких населённых пунктов аналогичного опыта меньше, и он скорее менее позитивен.

Участники всех фокус-групп соглашались, что социальное государство важно и необходимо для российских граждан. Представители средних возрастов довольно определённо формулировали, что социальное государство необходимо для выравнивания уровней благосостояния граждан, недопущения существенных различий в доходах, чтобы не было ни нищих, ни слишком богатых, что будет справедливым. Но они же отмечали, что сейчас российское государство такое выравнивание уровней благосостояния недостаточно осуществляет.

Участники всех фокус-групп соглашались, что справедливыми неравенствами в уровне благосостояния в обществе являются те, которые

---

²¹³ Расчёт выполнен по данным Росстата: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 года. Бюллетень Росстата. 01.03.2024. // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2023.xlsx

предоставляются государством за заслуги перед ним, и которые гражданин получает за свои трудовые достижения. Согласно они были и в том, что несправедливыми являются неравенства в уровнях благосостояния, полученные с нарушениями закона, с помощью коррупции или иного использования своего служебного положения.

Участники фокус-групп соглашались с тем, что государство осуществляет справедливость, поддерживая выплатами тех, кто по тем или иным причинам не может работать, имеет заболевание, находится на пенсии по возрасту. Но столь же согласны были участники фокус-групп в том, что эти выплаты явно недостаточны и не обеспечивают нормального уровня благосостояния попавших в сложные жизненные ситуации или имеющих какие-то ограничения по самостоятельному обеспечению собственного благосостояния. Государство по мнениям участников фокус-групп создаёт излишние барьеры для получения нуждающимися выплат, но и большинство граждан недостаточно активно в обеспечении собственного благосостояния. Не получается гармоничного взаимодействия общества и государства в обеспечении благосостояния граждан, а такое сотрудничество необходимо в социальном государстве.

Такие мнения граждан объясняют, почему в анкетном опросе только 31% респондентов указали, что Россия в полной мере является социальным государством, и ещё 53% респондентов – что является в некоторой мере. При этом у существенно большей доли респондентов было выражено желание, чтобы Россия в полной мере стала социальным государством – 56%. Но 31% респондентов отказались от ответа на этот вопрос, что свидетельствует об их сомнениях и отсутствии обдуманной позиции по этому вопросу.

В дискуссиях на фокус-группах и в анкетном опросе респондентам предлагалось оценить критерии справедливости, которые государство должно и реально использует в различных областях. Такими значимыми для граждан областями были выплаты пенсий по возрасту, медицинская помощь гражданам, поддержка государством семей с детьми, доступ к профессиональному (среднему и высшему) образованию и обеспечение граждан достойным жильём. И фокус-группы, и анкетный опрос показали, что существенно различаются оценки гражданами того, какие критерии должно применять государство для обеспечения справедливости, и того, какие оно реально применяет. В единичных случаях совпадали оценки гражданами должного и реального в используемых государством критериях справедливости. Так, например, они совпали в отношении того, что в сфере медицинской помощи справедливо, когда выплаты в фонды обязательного медицинского страхования одних используются для оплаты лечения других, когда граждане проявляют в этом свою солидарность. Именно так государство и должно, и реально обеспечивает справедливость. Но, тем не менее, по другим возможным критериям справедливости в этой сфере в оценках граждан есть существенные расхождения должного и реального. В учёте заслуг граждан, их социального статуса, богатства, развития рыночных отношений в медицинском обслуживании и других желательные для граждан

критерии справедливости государство не применяет или применяет неадекватно.

Вполне естественным является применение гражданами различных критериев справедливости в различных ситуациях, а также различия таких критериев у разных социальных групп вследствие различий семейного воспитания, особенностей усвоенной в ходе социализации культуры и т.п. Эта особенность справедливости создаёт существенные проблемы для выполнения социальным государством одной из своих важнейших функций – обеспечения социальной справедливости. Для развития социального государства в России необходимо изучать и применять в социальной политике различия критериев справедливости для разных сфер и ситуаций.

Родионова М.Е. (Москва, Финансовый университет)

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В настоящее время партии разных стран самым тесным образом взаимодействуют со своими избирателями, делают они это во многом благодаря широкому распространению сети интернет. Возможность создания веб-сайта, а также страницы в той или иной социальной сети обеспечила партийных деятелей полем для реализации коммуникативной стратегии. Посредством изучения особенностей конструирования и ведения веб-сайтов и страниц в социальных сетях зарубежными политическими партиями, можно выделить общее и специфическое. Особый интерес представляет выполнение подобного анализа на материале нескольких партий, придерживающихся схожих политических позиций, но представленных в разных странах одного региона, в частности на примере таких скандинавских стран как Финляндия, Швеция и Норвегия – трех стран Северной Европы. Рассмотрение реализации коммуникативной стратегии при этом следует осуществлять с отслеживанием динамики показателей коммуникативной активности в зависимости от фазы избирательного цикла, интенсивности взаимодействия с лидерами и центрами общественного мнения, а также с описанием цифровой инфраструктуры и социальной базы информационных потоков (их половозрастных и геолокационных характеристик)²¹⁴.

Для анализа были рассмотрены Центристская партия Финляндии (Финляндский центр) (фин. Suomen keskusta – KESK), Национальная коалиционная партия (фин. Kokoomus – КОК), Левый союз (фин. Vasemmistoliitto – VAS). По Швеции взяты для рассмотрения такие партии как Партия центра (швед. Centerpartiet – С), Умеренная коалиционная партия (швед. Moderata Samlingspartiet или Moderaterna – М), Левая партия (швед. Vänsterpartiet – V). Норвегия представила к рассмотрению такие свои

---

²¹⁴ Электоральные процессы в современном мире; монография (кол.авторов) под общ.ред. Родионовой М.Е., Белоконева С.Ю., Селезнева П.С., Ежова Д.А. Москва: КНОРУС, 2022.

партии как Партия Центра (центристы) (норв. Senterpartiet – Sp), Партия прогресса (правые) (норв. Fremskrittspartiet – FrP) и Социалистическая левая партия (левые) (норв. Sosialistisk Vensterparti – SV).

Сопоставление реализацией коммуникативной стратегии

Проанализировав веб-сайты и страницы в социальных сетях каждой из партий в Финляндии, Швеции и Норвегии, можно перейти к сопоставлению практики реализации коммуникативной стратегии данными партиями, объединив их при этом по политической направленности.

Критериями для сопоставления на основе описанных выше параметров будут являться следующие: 1) полезность: наличие на сайте / в социальной сети информации, полезной для посетителей; 2) взаимодействие: наличие сервисов взаимодействия с пользователями; 3) софт: корректность работы сайта / страницы в социальной сети и удобство его использования; 4) широта охвата: численность аудитории сайта / соцсети.

Оценку реализации партиями коммуникативной стратегии в интернете будем осуществлять бинарным способом с наделением их от 0,00 до 1,00 баллов. Максимальное количество баллов, которое может набрать партия, будет составлять 4,00. Показатель больше 2,00 будет оцениваться как эффективное присутствие партии в сети интернет²¹⁵.

При сведении описанных выше параметров в критерии оценки получаем следующие результаты: центристские партии всех рассматриваемых стран получают 3,00 баллов, так как одинаково демонстрируют недостаток широты охвата аудитории (наиболее низкие количественные показатели среди рассматриваемых партий одной страны). Правые партии Финляндии и Швеции получают 4,00 балла, в то время как Норвегия в данной категории получает 3,00 балла из-за недостатка в качественно содержательном наполнении интернет-ресурсов. Левые партии Финляндии и Швеции получают 4,00 балла, в то время как норвежские левые получают 3,00 в силу отсутствия языкового разнообразия и специальных возможностей на интернет-ресурсах партии.

Таким образом, как видно, все из рассмотренных партий Финляндии, Швеции и Норвегии имеют показатель выше 2,00, что позволяет говорить об их достаточно эффективном присутствии в сети интернет. Примечательно, что партии Норвегии показали наименьших средний показатель среди партий рассмотренных стран. Безусловно, показатели, примененные в данной работе, являются усредненными и в недостаточной степени детализированными, однако данное обстоятельство определяет актуальность и необходимость проведения дальнейших исследований в данной тематической области.

Рассмотренные партии демонстрируют эффективность присутствия в сети интернет. Нельзя отрицать, что описание сайтов и страниц в социальных сетях избранных партий и анализ, проведенный нами, является далеко не исчерпывающим. Однако он дает представление о том, что реализация

---

215 Родионова М.Е., Еременко И.В. Реализация коммуникативной стратегии политических акторов за рубежом на примере сравнительного анализа веб-сайтов и социальных сетей скандинавских стран // Вопросы политологии. №12. 2022 С. 2342-2353

коммуникативной стратегии осуществляется партиями успешно, функциональный аспект используемых партиями интернет-ресурсов находит свое подтверждение. Проведение подобных исследований позволит избирателям получить более четкое представление о политическом ландшафте собственной или зарубежной страны, а партии, в свою очередь, смогут найти почву для усовершенствования своих интернет-ресурсов.

Садилова А.В., (Пермь, ПГНИУ)

ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ И АБСЕНТЕИЗМ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПРЕЗИДЕНТА РФ В 2024 ГОДУ)

С начала 2000-х годов во многих развитых странах отмечается тенденция к увеличению показателей абсентеизма на всех уровнях электорального процесса. Россия также не является исключением. Активность избирателей достигает своего максимума в рамках президентской кампании в нашей стране. Президент РФ – ключевая фигура в отечественной политической архитектуре. При этом еще не было случая за современную историю, чтобы явка избирателей была выше 70%. В 2008 году активность составила 69%, в 2012 – 65,3%, в 2018 году также не перешагнула отметку и составила только 67,54%.

Почему так важна явка избирателей? В первую очередь - это маркер легитимности власти. Во-вторых, на сегодняшний день к выборам президента приковано внимание всего мирового сообщества. Поэтому уверенная поддержка института выборов и конкретного кандидата будет свидетельствовать о разворачивании одного из возможных сценариев геополитических действий. В том числе со стороны «недружественных стран». В заключении важно отметить, что низкий уровень абсентеизма является, по мнению экспертов, формой выражения протеста текущему политическому курсу и персонам, стоящих за его реализацией. В ситуации, в которой оказалась Россия после 2014 года, крайне необходимо демонстрировать единство взглядов и внутренний компромисс для закрепления «сильной позиции» на мировой арене.

Прогнозы на кампанию этого года весьма амбициозные. Краеугольным снова стал вопрос обеспечения явки избирателей на участки для голосования (больше 75%). Для решения этой задачи в течение последних лет были приняты организационные меры со стороны ЦИК РФ, Правительства РФ и парламента. Речь идет о целом ряде цифровых сервисов, которые направлены на увеличение комфорта взаимодействия граждан с государственными институтами и простоты реализации избирательных прав.

Особо следует отметить распространение «пилотного» проекта дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ) на значительное количество субъектов. К 2024 году ДЭГ будет доступно в 27 регионах РФ, что составляет 30% от всех субъектов. При этом по численности значительно

больше, т.к. к такой форме голосования наиболее готовы регионы с городами-миллионниками, развитой диджитал-инфраструктурой и значительной долей проникновения Интернета.

Другой стимулирующей активностью избирателей мерой является запуск на всей территории России проекта «ИнформУИК». Это инициатива ЦИК РФ, которая также была опробована ранее на нескольких территориях и положительно себя зарекомендовавшая в части информирования и оцифровки данных по избирателям. Суть проекта заключается в обходе членами участковых избирательных комиссий адресной базы и прямое общение с избирателями по месту их жительства. Отличительной особенностью стало использование специального мобильного приложения, позволяющего заносить информацию о предпочтительных формах голосования на месте. Также приложение помогает зафиксировать данные о желающих проголосовать на дому.

Таким образом, проект «ИнформУИК» и ДЭГ должны стать инструментами по нивелированию абсентеизма в нашей стране на примере президентской кампании этого года.

В статье будут обозначены результаты эффективности применения цифровых инструментов, анализ вовлеченности регионов в ДЭГ, а также выстроены векторы развития цифровых решений в области политических институтов РФ.

Сащенко Н.П. (Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ставится проблема теоретической концептуализации политико-культурного измерения идентификационных процессов в российском обществе в контексте глобально-локальных социально-политических изменений. На принципе холизма строится концептуальная модель процесса трансформации российской идентичности, включая динамику символических кодов культуры, эффект второго контура политической обратной связи, появление «возникающих свойств системы» в условиях глобального управления.

Концептуальная модель трансформации российской идентичности имеет пространственно-временную организацию, влияющую на скорость и направленность идентификационных процессов индивида с группой, обществом в целом. В то же время процесс идентификационной трансформации, интериоризуясь в психике коллективного субъекта, создает образ изменяющейся субъективной реальности, наполняется субъективными значениями и дополняется еще одним измерением - значениями и смыслом отражаемых событий и явлений. Поэтому анализ идентификационных трансформаций включает подходы постнеклассической науки с применением

критериев анализа в социально-психологических и политико-социологических традициях. Формулируются три подхода, возможности практического применения которых отражены в результатах эмпирических исследований²¹⁶.

В рамках когнитивистски и конструкционистски ориентированных концепций социологической науки методологическими ориентирами стали идеи социальных философов, этносоциологов по уточнению функциональных характеристик идентичности, многомерных связей, а также масштабное понимание конструирования идентичности российскими академическими учеными²¹⁷. В объяснении идентификационных процессов с общностью, нацией, этносом учитываются «радикальное воображаемое означивание»²¹⁸ и «работа воображения»²¹⁹ в конструировании социальной реальности. Природа социальных механизмов, связывающих индивидов со страной, объясняется специфическими свойствами сообщества граждан как “воображаемого политического сообщества”, то есть как результат когнитивных процессов, рационализации, интерпретации социально-политической реальности – «образа их общности»²²⁰.

В целях изучения «символических связей» в форме языка, культурных символов, ассоциаций, нарративов приняты идеи представителей подхода символического интеракционизма в контексте социального взаимодействия и тесно связанные с социальной психологией и культурологией²²¹. Анализ этих символических образований помогает находить латентные смыслы, имплицитно хранящиеся в глубинах массового сознания. Из психологической науки приняты во внимание подходы к анализу смыслового пространства личности, где внутреннее пространство, определяемое как психологическое, очерчивается не территориальными границами или свойствами, а ценностями и смыслами и квалифицируется как ценностно-смысловое, масштаб которого задается особыми сверхчувствительными характеристиками, имеющими как объективную, так и субъективную природу. Направленность изменений социальных представлений, влияющих на устойчивость процесса социальной

---

²¹⁶ Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году. [монография] / Н.В. Березина, И.Я. Богданов, Н.М. Великая [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. [EDN ORTSAQ](#); Сащенко Н.П. Трансформация российской идентичности: ценностное измерение // Социально- политические науки. 2023. Т. 13. № 4. С. 37-48.

²¹⁷ Горшков, М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ): монография / М.К. Горшков. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000; Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17; Дробижина, Л.М. Российская гражданская идентичность в научно-политических дискуссиях и общественном мнении / Л.М. Дробижина // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. № 4 (43). Том 8. С. 324-336.

²¹⁸ Касториadis К. Воображаемое установление общества / Пер. с франц. Г. Волковой, С. Офергаса. М.: Гнозис; Логос. 2003.

²¹⁹ Appadurai A. The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. Verso Books. 2013.

²²⁰ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; перевод с английского В. Николаева. - Москва: Кучково поле, 2016.

²²¹ Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

и гражданской идентификации, выявляется на базе теории социальных представлений²²².

Авторский подход к политико-культурному измерению идентификационных процессов в российском обществе позволил объяснить социально-психологический механизм политической обратной связи в политическом управлении, в том числе той латентной части управленческой системы, которая была описана в структуре политического управления с позиции кибернетики²²³ и сегодня является предметом изучения в контексте рисков глобального управления.

Системный взгляд на глобальное-локальное управление выводит на проблемы в идентификационных процессах конкретного государства. В частности, с позиции холистического взгляда на контуры политической обратной связи исследователю открывается имплицитная пластичность, эмоциональная подвижность, а также двойственность культурных трансформаций в социальной памяти россиян. Анализ смыслового пространства социальной памяти, динамики смыслов и их символических структур позволяет приблизиться к пониманию механизма возникающих свойств системы, детерминирующих направленность и скорость идентификационных изменений в обществе, тем самым формирующих символический ответ на глобальное воздействие.

Семочкина Е.В. (Москва, РАНХиГС)

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В СУЖДЕНИЯХ ЧЛЕНОВ МОЛОДЕЖНЫХ СОВЕЩАТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР ПРИ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Дистанционное электронное голосование в Российской Федерации является современным способом реализации активного избирательного права. В избирательных кампаниях в сентябре 2023 года ДЭГ применялся в 24 регионах в 18 из них впервые, потенциальными участниками ДЭГ стали 21,5 миллионов человек²²⁴. «Практически в каждом четвертом субъекте – от Камчатки до Калининграда – у избирателей появляется дополнительная возможность выбрать, каким способом проголосовать: традиционно или дистанционно-электронно» – подчеркивает председатель ЦИК РФ Элла Александровна Памфилова.

---

²²² Moscovici S. Etude de representation social de la psychanalyse. These pour le Doctorates Lettres. Paris: PUF, 1960; Flament C. Structure, dynamique et transformation des représentations sociales // Pratiques sociales et Représentations / Ed. J.C. Abric. Paris: PUF, 1994. P. 37–57.

²²³ Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. Москва, Интеллект. 1997.; Шабров О. Ф. Глобальные факторы политического управления: новые возможности и новые риски // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 2. С. 236–244.

²²⁴ Элла Памфилова: «В этом году ДЭГ на федеральной платформе будет применяться в 24 регионах, в 18 из них - впервые» // URL:<http://www.cikrf.ru/news/cec/53307/> (дата обращения 02.03.2024).

ДЭГ как альтернативный способ голосования в Самарской области не был использован на сентябрьских выборах, однако представителями Избирательной комиссии Самарской области ведется постоянная работа с молодым поколением по просвещению их в области цифровизации избирательного процесса.

Молодежной избирательной комиссией Самарской области в ноябре 2023 года было проведено социологическое исследование на выявление суждения подрастающего поколения о дистанционном электронном голосовании. Респондентами стали лидеры общественного молодежного мнения – члены молодежных совещательных органов. Таких как: молодежное правительство, молодежные парламенты и молодежные избирательные комиссии. Свыше 150 представителей молодежных органов приняли участие в опросе.

Каждый опрошенный информирован о системе дистанционного электронного голосования, 80% относятся к нему положительно, а 20% сомневаются в выборе своего предположения. Лидерам молодежного общественного суждения был задан вопрос: «Если на следующих выборах Вам было бы предложено выбрать способ голосования, то какой способ, Вы скорее всего предпочтете?». Самарская молодежь в этом вопросе разделилась в предположениях.

Рисунок 1. Если на следующих выборах Вам было бы предложено выбрать способ голосования, то какой способ, Вы скорее всего предпочтете?

Свыше половины опрошенных предпочли бы проголосовать электронно, при помощи мобильного телефона, перейдя на сайт голосования, остальные выбрали традиционное голосование на избирательном участке с использованием бумажного бюллетеня. Для молодежи порядок голосования на избирательном участке: от прихода в помещение для голосования до того момента, когда молодой избиратель опустит бюллетень в ящик для

голосования, является для них значимым, особенно когда они голосуют впервые. Традиционное голосование для молодого человека служит решением проблемного поля воспитания гражданской ответственности. Знакомый любому избирателю маршрут на избирательном участке: показать паспорт члену участковой избирательной комиссии, получить бюллетень, пройти в кабину для голосования, поставить любой знак напротив фамилии кандидата, в чью пользу сделан выбор, опустить бюллетень в ящик для голосования. Молодые избиратели имеют возможность своими глазами увидеть процесс голосования на избирательном участке, что дает возможность понимать выборный процесс.

Двадцать первый век – век информационных технологий, каждый из нас уже не представляет свою жизнь без интернета. Бесспорно, дистанционное электронное голосование как дополнительный способ голосования необходим не только молодым избирателям, но и старшему поколению. ДЭГ – удобная и многим представителям молодого поколения понятная система. Однако, если говорить непосредственно о воспитании молодого поколения, о работе над его осознанием важности института выборов, традиционный способ голосования наиболее подходящий.

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что дистанционное электронное голосование является знакомым для молодежи способом волеизъявления. Но, несмотря на это молодежным избирательным комиссиям важно выстраивать работу с подрастающим поколением при помощи проектов и игр, которые «погружают участников в избирательный процесс».

Так, в Самарской области реализуется образовательный проект деловая игра «Выборы, и Я»²²⁵, которая моделирует избирательный процесс для студентов и школьников региона. Такие проекты важны для формирования у молодежи осознанного отношения к институту выборов.

Политическое участие молодежи и решение вопроса молодежного абсентеизма вызывает интерес не только у представителей избирательной системы, но и у политических партий, гражданского общества, образовательных учреждений. Дистанционное электронное голосование выступает одним из инструментов вовлечения молодого поколения, и не только в избирательный процесс.

Сересова У.И. (Москва, РУДН им. П. Лумумбы)
**ТУРИЗМ В РОССИИ: ГЕОПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ И
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ**

Туризм не относится к числу распространенных тем для изучения ни в российской, ни в зарубежной академической литературе по политическим

---

²²⁵ Об избирательном процессе для молодежи // URL: <http://samara.izbirkom.ru/news/17828/> (дата обращения 02.03.2024).

наукам. Тем не менее, туристские практики в странах мира можно объяснять особенностями международных отношений (от запрета на въезд до безвизового режима), глобализационных процессов (создание туристских ТНК и НКО), политических режимов (различия в организации турбизнеса в демократических и авторитарных государствах)²²⁶. Также туризм может рассматриваться как одно из направлений публичной политики с применением концепции governance как объясняющей модели²²⁷. Экологические, экономические и социальные аспекты развития туризма анализируются на основе концепции устойчивого развития²²⁸. Геополитические контексты туризма описываются концептами «мягкой силы», открытых глобальных и региональных туристских «мир-систем», внутреннего туризма как «замкнутого мира», овертуризма как «культурного антиплюрализма», «витрины социально-экономического и политического устройства»²²⁹.

События последних двух лет в России заставляют посмотреть на туристскую отрасль сквозь оптику политических процессов. Настоящее исследование проведено с помощью анализа законодательной и нормативно-правовой базы туристской политики в России и статистических данных, описывающих опыт ее реализации.

Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года²³⁰, принятая незадолго до начала пандемии Ковид-19, называла главными трендами туристской политики развитие внутреннего и въездного туризма, инфраструктуры, инвестиций, облегчение визового режима, формирование благоприятного туристского имиджа. Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства»²³¹ (2021) конкретизирует Стратегию целевыми статистическими показателями, в частности ростом числа объектов туристской инфраструктуры, турпоездов и количества занятых в туристской индустрии.

Нацпроект вписан в Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период

---

²²⁶ См. обзор: Richter L.K. The politics of tourism in Asia. – University of Hawai'i Press, 2018. P. 1-25.

²²⁷ Hall C.M. A typology of governance and its implications for tourism policy analysis // Journal of Sustainable Tourism. 2011. № 19:4-5. P. 437-457.

²²⁸ Sharpley R. Sustainable tourism governance: local or global?, Tourism Recreation Research, 2023. № 48:5, P. 809-812, DOI: 10.1080/02508281.2022.2040295. Cheer, Joseph M., and Alan A. Lew, eds. Tourism, resilience and sustainability: Adapting to social, political and economic change. Routledge, 2017.

²²⁹ Афанасьев О.Е. Туризм и геополитика: контексты, концепты и значение для современной индустрии гостеприимства. // Современные проблемы сервиса и туризма. 2022. №1. С. 7-23.

²³⁰ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 N 2129-р (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года»

²³¹ Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/da6490a6b838998e49df2556be17aaff/NP_Turizm_i_industriya_gostepriimstva.pdf

до 2030 г.²³² Национальные цели развития²³³, в целом, соответствуют Целям устойчивого развития ООН.

Опыт 2021–2022 гг. показывает, что критериев эффективности в реализации туристской политики по числу въездных турпоездов достичь невозможно в силу влияния геополитического фактора – Специальной военной операции. Так, Нацпроект предполагал, что в 2021 г. Россию должны были посетить с туристской целью 3,76 млн иностранцев, в 2022 г. – 4,89 млн, в 2023 г. – 19,62 млн. Фактически же иностранный турпоток в 2022 г. сократился на 96,1% по сравнению с 2019 г.²³⁴

Невозможность развивать политику въездного туризма компенсируется усиленным вниманием государства к развитию внутреннего туризма, которому приписывают не только функцию рекреации, но и формирования российской идентичности. В документах – и в Стратегии, и в Нацпроекте – можно увидеть и следы политической идеологии: одна из задач Стратегии – «усиление роли туризма в патриотическом воспитании...»²³⁵. Развитие внутреннего туризма рассматривается в Нацпроекте как ресурс для «воспитания» человека «на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций»²³⁶.

Внутренний турбизнес получает от государства субсидии на развитие инфраструктуры, разрабатываются национальные туристские маршруты, туры и экскурсионные программы для детей, пожилых и инвалидов. Выезд за пределы РФ в страны Европы с туристской целью затрудняется, и россияне, действительно, в условиях политической турбулентности и снижения уровня доходов начинают выбирать внутренние туры по России. Рост внутреннего туризма в 2022 г. по сравнению с 2021 г. составил предварительно около 10%²³⁷

Таким образом, развитие внутреннего туризма в России и формирование туристской политики в настоящее время оказывается в значительной степени определено (гео)политическими факторами: как напрямую вследствие ограничений международных перемещений туристов, так и косвенно, через внедрение соответствующих элементов государственной идеологии в актуальную повестку.

---

²³² "Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года" (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 N 2765-р) (с изм. от 24.12.2021)

²³³ Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года"

²³⁴ Иностраный турпоток в Россию в 2022 году сократился на 96,1%. АТОР. 07.02.2023. // URL: <https://www.atorus.ru/node/51298>

²³⁵ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 N 2129-р (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». Ст. 2.

²³⁶ Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» - https://www.economy.gov.ru/material/directions/turizm/nacionalnyy_proekt_turizm_i_industriya_gostepriimstva/

²³⁷ Рост внутреннего туризма в России в 2022 году составил 10% // СФР. 24.11.2022. // URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2022/11/24/241149

Слатинов В.Б. (Курск, КГУ)

ИЗМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И АКТУАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Внесение поправок в Конституцию РФ в 2020 году оказало сильное влияние на эволюцию публичной власти на федеральном уровне и в российских регионах. По сути, был запущен процесс реформирования системы государственной власти и местного самоуправления на всей территории страны. Процесс этот к настоящему моменту не завершен, но идёт довольно интенсивно. В конце 2021 года был принят ФЗ-414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», в стадии обсуждения в Государственной Думе находится проект ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Необходимо отметить, что как конституционные поправки, так и новое федеральное законодательство об организации публичной власти на региональном и местном уровнях несут в себе определенную политико-управленческую концепцию, которая тесно связана с характером эволюции российской политической системы и её режимных характеристик. Кроме того, уже принятые законодательные новеллы могут исследоваться на предмет их политико-управленческих эффектов, включая те аспекты, что оставляют за регионами право выбора тех или иных политических и управленческих практик. Наконец, реализация принятых норм в региональном преломлении дает возможность для осуществления сравнительного анализа полученных результатов и прогнозирования их влияния на социально-экономическое развитие российских территорий, эволюцию региональных систем управления и политических процессов.

В содержательном смысле принятые конституционные поправки и осуществленные на их основе изменения в федеральном законодательстве направлены на дальнейшее укрепление президентализма²³⁸, а также на продолжение и усиление процесса «вертикализации» отношений по линии «федеральный центр – регионы-муниципалитеты». При этом главы регионов получили дополнительные возможности в сфере регулирования территориальной организации, определения полномочий и формирования органов муниципальной власти. Этот тренд уже закреплен в 414-ФЗ и, как можно предположить, будет содержательно раскрыт и конкретизирован в новом федеральном законе о местном самоуправлении. Тенденция к сочетанию процессов усиления политико-управленческого контроля над главами регионов с параллельным расширением их прав в области формирования дизайна системы управления территориями наблюдалась в

---

²³⁸ См.: Вотченко И.А. Модернизация публичной власти в условиях проведения конституционной реформы 2020 года // Образование и право. 2021. № 8. С. 24-28.

региональной политике федерального центра с 2012 года²³⁹, но теперь приобрела системный характер. На имплементированные в законодательство правовые новеллы, усилившие инструменты «вертикальной» подотчетности глав регионов, накладываются отстроенные федеральным политическим менеджментом организационные механизмы формирования и функционирования кадрового корпуса глав субъектов РФ. Речь идёт о выборах «референдумного» типа, на которых, как правило, побеждает креатура федерального центра²⁴⁰, создании кадрового резерва для губернаторского корпуса, обучении, политтехнологическом и методическом сопровождении деятельности губернаторов «новой волны». Преимущественно «вертикальный» характер подотчетности глав регионов сочетается с легитимизацией выдвиженцев федерального центра на выборах, погружением их в проблемы территории в процессе избирательных кампаний и формированием инструментов отзывчивого реагирования на импульсы со стороны граждан через специально созданные институты (ЦУРЫ и другие).

В российских регионах применение федерального законодательства об организации публичной власти, а также сформированная на реновированной правовой основе её новая структурная композиция зависели от нескольких факторов. Наиболее значимыми из них выступали: (1) действующая на момент запуска изменений структура власти в регионе, в первую очередь, её исполнительной ветви; (2) наличие консенсуса между ключевыми группами интересов и политическими силами региона в части необходимых изменений в организации публичной власти в территории; (3) мотивы и взгляды на перспективу трансформации структуры региональной власти со стороны главы территории как доминирующего политического игрока. Наконец, учитывая зависимость глав регионов от политического менеджмента со стороны федерального центра, можно предположить, что осуществляемые изменения согласовывались на верхних уровнях политико-управленческой «вертикали».

В числе ключевых перемен, затронувших организацию публичной власти на региональном уровне, следует выделить: (1) унификацию наименования и статуса глав регионов; (2) преобразование структуры исполнительной власти территорий; (3) изменения в избирательных системах субъектов РФ.

Основным приоритетом уже осуществлённых и предполагаемых дальнейших изменений в организации публичной власти на региональном и местном уровне является закрепление системы вертикального политического и ресурсного контроля вышестоящих уровней власти над нижестоящими. Сформированная и предполагаемая к дальнейшему усовершенствованию политико-управленческая конструкция подкрепляет общенациональную экономическую и социальную политику, основанную на перераспределении

---

²³⁹ См.: Слатинов В.Б., Меркулова К.Г. Современный этап российской муниципальной реформы: содержание и ожидаемые эффекты // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 3. С. 37-45.

²⁴⁰ См.: Кынев А.В. Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации // Полития. 2019. № 2. С. 125-150.

ресурсов, аккумулируемых в федеральном центре, вниз по «вертикали» через «проектные» и «программные» инструменты. Сложившиеся тенденции в настоящий момент испытывают эффект усиления - в связи с переключением хозяйственной, социальной и общественной жизни страны в частично мобилизационный формат. Ключевыми проблемами в функционировании такого механизма являются умаление региональных и местных интересов, сложности при принятии решений об оптимальном распределении ресурсов, отчуждение граждан от процесса выработки и реализации государственной политики, искажение информации при превалировании «вертикального» политико-управленческого контроля.

Сморгунов Л.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ТРАНСВЕРСАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ И КОММУНИКАТИВНАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ

В современных условиях, когда сетевое пространство активно используется властью и гражданами как источник информации и коммуникации, онлайн пространство выступает мощным средством формирования условий и факторов особой формы легитимности власти – коммуникативной легитимности. В процессе сетевого общения возникают механизмы управляемой и неуправляемой убеждающей коммуникации для формирования коммуникативной легитимности власти. Важным свойством такой легитимации выступает политика трансверсальности, т.е. стратегия взаимосогласования и взаимопересечения социальных, культурных, поколенческих, территориальных и др. различий. Поэтому научно значимым является анализ подобных площадок, пабликов, локальных коллаборативных медиа, публичных платформ и телеграмм-каналов как сетевых дизайнов политической коммуникации с соотношением управляемых и неуправляемых механизмов. Важным является поиск такого сетевого механизма убеждающей коммуникации, который был бы направлен на формирование коммуникативной легитимности власти.

В политологии и социологии основное внимание уделяется коммуникативному аспекту в связи с разработанностью методов анализа коммуникационных сообщений с использованием контент-анализа, дискурс-анализа, феноменологического анализа и др. Коммуникативный подход внес определенный вклад в понимание сложности и неоднозначности как политической коммуникации в сетях, так и ее результатах, связанных с формированием политических ценностей, убеждений и установок. Эпистемологический уклон здесь связан с ролью сетевых каналов распространения информации, эпистемического убеждения и формирования знаний на основе логики рассуждений и вывода. Как правило, в этом ключе сформированы различные модели убеждающей коммуникации, стратегической коммуникации и др. В структурных тенденциях рассмотрения

сетевой политической коммуникации, весьма немногочисленных, изучению подвергается конструкция сетей как пространства политической коммуникации. В этом отношении убеждающая коммуникация строится скорее на аргументативных стратегиях, порождаемых такими характеристиками сетей, как сплоченность, ассортативность, модулярность, центральность (в различных ее смыслах и метриках). Именно эти характеристики сетевого пространства коммуникации обеспечивают ее трансверсальность.

Возникшая ситуация множественности интерпретируется как возможность трансверсальной коммуникации, которая создает пространство взаимодействий, лишённое прежних (капиталистических, либеральных, колониальных) практик дисциплинирования, доминирования, вытеснения, маргинализации. Феликс Гваттари впервые предложил данный термин в 1960-е гг. и дальше развивал его в направлении постмодернистской стратегии преодоления различий. В 1990-е гг. феминистское движение в Италии стало использовать понятие "пересечение различий", которое Нира Юваль-Дэвис стала использовать как «трансверсальная политика» в своей книге «Гендер и нация», опубликованной в 1997 году.

В этом смысле трансверсальная коммуникация характеризуется рядом характерных условий современной конструкции взаимодействия.

Прежде всего следует отметить *контекстуальность современных коммуникационных процессов*, которая динамична и порождает необходимость в постоянной мобильности содержания и формы его выражения, т.е. смыслы, значения и обоснования возникают и утверждаются в изменяющихся контекстах, они подвижны и привязаны к ним. Важным выступает *многомерность коммуникации*, которая предполагает различные области, сферы, уровни, темы, последовательность событий. Рядом в коммуникативном пространстве существуют информационные потоки, описывающие на первый взгляд значимые и незначимые факты, интерпретация которых в едином потоке создает созвучие и резонанс. *Манипулятивная множественность*, т.е. изменение позиций, мнений, суждений и верований на основе турбулентной текучести, детерриториализации положений создает возможность встраивания измененных верований и убеждений в стратегию поиска новых обоснований и построения единства картины мира. Проникновение официальной пропаганды в современное коммуникационное пространство породило феномен политической корректности. В этом отношении трансверсальная коммуникация противостоит последней посредством формирования условий *критической открытости*, основанной на принятии содержательных различий и поиске убежденности на основе множественности, а не тотальности. *Самореферентность* как способность участников коммуникации обосновывать суждения ссылками на собственный опыт и соотносить мир с внутренним убеждением обеспечивается возможностью многообразного сравнения с опытом равных других. Хотя голографический принцип, говорящий о том, что мир, состоящий из процессов и событий,

можно воспринимать только через представление, часто противопоставляется прагматическому повороту в когнитивной науке, утверждающей, что познание есть практика, тем не менее он может быть вписан в трансверсальную характеристику коммуникации, если понимать последнюю не как подготовку к прагматике действия, а в качестве самого практического действия. В этом смысле мир как отношение, представленное в информации, можно трактовать с антропологической позиции, когда объективность является лишь информационным условием отношения к миру, а не характеристикой мира. И, наконец, *институциональная открытость* выступает условием трансверсальной политики коммуникации, когда правила общения вырабатываются в его процессе.

Онтологической основой этих выводов считается феномен социотехнических систем власти, возникающих в процессе четвертой технологической (цифровой) революции. Прежние модели публичного управления базировались на концепциях власти, которые описывали ее как координацию взаимодействий, опирающейся на концентрацию легитимных механизмов (институтов) упорядочения социальных связей в руках государства и обеспечивающих порядок легитимным подчинением. Власть прежде формировалась на основе конституции, с которой были согласны по тем или иным основаниям все граждане. Современные подходы к власти включают в ее рассмотрение реляционные характеристики, которые связаны с текучим позиционированием участников взаимодействия в сетевом пространстве. В этом отношении форма власти является функцией связанности и коммуникации власти и граждан. Техника в лице базовых алгоритмов становится частью институциональной структуры, созданной людьми для реализации различных перформативных процедур (процедурной справедливости, например, при голосовании). Коммуникативная легитимность власти обеспечивается здесь устойчивым характером общения, при котором происходит выбор позиции для принятия решений. Ее основой выступает не нормативная определенность принятия власти как в целерациональной структуре господства, а готовность к обмену аргументами относительно возможного политического выбора. Институциональные структуры такой готовности сегодня вырабатываются в виде форумов, конференций, госпабликов и коммуникационных платформ.

Смотрицкая И.И. (Москва, Институт экономики РАН)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС РАЗВИТИЯ

Современный этап в развитии теоретического концепта государственного управления непосредственно связан с осознанием необходимости перехода к принципам коллективного или коллегиального управления на всех уровнях политической и экономической системы, диалогу

и сотрудничеству государственных и негосударственных субъектов, общественных организаций, представителей предпринимательского сектора и гражданского общества в процессе принятия решений.²⁴¹

В теории государственного управления термины, понятия и принципы новой концепции еще не устоялись и выступают предметами острых научных дискуссий. Однако уже сегодня можно говорить об общем тренде - речь идет о переходе к модели управления, предполагающей становление и развитие институтов, обеспечивающих принятие коллективных управленческих решений на основе участия широкого круга заинтересованных сторон (стейкхолдеров).²⁴²

Настоящий доклад дополняет ведущиеся научные дискуссии результатами исследования основного контура и принципов формирующейся новой модели публичного управления. В данном контексте термин «публичный» употребляется в значении «открытый», «организованный для общества». То есть понятие «публичная» характеризует данную модель управления как действующую с участием общества и в интересах общества.

Новизна представляемых в докладе результатов базируется на обобщении и анализе деятельности действующих публичных институтов в сфере государственного управления, основанных на принципах добровольности участия представителей гражданского общества.

Показано, что цифровизация процессов управления, новые цифровые институты и технологии взаимодействия с гражданским обществом создают дополнительные возможности для организации системы координации и сотрудничества всех заинтересованных сторон, в том числе, на этапе формирования стратегий экономической политики.²⁴³

В заключительной части исследования предложены концептуальные подходы к расширению понятия «государственное управление», включению в процесс управления новых субъектов для достижения компромисса и сбалансированности общественных интересов. В результате постепенного расширения участия институтов гражданского общества в процессе принятия управленческих решений, развития принципов «позитивного сотрудничества»²⁴⁴ сформируются предпосылки для ограничения возможности ошибочных решений и, как следствие, повышения эффективности государственного управления.

---

²⁴¹ Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021. № 1. С.52-72; Полтерович В.М. Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества // Terra Economicus. 2023. 21(3). С. 6–16.

²⁴² Смотрицкая И., Черных С. К развитию концепции публичного управления в России // Общество и экономика. 2021. № 11. С. 5-17; Смотрицкая И.И. Государственное управление: от адаптации к развитию // Общество и экономика. 2023. № 10. С. 5-18; Смотрицкая И.И. Государственное управление: на пути к диалогу и сотрудничеству? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 4 (61). С. 246–252.

²⁴³ Зотов В.В., Василенко Л.А. Цифровая трансформация публичного управления: единство сервисно-цифровых и социально-сетевых аспектов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 26–47; Смотрицкая И.И. Государственное управление: от адаптации к развитию // Общество и экономика. 2023. № 10. С. 5-18; Смотрицкая И.И. Государственное управление: на пути к диалогу и сотрудничеству? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 4 (61). С. 246–252.

²⁴⁴ Полтерович В.М. Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества // Terra Economicus. 2023. 21(3). С. 6–16.

Соколов А.В. (Ярославль, ЯрГУ)

СОЦИАЛЬНОЕ РЕЙТИНГОВАНИЕ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ²⁴⁵

Социальное рейтингование граждан — это относительно новое явление в мировой практике, которое может оказать значительное влияние на политическую жизнь как отдельно взятого государства, так и мирового сообщества в целом. При этом уже сейчас известны случаи и методики достаточно массового и масштабного внедрения социального рейтингования — социальный рейтинг в Китае (система социального кредита - система оценивает социальное поведение граждан на основе разнообразных критериев, включая проявление добропорядочности, выполнение обязательств, участие в общественных мероприятиях, при этом за нарушение определенных норм и правил могут назначаться штрафы, запрет на определенные действия и услуги, а также понижение рейтинга в целом). В других странах внедряются системы рейтингования в отдельных сферах и направлениях: в США действуют системы оценки участников преступной деятельности и залоговых программ; в Великобритании действует программа оценки потенциального риска коммуникации молодежи; в Канаде действует программа мониторинга и оценки безопасности водителей; в Германии запущены программы оценки уровня образования граждан.

В России социальное рейтингование граждан уже внедряется на уровне целого ряда учреждений и организаций: банков, предприятий электронной коммерции (Ozon), поставщиков услуг (Яндекс), государственных и муниципальных учреждений (поликлиники, школы).

Изначально рейтингование вводилось для оценки деятельности организаций, подразделений, а затем и отдельных сотрудников (через систему КРІ). Затем, постепенно, система различных рейтингов начала внедряться в политической сфере — стали разрабатываться различные рейтинги для оценки губернаторов, мэров, депутатов и т.д. Посредством рейтингов может происходить оценка качества работы государственных органов, а также выявление общественного мнения по различным вопросам и проблемам. Впоследствии аналитические отчеты, содержащие выводы и заключения различных рейтинговых организаций (например, «Медиалогии»), используются для оценки эффективности деятельности должностных лиц, для выработки рекомендаций и принятия решений в государственном управлении.

Рейтинговые системы предоставляют ценную информацию о тех аспектах государственной политики и управления, которые требуют внимания и улучшений. Социально-политическое рейтингование стимулирует диалог

---

²⁴⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан», <https://rscf.ru/project/24-28-00728>

между властью и гражданами, способствуя более эффективному решению проблем и созданию более тесных и глубоких связей между государством и обществом.

Цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности создала условия для внедрения методик оценки деятельности не только в рамках бизнес-процессов, но и самих граждан.

Социальное рейтингование может нести как положительные (определение порядка доступа к ограниченным ресурсам, обеспечение безопасности и т.д.), так и негативные (манипулирование, ограничение прав и свобод) последствия. Внедрение рейтинговых систем в социально-политическом аспекте также может содействовать лучшему пониманию потребностей населения со стороны правительства, что, в свою очередь, создает условия для более тесного взаимодействия между сторонами. В результате внедрение социально-политического рейтингования еще больше укрепит и легитимирует власть государства.

Однако, как и любая другая система оценки, социальное рейтингование граждан может содержать ошибки и искажения. Например, оно может не учитывать расхождения в социально-экономическом статусе и культурных нюансах между различными группами населения, особенно в полиэтнических государствах.

Кроме того, системы рейтингования могут быть подвержены манипуляции и влиянию со стороны политических партий, государства и других групп интересов, что может негативно влиять на демократичность политической системы, процессы адекватного согласования интересов различных групп интересов. Поэтому внедрение рейтинговых систем должно быть сопряжено с учетом ряда факторов, таких как объективность критериев, на основе которых проводится оценка, прозрачность и доступность информации, использование современных технологий и т.д. Только в этом случае рейтинговые системы смогут стать действительно эффективным инструментом для оценки общественного мнения и качества работы государственных органов.

Хотя системы социального рейтингования граждан находятся в разной степени развития в странах мира, они все чаще вызывают вопросы по поводу прав человека, конфиденциальности, равенства и защиты от дискриминации. В целом, будущее социального рейтингования граждан зависит от того, насколько успешно оно будет реализовано и использовано для улучшения качества жизни людей. Для этого важно учитывать и минимизировать негативные перспективы, связанные с этой системой.

При этом на данный момент не осуществлена должная рефлексия того:

- каким именно образом и кто может обеспечивать социальное рейтингование граждан;
- какие есть допустимые методики сбора и обработки данных для рейтингования;
- какие есть границы и ограничения для рейтингования;

- в какой степени процедура социального рейтингования и ее результаты должны быть открыты и доступны для гражданина и общества в целом;
- каким образом социальное рейтингование может включаться в основу функционирования государства и политической сферы в целом (то есть какие политические последствия могут из нее следовать).

Таким образом, на сегодняшний день мы можем наблюдать зарождение нового способа коммуникации и взаимодействия между государством и обществом, гражданами, коммерческими и некоммерческими организациями. Грамотность его реализации может определить степень адекватности выстраивания нового социально-политического устройства общества в эпоху всеобщей цифровизации.

Соколов А.Э. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ВЫБОРЫ ГЛАВЫ В КРУПНЫХ МУНИЦИПАЛИТЕТАХ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Мотивация – это основа любого рабочего процесса. Индивидуальный подход и разработка корректной и эффективной системы мотивирования сотрудников являются одними из важнейших задач в организации любых рабочих коллективов. Не только руководители, но и обычные работники должны осознавать концептуальную ценность своей работы и видеть цели и результаты, к которым должна приводить их деятельность. Если избрание должностного лица предшествуют прямые демократические выборы, он четче осознает свою ответственность перед непосредственными избирателями. Так как помимо бюрократической организации и выполнения своих рабочих задач, избранный «кандидат», мотивирован на глубокий анализ рабочих кейсов и поиск новых форм улучшения жизни своего муниципального образования.

Муниципалитеты составляют сложную и многоуровневую систему, призвана оптимально организовывать свою деятельность. Избрание главы муниципального образования может способствовать снижению уровня бюрократизации и повышению прозрачности при исполнении принятых на муниципальном уровне решений. Неслучайно именно горизонтальные формы организации рабочего процесса увеличивают эргономику и эффективность реализации поставленных задач. Если же посмотреть на это с другой стороны, основная проблема такого подхода заключается в нестабильности и снижении уровня контроля за качеством исполнения своих обязанностей выбранным главой муниципалитета. Таким образом, важно осознавать, насколько муниципальная власть автономна и при этом насколько регулируема ее деятельность в конкретном регионе.

Минусом избираемости главы крупного муниципалитета можно считать отсутствие готовности избирателей брать на себя ответственность за принятие политических решений и включаться в жизнь своего муниципалитета в целом.

Игнорировать данную проблему нельзя, ведь главный вопрос для современной политической культуры муниципального самоуправления – насколько граждане заинтересованы в активном участии в жизни своего региона? Не всегда для рядового гражданина очевидна прямая корреляция между качеством жизни в регионе и возможностью выбрать главу муниципального образования. Это связано с развитием политической осознанности населения в целом. Теоретически, обыкновенный житель крупного города осведомлен о том, что он самолично может повлиять, например, на решение проблемы логистики в его районе, но возникнет ли у него желание погрузиться в изучение предвыборных тезисов потенциальных кандидатов, в качестве первичной вариации решения своей проблемы?

Политически активные граждане, в отличие от основной мало заинтересованной массы населения, всегда будут отстаивать свое видение развития своего населенного пункта. Однозначно важным для любого человека представляется именно качество пространства, в котором он живет, и желание сделать свой быт более комфортным. С точки зрения корректности формулирования запросов в муниципальные органы власти, именно местные жители конкретной местности располагают наибольшими сведениями о проблемах своих регионов. Отличие назначенного управленца от выборного состоит не только в его связи с жителями выбранной области, но и в связи самих с жителями с ним. Согласованность деятельности главы региона с выбором напрямую влияет на доверие к данному должностному лицу. И если избиратели будут чувствовать свой вклад в развитие своего региона хотя бы на уровне наличия у них права избрать своего представителя, то и с таким представителем они будут более замотивированы к сотрудничеству.

Хотя говорить о единой системе назначения глав муниципальных образований для всех крупных регионов РФ (в первую очередь наибольших по численности населения) в целом не совсем корректно. Уникальность опыта отдельных территорий Российской Федерации приводит к кардинальным различиям в подходах к исполнению там политических обязанностей органами власти. Исключить возможность оставить в некоторых регионах систему назначения глав муниципалитетов, а где-то обратиться к прямым выборам ни в коем случае нельзя.

Соколов Н.Н. (Москва, независимый исследователь)

К ДИСКУССИИ ОБ ЭЛИТОГЕНЕЗЕ В ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Качественные и количественные характеристики российской элиты как актора социально-политической модернизации остаются в центре внимания политологов и специалистов по публичному управлению. Отдельному

изучению подвергаются особенности функционирования политико-административной элиты в органах исполнительной власти²⁴⁶.

Обобщая результаты ряда предыдущих исследований²⁴⁷, можно сформулировать ряд проблемных моментов в исследуемом вопросе.

- Состояние элиты по признакам национальной ориентированности, готовности служить Отчеству до настоящего времени вызывает вопросы, доказательством чему стало бегство части элит после начала СВО.

- Отсутствие выраженной стратегии и тактики кадровой политики в области рекрутирования политико-административной элиты, которые бы отвечали реалиям глобальных вызовов и рисков, с которым столкнулась наша страна.

- Короткая «скамейка запасных» для быстрого назначения на руководящие позиции, что обуславливает ротацию «старых» элит, сформировавшихся в иных общественно-политических условиях, а также необходимость спонтанной подготовки новых кадров в рамках различных кадровых проектов («школа губернаторов», «школа мэров»).

Ряд экспертов полагают, что в настоящее время уже нащупаны и апробируются модели эффективных каналов рекрутирования и обучения национальной элиты²⁴⁸. Аргументов в пользу такого утверждения служит общее повышение образовательного уровня нового поколения управленцев, значительная доля которых обладают несколькими высшими образованиями, учеными степенями, являются выпускниками конкурентоспособных управленческих программ. Также эти кадры имеют опыт профессиональной и руководящей работы в России, как в госсекторе, так и в бизнесе.

Сохраняется актуальность и дискуссии о соотношении меритократии и демократии. Согласно одной точке зрения, элита представляет собой социальное явление в масштабах сравнительно узкого, немногочисленного круга лучших в профессиональном, личностном и нравственном отношениях. Другая точка зрения состоит в том, что все люди потенциально равны в своих дарованиях и поэтому постоянной элиты быть не может, а квалификационный отбор должен осуществляться ситуативно.

Промежуточная позиция состоит в том, что система государственного управления в стране состоит из конкурирующих кланов, которые, с одной стороны, представляют меньшинство населения, а с другой – не прошли никакого отбора и не превосходят средний уровень своими деловыми и

---

²⁴⁶ Борщевский Г.А. Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России // *Полития*. 2018. № 1. С. 82-99.

²⁴⁷ Конопкина Д.А. Система рекрутирования политической элиты в России в контексте задач модернизации / Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/2014/01/2014-01-08.pdf> (дата обращения: 12.02.2024); Покатов Д.В. Рекрутирование современной Российской политической элиты как ротации политической и административно-корпоративной элитных групп / Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekrutirovanie-sovremennoy-rossiyskoy-politicheskoy-elity-kak-rotatsiya-politicheskoy-i-administrativno-korporativnoy-elitnyh-grupp/viewer> (дата обращения: 12.02.2024);

²⁴⁸ См.: Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Послесловие рецензентов к статье Тонких А.П. «Исторические закономерности последствий длительного пребывания у власти первых лиц государства» / *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2022. Т. 12. № 1. С. 286-299.

нравственными качествами. Эта элита стихийно возникла в прошлом и сохраняет свое монопольное положение, передавая ресурсы по наследству.

Описанная ситуация подсказывает, как минимум, три модели этногенеза.

1. Формирование принципиально военой элиты из молодых поколений, вступающих в активную фазу трудовой деятельности.
2. Опирается на старую элиту, сформированную в прежние годы.
3. Комбинация предыдущих путей рекрутирования.

Автору представляется, что превалирующей на деле станет третья модель, что определить сочетание старых и новых принципов кадровой политики и потенциально может привести со временем к внутриэлитным конфликтам и более широкой гражданской напряженности.

Нынешняя старая элита была встроена в систему ценностей Запада, новая элита состоит из национально ориентированных пассионариев. Они идут во власть и управление, зная, что им априори закрыт доступ к западным активам, и осознанно принимают на себя ответственность за развитие страны.

Проблема видится в том, что разрыв с западными ценностями не произошел окончательно, пока сохраняет позиции часть старой элиты. Кроме того, разрыв с западными ценностями не влечет автоматического формирования альтернативных по отношению к ним суверенных ценностей, которые пока не сформированы. От того, насколько затянется этот процесс, зависит, по нашему мнению, длительность нового этапа элитогенеза в России.

Соловьев А.И. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)
**МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА**

Нынешние геополитические события и конфликты имеют не только международные, но и системные последствия для внутривластных процессов и форм организации власти. Однако трансформация политических порядков российского общества обладает двояким характером.

С одной стороны, идейно-политические инвективы и приоритеты правящей элиты трансформируют институциональный дизайн, интенсивно перестраивающий свою нормативистику, укореняя определенные традиции и новые стандарты организации массового дискурса, а отчасти обновляя даже функционал управленческих структур (в ряде случаев возвращаясь к отдельным контрольно-политическим механизмам советского типа). В то же время, с другой стороны, общество демонстрирует иной темп усвоения политических целей и сопутствующих им морально-этических максим, укоренения идейного материала. Иначе говоря, общество движется в своем социальном темпе, дифференцированно реагируя на предлагаемые инвективы и сохраняя разрозненный мобилизационный потенциал своих групп и слоев.

Основной причиной такого стиля восприятия нового является сложившееся в социуме разнообразие социокультурных и политико-культурных стандартов и приоритетов. Коротко говоря, субкультурная природа общества является контекстуальным фактором, фоном и одновременно регулятором встраивания (в интервале от органического восприятия до отторжения) в среду обыденной жизнедеятельности российского населения предлагаемых ценностей, установок и требований. В конечном счете, именно культурная селекция официальных норм и представлений формирует характер их распространения, а, следовательно, и реально складывающийся уровень доверия, степень солидарности и сплоченности общества.

Данное положение свидетельствует о наличии неизбежной внутренней резистенции общества (не говоря о ее масштабе и характере) по отношению к популяризируемым государством идеям, целям и принципам. Учитывая весьма принципиальный характер предлагаемого разворота вектора общественного развития, можно (при сохранении весьма существенных условностей) вспомнить, насколько непростым оказалась для властей попытка внедрения коммунистических идей в послереволюционной России (не избежавшая прямого использования инструментов силового принуждения).

В настоящее же время сложно организованное информационное общество, демонстрируя устойчивость культурных приоритетов, сформированных на иной идейно-политической основе, также сохраняет определенную конфликтную ситуацию относительно восприятия предлагаемых целей и ценностей. С учетом когнитивного заглупления различного рода ценностных ориентиров, немало аналитиков говорит об экзистенциальных конфликтах и войнах, распространяющихся на всю сферу человеческой жизнедеятельности, не только на политическую, но и на профанную культуру.

На фоне диссиминации ценностно-ориентационных и поведенческих паттернов особое значение обретают конфликты, связанные с молодежными субкультурами, отражающими специфическую коллаборацию общесоциальных параметров жизни молодых людей (включающих особенности их различных поколений) с возрастными характеристиками освоения общественных норм и проектирования ими своих жизненных планов. Коротко говоря, молодежь является носителем особых механизмов накопления, переработки и выражения своей интеллектуальной и социальной энергетикой. Стоит подчеркнуть и то, что различные молодежные сообщества не только находятся в стадии активного поиска своих жизненных ориентиров и принципов (в силу чего они крайне восприимчивы ко всему новому), но и склонны к различным социокультурным экспериментам (обладающих не только умозрительным характером).

Помимо возрастных причин такого положения, определяющих внутренний коридор их социализации и поиска идентификационных моделей, существенным значением обладают и массовые инфопотоки, сохраняющие базовые установки на разнообразие и множественность устремлений, поиск и

усвоение нового жизненного материала. При этом в значительной степени такая социально пестрая инфосреда сохраняет смысловые контакты с идеями плюрализма и демократии, их противостояния авторитарным практикам.

Как показал опыт, основными рисками и даже угрозами культурным предпочтениям молодежи является ущемление базовых приоритетов их социокультурного этоса – идеалов свободы и прав человека. Таким образом, отклонение официального мейнстрима от этого идеологического основания, как и усиление политико-административного и информационного контроля в обществе, способны провоцировать повышение уровня внутреннего оспаривания предлагаемых ценностей и идей.

При этом немало представителей более старших возрастных категорий молодежи рассматривают создавшиеся конфликты в культурном поле как некие травмы своей, пусть и недавно сформированной, но тем не менее уже исторической памяти. Основным источником таких травматических чувств и представлений является несовпадение идентификационных моделей с идентификационными образами отдельных событий и планов. В качестве причины такой ситуации эти молодые люди рассматривают не постепенное изменение своих взглядов и убеждений, а резкую трансформацию внешней социально-политической среды. При этом нынешнее состояние средовых условий не позволяет им применять эффективные механизмы (в частности, инструменты публичного «проговаривания» (Де ЛаКапра) компенсации разрушительных последствий травмы для их ценностных приоритетов. Наличие же лишь внутренних, партикулярных способов соотнесения травмы со своим личным мироощущением сохраняет ее «сращиванию» с их жизненным контекстом.

Так или иначе, но обозначенные внутренние конфликты в молодежных субкультурах не просто увеличивают резистентность по отношению к предлагаемым государством идеям и представлениям, но и тиражируют в социальном пространстве настроения апатии, меланхолии и социальной безысходности. Таким государство, заинтересованное в использовании социального и интеллектуального капитала молодежи, должно с уважением и ответственностью относиться к особенностям поиска молодыми людьми своих идентификационных моделей.

Сухонина Н. А. (Ярославль, ЯрГУ)

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКИМИ СМИ КОНФЛИКТА В ПРИДНЕСТРОВЬЕ В 2022-2023 ГГ.

Конфликт в Приднестровье, отделившемся от Молдовы регионе, является давней проблемой с комплексными политическими, историческими и социальными аспектами. Способ, которым этот конфликт представлен в СМИ, может иметь значительные последствия для общественного мнения, принятия политических решений и международных отношений. СМИ являются ключевым каналом распространения информации и влияют на

восприятие событий, формирование повестки дня, интерпретацию происходящего, а также на формирование убеждений и ценностей в обществе.

С началом специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года конфликт в Приднестровье стал одним из ключевых тем для российских СМИ. Российские СМИ активно освещали события, происходящие в регионе, и анализировали их в контексте украинского кризиса. Для анализа основных направлений и особенностей дискурса в репрезентации конфликта в Приднестровье было проведено исследование российских онлайн-СМИ. Исследование было сосредоточено на выявлении доминирующих повествований, источников информации и базовых идеологий, формирующих освещение конфликта.

Конфликт в Приднестровье берет свое начало в начале 1990-х годов, когда регион объявил о своей независимости от Молдовы, что привело к длительному противостоянию с периодическими насилием и дипломатическими усилиями по разрешению ситуации. Политическое урегулирование молдавско-приднестровского конфликта было достигнуто в ходе интенсивных переговоров при активном участии Российской Федерации в конце июля 1992 года. Однако правовой и политический статус Приднестровья так и остался не зафиксирован. Для обеспечения безопасности региона в Приднестровскую Молдавскую Республику были введены российские миротворцы.

Отношения между Молдовой и Приднестровьем после установления мира остались напряженными из-за отказа Молдовы учитывать интересы Приднестровья. Предложенные планы урегулирования конфликта, такие как Московский меморандум, план Примакова, проект Дмитрия Козака и украинский план Ющенко, были отвергнуты Молдовой. Длительное время конфликт был заморожен.

В связи с развитием ситуации на Украине российские СМИ обращали внимание на возможное влияние конфликта на статус Приднестровья. В частности, эксперты и политики высказывали мнения о возможности усиления сепаратистских настроений в регионе под воздействием украинского кризиса.

Важно отметить, что многие публикации, касающиеся данного региона, сопровождаются анализом российско-молдавских отношений. Молдавию обвиняют в «антироссийской истерии» и провокации дестабилизации в регионе. Для аргументации активно используются заявления высокопоставленных лиц, в частности экс-президента Молдовы Игоря Додона. Высказывается недовольство по поводу отсутствия учета позиции Приднестровья и неисполнения соглашений со стороны Молдовы, проводятся параллели между политическими процессами на Украине в 2024 году и поведением молдавским руководителей, которые провоцируют конфронтацию с Россией.

Предварительные результаты указывают на то, что освещение конфликта в Приднестровье в российских СМИ характеризуется сильной пророссийской позицией, с акцентом на исторические связи между Россией и

регионом. Представление властей Приднестровья как защитников интересов России и жертв молдавской агрессии - общая тема в медийных отчетах.

В заключение, данная статья подчеркивает необходимость критического анализа репрезентации российскими СМИ конфликта в Приднестровье. Изучая доминирующие повествования, предвзятости и техники кадрирования, используемые медийными ресурсами, мы можем лучше понять влияние медиа на общественное мнение и принятие политических решений.

Тимофеева Л.Н. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАТИВНОСТИ В МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Наиболее устойчивыми тенденциями развития современной политической науки являются интегративность, междисциплинарность, политеоретическое объяснение изучаемого предмета. Методология представляет сегодня тип междисциплинарного дискурса.

Произошло это потому, что глобализация и революция средств информации и коммуникации во второй половине XX века разительно ускорили обменные процессы в обществе, способствовали развитию толерантности и социального партнерства. В научной сфере это привело к тому, что когнитивная практика стала отличаться все большим синтезом, стремлением к разрушению междисциплинарных границ и смешению предметных дискурсов. Это проявилось в возникновении ряда общенаучных методологий таких как системный, комплексный, синергетический подходы, т.е. *когнитивная практика поменяла акцент с индивидуального способа аккумуляции знаний на коллективный или полидискурсный, предполагающий знание как результат обмена интеллектуальными ресурсами, как результат межличностной и междисциплинарной коммуникации.* Я бы назвала его возвращением к диалогам Платона (от Платона к Платону штрих).

Среди научных парадигм исследований в социально-политических науках все большую популярность у нас и на Западе приобретает теория дискурса, которая рассматривает политическую реальность как сложное коммуникативное явление, включающее в себя характеристики участников коммуникации, социальный контекст, в который они вписаны, а также процессы производства и восприятия сообщения.

Сегодня активно утвердилось третье поколение (направление) теории дискурса, которое в отличие от двух первых, занимающийся дискурсом на уровне лингвистики и семиотики, представляет собой направление социального конструкционизма. Социально-конструкционистская теория дискурса имеет разновидности: теория политического дискурса Э. Лакло и Ш.Муфф, теория критического дискурса Н. Фэрклоу и дискурсивная психология Д. Поттер.

Ближе к марксистке точке зрения стоит критический дискурс-анализ (КДА) Нормана Фэрклоу. Объективная социальная реальность в КДА

рассматривается как структура, влияющая на практику дискурса. Дискурс является следствием социальной практики, которая глубоко внедрена в их жизнь и сориентирована на реальные, материальные социальные структуры. Кроме того, Фэрклоу включает в свой анализ лингвистические исследования. Структура дискурса троична: он есть одновременно и социальная практика, и форма языка, применяемого в определенной области, и механизм для обозначения элементов жизненного опыта.

Моя позиция заключается в преодолении встречающегося жесткого редукционизма к релятивизму и идеализму в социально-конструкционистской теории дискурса и в комбинировании диалектического (конфликтного) и дискурсивного или деятельностного и лингвистического подходов, что позволяет анализировать и политическую практику, прежде всего социальные, экономические и политические интересы субъектов политики, и производство ими политических знаков и символов. С помощью этого подхода можно сравнивать слово и дело политических субъектов и определить в каком направлении развивается политическая система России.

Мной предложен метод «конфликтно-дискурсивный анализа», который позволяет наиболее аутентично исследовать отношения власти и оппозиции. В нем объединена конфликтологическая парадигма исследования с дискурсивной. В отличие от существующих широких и узких дискурсивных подходов, когда-либо описывается все, что относится к концепту, либо анализируется только текст, этот метод позволяет сфокусировать свое внимание, собственно, на конфликте и дискурсе его участников. Анализируются корни конфликта, его субъекты и их дискурс, само конфликтное взаимодействие, процесс управления конфликтом. Техника этого анализа такова: на конфликтологический анализ накладывается анализ дискурсов власти и оппозиции и в результате сопоставлений реальных действий и текстов определяется тип конфликта, возникающий между ними, динамика конфликтности в обществе, намечается стратегия и тактика ее регулирования. Проведенный мной конфликтно-дискурсивный анализ отношений власти и оппозиции в России дал следующие результаты. Дискурс М.С. Горбачева: больше социализма, больше демократии. Реальная политика: снижение уровня жизни на фоне общей либерализации отношений. Распад СССР и мировой системы социализма. Дискурс оппозиции: предательство интересов социализма, медлительность и непоследовательность в проведении реформ, предательство интересов русского народа. Типы конфликтов: конфликт ценностей, конфликт самоидентификации, социально-экономический конфликт. Дискурс Б.Н. Ельцина после 1993 г.: «Общественный мир и согласие». Реальная политика: разделение страны во время выборов 1996 г на старшее поколение с «темным коммунистическим прошлым» и молодое – со «светлым капиталистическим будущим». Снижение уровня жизни и безопасности жизни, увеличение разницы между богатыми и бедными. Дискурс оппозиции: олигархизация власти, разворовывание народной собственности, геноцид русского народа. Типы конфликтов: социально-экономический конфликт, конфликт самоидентификации,

конфликт ценностей. Дискурс В.В. Путина 2000-2005 гг.: сильное и ответственное государство. Реальная политика: усиление вертикали власти и одновременно снятие нагрузки с государства (монетизация льгот, реформа ЖКХ, образования и медицинского обслуживания), разрыв между ценами и реальными зарплатами. Дискурс оппозиции: антисоциальное государство, полицейское государство, сырьевой придаток США. Типы конфликтов: социально-экономический, конфликт ценностей, конфликт самоидентификации.

Тимофеева Л.Н. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ПАЦИФИЗМ, РАЗОРУЖЕНИЕ, ПОЛИТИКА СДЕРЖИВАНИЯ ИЛИ ЧТО ДУМАЮТ СТУДЕНТЫ О 9 МАЯ

Согласно исследованию, проведенному в 2017 году Центром социологии студенчества Агентства студенческих коммуникаций «Кампус» и экспертами НИУ ВШЭ среди молодых россиян, этот день большинство молодежи воспринимает как день памяти соотечественников, погибших в Великой Отечественной войне, и великий день в истории нашей страны. Лишь 6% студентов разделяют мнение, что День Победы — это неактуальный для молодежи праздник. Еще 4% назвали 9 Мая «еще одним выходным»²⁴⁹.

Хотим мы этого или не хотим, но чем дальше эта знаменательная дата в истории и чем больше поколений сменяется, тем менее очевидными и даже противоречивыми для молодежи становятся некоторые нюансы этого дня. К примеру, мой опрос 30 студентов политологов бакалавриата в РАНХиГС в декабре 2019 г. показал, что несмотря на то, что все они утвердительно ответили на вопрос о том, надо ли отмечать День победы, тем не менее, аргументация была не столь однозначной. Приведу вначале некоторые ответы на вопрос «Надо ли отмечать День победы и почему?», иллюстрирующие общий консенсус. Отмечать День Победы надо потому что: «это историческая память»; «надо знать правду о войне»; «это один из самых важных дней в истории нашей страны и он не должен оставаться незамеченным»; «мы должны отдать дань памяти тем, кто одержал эту победу»; «нужно, чтобы молодое поколение вспомнило своих предков и увидело, через что им пришлось пройти, чтобы победить в этой ужасной войне»; «эта наша победа служит уроком для всех стран мира, пониманием того, какой ущерб она приносит народам»; «если будем забывать эту страшную войну, то она может повториться в еще больших масштабах и унесет еще больше жизней»; «этот день сплачивает наш многонациональный народ, ведь сегодня растут националистические настроения, которые разъединяют нас, ведут к

---

²⁴⁹ См.: Социологи выяснили, что на самом деле думает молодежь о Дне Победы <https://udav102.livejournal.com/1796656.html> (Дата обращения 12 января 2020 г.)

сепаратизму»; «это день гордости за нашу страну, за наших бабушек и дедушек, которые выстояли и победили в этой страшной войне» и т.д.

Вместе с тем часть ответов на этот вопрос были связаны с демонстрацией военной мощи нашей страны: «Я считаю, что не нужно отмечать день какой-то одной победы (в данном случае ВОВ). Нужен праздник всех воинов, воевавших за Россию: Афганистан, Чечня и т.д. И помнить не только о победах, но и о поражениях»; «это день выражения силы и мощи нашего государства»; «День победы дает возможность продемонстрировать передовые образцы вооружения всему миру»; «это день демонстрации нашей военной мощи, чтобы не посмели к нам прийти вновь»

...

По мнению же ряда других студентов этого как раз делать не надо. И после опроса среди них завязался спор на этот счет. В ответах и выступлениях звучали ноты пацифизма против милитаризации праздника: «Отмечать День Победы нужно, но сделать из него надо День памяти и скорби. Никаких парадов, маршей, салютов. На основе этих действий происходит милитаризация сознания общества, что прямо противоречит лозунгу «Не повторить и не допустить войны!». Люди начинают забывать, что павшие погибали за мир, а не за девиз «Можем повторить!»; «Я против романтизации войны. Это когда к празднику детей одевают в военную форму в честь Дня Победы. Дети не должны думать, что война – это маскарад. Пусть День победы отмечают серьезно, пусть читают лекции на тему войны, а не отмечают его за столом» «Это должен быть День памяти и скорби, как напоминание о ее жертвах. Пусть помнят, что из-за недооценки противника и переоценки собственных сил и произошла война»; «В этот день не нужны парады, которые только способствуют разжиганию воинственных настроений среди народа. Может быть, стоит провести его как день молчания и памяти, а не как праздник»; «В этот день молодежь должна общаться с ветеранами и помогать им, налаживать с ними долговременные контакты для дальнейшей помощи и общения. День победы не должен быть днем милитаризации и брендом с милитаристскими цитатами на автомобилях и детских колясках в виде танков, как это происходит сейчас. Если отмечать День победы, то только как день памяти, благодарности и осознания ужасов войны и понятия жертвы»; «Не нужно превращать этот светлый день в демонстрацию оружия и армии»; «Нужно отмечать День победы, но делать акцент на мире и на том, как ужасна война, а не демонстрировать военную технику, которая есть в стране. Мы сегодня наблюдаем милитаризацию нашей культуры, которая сопровождается лозунгом «Можем повторить!». На мой взгляд, этот день совсем не об этом, из него должна быть исключена воинственность, ибо она рождает культуру воинственного патриотизма в России, а мы должны думать о том, чтобы это не повторилось в истории человечества».

Из 13 первокурсников набора 2023 года двое высказались против празднования, назвав 9 мая днем скорби.

Но вопрос, как мне кажется, заключается в другом. Наше непростое время некоторые эксперты называют преддверием третьей мировой войной,

или консциентальной войной (войной с сознанием), которая является психологической по форме, цивилизационной по содержанию и информационной по средствам. В ней объектом разрушения и преобразования являются ценностные установки народонаселения противника, в результате чего одни жизненные цели - высокие заменяются более низкими, приземленными, причём достижение заменяющих целей воспринимается человеком как его благо. Но тут ситуация хоть и похожая, но, как мне кажется, потоньше и посложнее. Сталкивается пара из двух ценностных подходов: пацифизм-милитаризм, как это уже было после первой мировой войны.

Дело в том, что пацифизм (от лат. *pacificus* - миротворческий, от *рах* - мир и *facio* - делаю) это идеология сопротивления насилию ради его исчезновения, которая нацелена против всяких войн, не деля их на справедливые и несправедливые. И, действительно, кто же не знает, что мир лучше войны, что даже «плохой мир лучше хорошей войны». Одновременно – кому неизвестна милитарная по сути поговорка, пришедшая из древности: «хочешь мира – готовься к войне»?

С одной стороны, мы вновь, как и в стародавние времена, сталкиваемся с парадоксом пацифизма, который имеет как позитивные, так и негативные стороны. Все зависит от конкретного исторического момента и его осознания. В студенчестве на журфаке мы зачитывались романом Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» и другими его книгами о первой мировой войне – жестокой, никому не нужной, кроме тех, кто извлекал из нее прибыль. Писатель сам участвовал в ней. Получил пять ранений, чудом остался жив. Его книга вышла в 1929 году. Наглотавшись ужасов сражений, он стал пацифистом и активным пропагандистом этого движения и эмигрировал из Германии в Америку. Его сестра осталась на родине, была сторонницей антифашистского движения и в 1943 году, как говорят, за неосторожное высказывание, ей отрубили голову на гильотине, а счет за услуги палача, 127 рейхсмарок и 18 пфеннигов, выслали автору «Триумфальной арки», ее брату - пацифисту. Трудно представить себе, что в момент получения циничного приветов из фашистской Германии Ремарк оставался пацифистом. Наверное, в его голове возникала мысль о том, что кто-то должен сломать шею гитлеризму, в том числе и в отместку за смерть его младшей сестры. Но эти кто-то, не пацифисты и не «непротивленцы» с философией «ударь меня по левой щеке, а я подставлю правую», а те, кто взял в руки оружие и ценой своей жизни остановил фашизм в его логове.

Неслучайно в советское время на вопрос: «Кто такой пацифист?» большинство людей, осведомленных о том, как действовала часть из них во времена прихода гитлеровцев во Францию и ряд других европейских стран, превратившись в коллаборационистов, сотрудничавших с режимом оккупантов, ответило бы жестко: «Предатель». В фильме «Семнадцать мгновений весны» известным пацифистом выступал пастор Шлаг, великолепно сыгранный Ростиславом Пляттом. Мало кто знает, что у него был действительный прототип – пастор-пацифист, который потом превратился в активного борца с фашизмом. Можно бороться против войны мирными

средствами только в том случае, когда она носит гипотетический характер, а когда она стоит в полном смысле на пороге дома – надо как пастор Шлаг, становиться на лыжи и - вперед, на действенную борьбу с фашизмом. Но к этому надо быть готовым и морально, и физически.

А теперь о милитаризме. Термин происходит от латинского «*militaris*»- «военный» и означает постановку экономики и идеологии страны на военные рельсы. Когда деньги, ресурсы, силы страны тратятся на то, чтобы получить военное превосходство над противником. Когда милитаристы убеждают, что отстаивают гарантии мира, пацифисты четко осознают, что «мир после войны» перекраивается исключительно по желанию милитаристов.

Так кто же прав? И о милитаризме ли идет речь, когда после кровопролитной войны с неприятелем, превосходящим его в силе и технике, и многомиллионных жертв, страна-победитель демонстрирует сегодня свою силу в качестве предупреждения?

В статье, опубликованной в журнале «Форбс» в 2017 г. «Необязательная война: пацифисты стали главными разжигателями Второй мировой?» мне довелось прочитать оригинальное суждение: «Главный парадокс Второй мировой войны кроется в причинах ее начала: такое кровопролитие было не в меньшей степени вызвано миротворческими намерениями, чем военными амбициями. В этом же заключается и важнейший урок, который человечеству следует для себя вынести»²⁵⁰. В статье приводятся интересные доводы. Вся ирония ситуации заключалась именно в том, что война во многом была начата из-за пацифистских идей, а закончена благодаря атомной бомбе - самому разрушительному оружию в мире, разработанному убежденным пацифистом Альбертом Эйнштейном.

На протяжении, как минимум, двух столетий в западном мире сосуществовали два совершенно противоположных видения относительно вопросов войны и мира. Согласно одному из них, мира можно достичь лишь при помощи всеобщего разоружения и пути компромиссов в международных конфликтах. К примеру, в Соединенных Штатах пацифизм перед войной процветал повсеместно. Общее количество действующих военнослужащих США в начале 1930-х годов сократилось. В 1934 году военный бюджет страны был снижен в два раза - в пользу проведения социальной политики в рамках «Нового курса» Рузвельта. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен стал символом этой точки зрения в своей стране. Когда же началась война, западные демократические страны обнаружили, что они были совершенно к ней не готовы.

Согласно противоположной точке зрения, мир является результатом устрашения и сдерживания соперника. Уинстон Черчилль был приверженцем этой позиции, но в 1930-х годах он был лишь рядовым членом британского парламента, поэтому его голос так и не был услышан. Как известно, политика сдерживания как геополитическая теория была разработана американским

---

²⁵⁰ См.: «Необязательная» война: пацифисты стали главными разжигателями Второй мировой? От 27 сентября 2017 г. - <https://news.rambler.ru/other/38016516-neobyazatel'naya-voyna-patsifisty-stali-glavnymi-razzhigatelyami-vtoroy-mirovoy/?updated> (Дата обращения 10 января 2024 г.)

дипломатом Джорджем Кеннаном в 1940-х. Теория сдерживания неразрывно связана с концепцией взаимно-гарантированного уничтожения, которая обеспечивает поддержание мира на основе неизбежности тотального возмездия противника в случае нанесения по нему первого удара. Эта теория легла в основу советско-американских отношений и мировой политики как таковой во второй половине XX века. Основные положения теории сдерживания продолжают сохранять свою актуальность и в XXI веке, поскольку ядерное оружие до сих пор играет значительную роль в мировой политике, и военные доктрины России и США во многом основаны на использовании его как «фактора сдерживания». Во всяком случае пока мы живем без мировой войны.

И в заключение. Ремарку принадлежит высказывание: «Если не смеяться над двадцатым веком, то надо застрелиться. Но долго смеяться над ним нельзя - скорее взвоешь от горя». В этом парадокс пацифизма-милитаризма и главный урок, который может вынести для себя уже молодое поколение. Мир - это хорошо, но за него надо бороться и, оказывается, порой, с помощью оружия и политики сдерживания... И про это, в частности, обрушившийся на наших глазах Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) и про это - военный парад в День победы на Красной площади... Есть над чем подумать.

Тимошенко В.И. (Москва, ИОН РАНХиГС)

КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПЛАТФОРМ КАНДИДАТОВ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА РФ В 2024 Г. В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ

При решении политологической задачи изучения содержания предвыборных платформ и программ важно определиться с методом данного исследования. В этой связи мы избираем ориентир на качественные методы анализа. Во-первых, потому что, как свидетельствует исследовательская практика, в политологии, социологии и ряде других общественных и гуманитарных наук существуют и используются два основных вида анализа документов: качественный (традиционный) анализ и формализованный анализ, носящий название контент-анализа. И во-вторых, потому что качественный анализ приобретает особое, самостоятельное значение при изучении уникальных документов²⁵¹.

В самом деле, предвыборные платформы и программы — это, как правило, уникальные, многослойные, сложно структурированные документы. Их содержание изложено «естественным», нормативным, ёмким по смыслу и часто образным политическим языком. И конечно, многое из образов,

---

²⁵¹ Кравченко С. А., Мнацаканян М.О., Покровский Н. Е. Социология: парадигмы и темы. Курс лекций. М.: МГИМО-Университет. 1997. С.27; 395–396.

символов, оценок, транскриптов языка в данных документах никак не поддаются формализации и количественным преобразованиям контент-анализа. Контент-анализ становится неэффективным.

Нацеленный на постижение сути, смыслов, или качества, как сущностной определённости политического текста, качественный анализ уже на этапе формирования исследовательского подхода опирается, по справедливой оценке специалистов, на междисциплинарный контекст²⁵². В нашем случае, в условиях современного постпозитивистского методологического этапа и утверждения в политической науке идейно-ценностного плюрализма, обуславливающего осознанное и единовременное использования различных методологических подходов²⁵³, когда учёный волен выбирать любой метод или любую комбинацию каких угодно инструментов для своего исследования²⁵⁴, мы формируем и вводим в действие структурно-ценностный метод качественного анализа предвыборных программных документов.

Причём, наши построения также носят междисциплинарный характер. В самом деле, если мы ставим своей целью постичь содержание и смыслы предвыборных платформ и программ, которые являются концентрированным выражением идеалов, целей и задач партий или других субъектов выборов, то мы неизбежно встаём на путь следования герменевтической методологии, причём, на путь следования одному из её базисных принципов – принципу обеспечения понимания и интерпретации сложных по смыслу документов. Механизм работы данного принципа представлен, к примеру, в работе крупного немецкого философа Ханса-Георга Гадамера, который, ссылаясь на позиции Мартина Хайдегера, определяет этот механизм как герменевтический круг, выражающий постоянную задачу понимания²⁵⁵.

Вторая наша опорная методологическая дисциплина в построении структурно-ценностного метода качественного анализа предвыборных платформ и программ – это теория структурализма в воззрениях Клода Леви-Строса, Пьера Бурдьё и Энтони Гидденса применительно к когнитивной (познавательной) деятельности человеческого ума. В контексте их позиций мы оцениваем обнаруженную нами структурную схожесть предвыборных программ как результат работы коллективного политического ума по поиску оптимального варианта упорядочения поступающего извне эмпирического социально-политического материала, и как то, что предвыборные платформы и программы – это, в первую очередь, символические матрицы политических

---

²⁵² Маслова О. М. Методы качественные // Социологическая энциклопедия. В 2-х тт. Т.1/Национальный общественный научный фонд/ Руководитель науч. Проекта Г.Ю. Семигин; главн. редактор В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 636–638.

²⁵³ Р.И. Гудин, х.-Д. Клингеманн. Политическая наука как дисциплина/ В кн. Политическая наука: новые направления/ пер. с англ. М. М. Гурвица и др. Научн. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Вече, 1999, С. 38,45–47; Г.А. Алмонд. Политическая наука: история дисциплины. /В кн. Политическая наука: новые направления...С.99; 106; Соловьёв А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. Учебник. М.: Аспект Пресс, 2000. С.22.

²⁵⁴ Дегтярёв А. А. Методы изучения политики/ В кн.: Политология: курс лекций/ под ред. проф. М. Н. Марченко, 2-е изд.-М.,1997. С. 44, 49, 52.

²⁵⁵ Гадамер Х-Г. истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С.319.

воззрений на складывающуюся социально-политическую реальность, и что познание их сущности возможно прежде всего через выявление и описание структур данных платформ и программ²⁵⁶.

Что же касается содержания предвыборных платформ и программ, то последние агрегируют, по нашей оценке, основанной на многолетней исследовательской практике, широкий круг политических ценностей, а потому требуют при своём анализе, выражаясь языком видных российских исследователей К. С. Гаджиева, А. И. Соловьёва и др. соответствующего ценностного языка, инструментария и подхода²⁵⁷.

Исходя из изложенного, мы делаем вывод: эффективно изучить предвыборные платформы и программы – значит охватить единой исследовательской процедурой и форму, и содержание данных документов, чему при опоре на герменевтическую и структуралистскую методологии может способствовать структурно-ценностный метод как вариация качественного анализа.

Опираясь на вышеизложенные методологические послы и вводя в действие процедуры структурно-ценностного анализа, мы считаем возможным решение ряда исследовательских задач при анализе предвыборных платформ кандидатов на пост Президента РФ, при решении которых нам, как мы полагаем, понадобится и междисциплинарный анализ.

Вот примерный круг намечаемых к исследованию задач в подготавливаемой нами аналитике к политологическому форуму на середину апреля 2024 г.:

- характер оценок соискателями президентской должности текущей социально-политической ситуации в стране, в первую очередь положения дел в ведущих сферах Российской действительности (властно-политическая, социально-экономическая, культурная, военно-политическая, внешнеполитическая и др.);

- сущность (в том числе оценки актуальности и прогнозного эффекта), выдвигаемых кандидатами на пост Президента РФ целей, задач и приоритетов в важнейших сферах российской и международной действительности;

- своеобразие предлагаемых кандидатами на пост Президента РФ средств, форм и методов для достижения намеченных рубежей, решения поставленных задач.

Мы полагаем, что при анализе предварительно определённых нами исследовательских задач понадобится использование не только средств политологического анализа, но и инструментарий междисциплинарного характера, как-то: данные конституционно-правового плана, статистические данные макроэкономического и социального характера, показатели

---

²⁵⁶ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 338-340; 343,349,351,353; Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 14; Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии//Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем.Т.1. Вып. 1 - М.: Начала -Пресс, 1993. С. 59–63.

²⁵⁷ Гаджиев К. С. Методология политической науки/ Политическая энциклопедия. В. 2 т. Т.1.М.: Мысль, 1999. С. 702; Соловьёв А.И. Политология. Политическая теория, политические технологии. Учебник. М.: Аспект Пресс. 2000. С. 22,27,28.

социологических замеров и прогнозов, средства сравнительного анализа, наработки ретроспективного анализа, качественный анализ определённого круга документов политического, правового, социально-экономического и, возможно, международного характера и др.

Одним из итоговых результатов изучения документов и инициатив кандидатов на пост Президента РФ станет, как мы полагаем, ответ на исследовательский вопрос – какой модели общественного устройства России, а также возможной внутренней и внешней политики придерживаются кандидаты на пост Президента РФ?

Тихонов Е. З. (Москва, ИОН РАНХиГС)

МЕМЫ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ РФ 2024 ГОДА

Интернет-мемы давно утвердились в качестве полноценного средства коммуникации, имеющего свои особенности и отличительные черты. В их числе чаще всего отмечают комичность, виральность и актуальность. Мемы, как сообщения, содержат в себе и транслируют определенную информацию, на основе которой выстраивается коммуникация в интернете. В качестве ретранслятора идей они способны собирать вокруг себя сообщество единомышленников, которым могут быть близки заложенные в них тезисы. А за счет комичности и легкости восприятия, обусловленной положительными эмоциями, которые возникают у человека при прочтении, мемы распространяются по интернет-сообществам и лично от человека к человеку.

Мем может затрагивать политическую тематику, становясь политическим мемом. В таком случае юмористическая конструкция строится на личности какого-либо политика, его высказывании, возможно, с дальнейшими их видоизменениями ради комичности, как это было с В. Жириновским, ставшим героем многих мемов.

С развитием технологий и цифровых коммуникаций, все больше аспектов человеческой жизни поддались явлению цифровизации. В том числе и политика. Современные политики активно ведут социальные сети, чаще всего ВК и Telegram, чтобы отчитываться о своей деятельности и взаимодействовать с населением России. Но, очевидно, если можно вести социальные сети, чтобы поддерживать образ деятельного политика, транслировать свои мысли и инициативы, значит эти же технологии могут быть применимы и во время избирательных кампаний. Мемы, используемые во время избирательной кампании, все еще являясь носителями информации, способны построить необходимый образ, имидж для кандидата. А, если интернет-мем, транслирует близкие для сообщества идеи, отзывающиеся в этом сообществе, его будут пересылать и распространять, как следствие,

увеличить узнаваемость кандидата-персонажа мема и число его потенциальных избирателей.

Мемы по способу выражения принято разделять на несколько видов: текстовые, мемы-изображения, gif, а также комбинированные или креолизованные²⁵⁸. Самые распространенные – креолизованные и мемы-изображения. Они же и использовались в избирательных кампаниях двух политиков, участвующих в электоральной гонке на президентских выборах 2024 года, — Бориса Надеждина («Гражданская инициатива») и Владислава Даванкова («Новые люди»).

Штаб Б. Надеждина осознанно самостоятельно создавал мемы и основу для народного мемовтворчества среди симпатизирующих кандидату. Главной причиной возникновения ажиотажа вокруг персоны Надеждина стала антивоенная позиция и дальнейшее выдвижение в качестве кандидата на пост президента от непарламентской партии. Основной аудиторией Надеждина стали представители молодежи, негативно настроенные к СВО. Исходя из его политической позиции, возраста и психологического портрета, Надеждин использовал архетипы «славный малый», «заботливый» с элементами «героя» из системы архетипов Марк и Пирсон²⁵⁹. Если «герой» – результат действий и программы Надеждина, то остальные элементы позиционирования – результат влияния мемов. Основным мем, создавший образ народного кандидата – фрагменты из повседневной жизни политика. Так, фото Надеждина с грибом в руках было использовано его штабом для создания изображений-валентинок, приуроченных ко Дню святого Валентина. На них он предлагал отдохнуть на природе²⁶⁰. На другой валентинке он представал в образе плюшевого «парня»-слона²⁶¹. Валентинки распространялись по чатам, популяризируя Надеждина, как носителя необходимых архетипов. То же произошло и с иными мемами, созданными сторонниками, например Надеждин в негативе с подписью «Сдавайс Отчайнин», обыгрывающими созвучность его имени и фамилии со словами «борись» и «надежда»²⁶².

Образ плюшевого слона – ответ на частую похвалу «слон» или «наш слон». Она демонстрирует признание правильности действий или высказываний политика. Плюшевая игрушка на валентинке – нежность и человекоориентированность. Так, те, кому близки ценности и образ кандидата сами распространяют мемы в интернете, увеличивая узнаваемость политика и укрепляя его имидж.

Мемам свойственно отражать актуальные события. Когда В. Даванков оставил подпись за выдвижение Надеждина, общественность сразу присвоила ему статус «слона». Штаб Даванкова мемы не делал, но это сделало интернет-

---

²⁵⁸ Напалкова И.Г. Семенов А.С. Интернет-мем как метод политической коммуникации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 2(17). С. 58.

²⁵⁹ Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. С-Пб., 2005. С. 19.

²⁶⁰ Надеждин Б. // Telegram: сетевое издание. 14.02.2024. // URL: <https://t.me/BorisNadezhdin/921> (дата обращения: 26.02.2024).

²⁶¹ Там же.

²⁶² Democratic choice // Telegram: сетевое издание. 01.02.2024.// URL: <https://t.me/socdemfront/3672> (дата обращения: 03.03.2024).

сообщество, начавшее симпатизировать ему после поддержки Б. Надеждина. Подпись стала катализатором для создания мемов. Многие сразу увидели в нем альтернативу Надеждину, создавая мемы, которые можно считать полноценным интернет-АПМ, например gif с изображением Даванкова и подписью: «Благодаря ему, я уверен в безопасность России!» или карикатурный персонаж в футболке с подписью: «миллиарды должны голосовать за Даванкова»²⁶³.

Так, за невозможностью отрицать эффективность мемов в качестве АПМ, они постепенно интегрируются в электоральные стратегии кандидатов. Кампании Надеждина и Даванкова демонстрируют, что мемы способны создать необходимый имидж, увеличить общую узнаваемость кандидатов, и привлекать новый потенциальный электорат.

Филиппов А. Р. (Москва, РУДН им. П. Лумумбы)

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Проблематика использования манипулятивных технологий в политическом процессе является одной из самых востребованных как для теоретической политологии, так и для практической политики. В условиях беспрецедентного информационного потока и стремительного ускорения обмена данными возникает осязаемая потребность в исследовании и классификации основных манипулятивных приемов, что позволит выработать эффективные стратегии противодействия манипуляциям.

В целом, феномен политической манипуляции, под которым в науке понимается «совокупность методологических установок и практик оказания скрытого психологического воздействия на людей, в ходе которого те приобретают те ценности, убеждения и установки, которые напрямую выгодны манипулятору»²⁶⁴, стал приобретать массовый характер в Новое время. В этот период нарождающаяся европейская торговая и финансовая элита начала прибегать к широким народным массам как к средству упрочения своего могущества, что неизбежно влекло восприятие населения в качестве объекта манипулятивного влияния. Именно тогда стал формироваться пул традиционных манипуляций, который, с нашей точки зрения, стоит разделять на перцептивные, психологические, когнитивные и собственно политические. Перцептивные манипуляции связаны с воздействием на чувственное восприятие информации и выработку эмоциональной реакции. Психологические манипуляции направлены на актуализацию и обострение типичных детерминант поведения – страха, жадности, надежды и пр. Когнитивные манипуляции охватывают целенаправленное искажение

²⁶³ DANTE RAIDER // Telegram: сетевое издание. 03.03.2024. // URL: https://t.me/danteraider_blr/3232 (дата обращения: 03.03.2024).

²⁶⁴ Новиков О. Г., Мамаева Ю. А. Политический менеджмент. М.: КНОРУС, 2023. С. 166.

нормального процесса познания действительности или интеллектуальной обработки информации. Собственно политические манипуляции представляют собой набор специфических методов, напрямую вытекающих из властеотношений или их отражения в сознании (тайминговые манипуляции, делегирование негативной ответственности, политическая мифология).

Во второй половине XX столетия в развитых странах началась стремительная смена технико-экономического уклада, за чем последовал переход от индустриального общества к постиндустриальному, которое социолог технократического направления Д. Белл считал более осознанным в плане принятия решений²⁶⁵. Информация стала не только ведущим фактором производства, но и мощным средством влияния на крупные социальные группы. Причем тенденция галолирующей информатизации наложилась на такие негативные тренды эволюции массового сознания последних десятилетий, как ухудшение информационной резистентности – сопротивляемости к непроверенной и неverified информации и поощрение фрагментарного мышления, лежащего в основе «клип-культуры»²⁶⁶.

Выделенные характеристики нового общества позволяют говорить о нижеследующем корпусе современных технологий политического манипулирования:

1) навязывание иллюзии тотального контроля со властных субъектов (в целях поддержания атмосферы страха проводится мысль о том, что современные технологии цифрового контроля носят всеобъемлющий характер, хотя в действительности системы слежения далеко не абсолютны);

2) распространение синтетической харизмы (то есть не подкрепленной социальными качествами) инфлюенсеров, возникающее вследствие дистанцирования потребителей информации от транслятора общественного мнения;

3) насаждение ложного представления о возможности отыскания истинных фактов и точек зрения в условиях мнимой плюральности (плюральность мнимая, потому, что за эффектом увеличения числа лидеров общественного мнения вовсе не стоит увеличение качества распространяемой ими информации; все сообщения вне зависимости от их множественности в конечном счете сводятся к апологии существующего политического порядка или к оппонированию таковому);

4) навязывание привлекательности референтных групп – блогеров, контент-мейкеров и пр. (частный случай референтной группы – «инфобизнесмены», которые активно пропагандируют свой образ жизни, притом, что молодые, бедные, но амбициозные жертвы информационно-психологического воздействия, движимые потребностью мегалотимии (речь идет о стремлении быть признанным выше других²⁶⁷), уходят из реального

²⁶⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. С. 57.

²⁶⁶ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 277.

²⁶⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. С. 269.

сектора экономики и фактически занимаются усилением информационного шума, в чем и состоит политический и социальный вред такой манипуляции).

В заключение заметим, что, несмотря на относимость политических манипуляций к разряду традиционных или современных, наиболее действенный способ противостояния вредоносному информационно-психологическому воздействию – выработка критического мышления. В сущности, оно сводится к установлению подлинных (а не декларируемых публично) интересов и мотиваций распространителей информационного продукта, оценке репутации лидеров общественного мнения и принципиальному воздержанию от усвоения тенденциозных оценок происходящих ситуаций (ориентация на факты, а не на их чужие трактовки).

*Фролов Е. Р. (Москва, ИОН РАНХиГС),
Федорова А. В. (Москва, ИОН РАНХиГС)*

ФЕНОМЕН ПОСТПРАВДЫ В МЕДИАСФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Современная медиасфера стала одной из ключевых форм общественной жизни, определяющей информационное пространство и влияющее на формирование общественного мнения. С развитием технологий и повсеместной цифровизацией в обществе появилось новое явление – постправда.

Исследователи дают следующую трактовку данного явления: «слово описывает обстоятельства, в которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям».

Однако некоторые исследователи считают данное определение недостаточным, добавляя, что это и «политика неприкрытой лжи», когда информация не является правдой, но таковой кажется в силу доверия граждан и авторитетности среди них какого-либо источника. В этой связи стоит различать схожие между собой понятия «постправда» и «пропаганда». Данные явления имеют общую цель – манипулирование сознанием общества, но имеют разные условия существования. Постправда существует в условиях многоканального общества, где есть альтернативные источники информации, но человек выбирает лишь те факты, которые ему удобны. Пропаганда, в свою очередь, не дает выбора своему потребителю, но не всегда пропагандируемая информация является ложной. Потребитель информации не видит другую сторону явления и лишь поэтому начинает верить пропаганде. Из данных явлений вытекает еще одно – «фейковые новости». Они являются инструментом создания «постправды» и «пропаганды», создавая заведомо ложные факты. Но стоит отметить, что «фейковые новости» являются не единственным инструментом манипулирования и не всегда используются для пропаганды.

Исходя из определений «постправды» можно сделать вывод о том, что человек будет верить лишь той информации, которая соответствует его убеждениям, несмотря на существование фактов, которые опровергают его точку зрения. Вследствие этого общество и СМИ начинают транслировать искаженную или политически ангажированную информацию, появляются «фейковые новости», с которыми в настоящее время активно борются государства. К примеру, на сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации, есть раздел, посвящённый разоблачению «fake news». В нем официальные представители МИД РФ опровергают и дают пояснение фейковой информации.

Процесс распространения «фейковых новостей» дестабилизирует общество в любой стране с развитыми институтами СМИ. Одной из основных проблем фейков является то, что они создают иллюзию реальности и могут повлиять на мнение и поведение людей. Ложная информация может вызвать панику, недоверие к власти, распространение ненависти и конфликты между различными группами общества. В странах с развитыми институтами СМИ, где общественность привыкла доверять новостным источникам, распространение дезинформации может вызвать особенно серьезные последствия. Ложные новости могут быть легко распознаны как правдивые из-за своего профессионального оформления и распространения через официальные каналы информации. Так, в 2019 году ВЦИОМ провел опрос среди граждан Российской Федерации о законе «О фейковых новостях». Данные исследования ВЦИОМ показывают, что мнения россиян о возможности различить достоверную информацию от недостоверной в СМИ и интернете разделились. Половина опрошенных (49%) считает, что можно отличить фейковые новости от достоверных, при этом среди молодежи в возрасте 18–24 лет эта доля выше и составляет 65%. С другой стороны, 42% респондентов утверждают, что невозможно отличить достоверную информацию от недостоверной.

Сегодня феномен постправды активно используется медиа для ретрансляции позиции определенных политических позиций. К примеру, американский консервативный журналист Такер Карлсон перед интервью с президентом России Владимиром Путиным, заявил, что граждане США не получают объективную информацию от американских СМИ, международная позиция России не транслируется в американских медиа. Таким образом, «политика постправды» является неотъемлемой частью современной медиасферы. В этой связи авторы статьи поднимают вопрос о том, как минимизировать последствия указанного выше феномена.

Многие исследователи выдвигают гипотезу о том, что эффективным методом является ужесточение законодательства в области распространения «фейковых новостей». Однако авторы статьи считают, что нужно бороться не с вытекающими феномена постправды, а с его причинами. Для борьбы с этим явлением необходимо усиление медиаобразования и навыков проверки информации. Необходимостью является и разработка эффективных механизмов фильтрации и борьбы с дезинформацией в онлайн-пространстве.

Как было сказано ранее, люди верят той информации, которая соответствует их убеждениям, даже если она заведомо ложная. На примере современной молодежи можно проследить, что их кумиры (лидеры мнений), не могут дать экспертную оценку по тем или иным вопросам. Блогеры стали важным источником информации, развлечения и вдохновения для многих молодых людей. Они создают контент на различные темы: от моды и красоты до путешествий, спорта, еды и образования. Молодежь следит за их жизнью, мнениями и рекомендациями, а также покупает продукцию, которую они рекламируют. К примеру, блогеры занимавшиеся развлекательным контентом, имея миллионную аудиторию рассказывают молодежи об общественно – политических проблемах. Такие «авторитеты» формируют убеждения. Убеждения, как известно, формируются в раннем возрасте. В этой связи видится особо важным формировать эффективные механизмы и навыки фильтрации контента у молодого поколения, тем самым молодежь сможет самостоятельно различать фейковые новости от правды. Данный процесс будет эффективным в условиях модернизации образовательных программ, активизации органов власти при взаимодействии с институтами гражданского общества по определению механизмов, направленных на повышение политической культуры.

Хачатурова Л. Д. (Москва, ИОН РАНХиГС)

«ЧЕРНЫЙ ПИАР» В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДВЫБОРНЫЕ КАМПАНИИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В эпоху развития информационных технологий распространяется влияние «Черного PR» в предвыборных процессах. Эксперты используют данную стратегию для влияния на мнение и решение электората путем дискредитации политических оппонентов.

С помощью данной методики политические технологи могут воздействовать на избирателей и, в некоторых случаях, осквернять имидж соперников своих кандидатов. Подобные методы могут не соответствовать этическим, правовым и моральным нормам, поскольку «очерняют» репутацию конкурентов и зачастую компрометируют их.

С каждым годом влияние информационных систем на мнение потенциальных избирателей усиливается, соответственно, появляются новые методы воздействия на аудиторию с помощью стратегии «Черного PR». Риски дезинформации увеличиваются и электоральные процессы становятся менее прозрачными, поскольку на людей воздействуют через интернет.

Стоит отметить, что дезинформация и ложные высказывания являются одним из видов черного пиара, а не применяются повсеместно, поскольку не все методы данного вида PR-технологий носят неправдивый характер и применяются с целью оклеветать человека.

«Черный PR» — это целенаправленное распространение негативной информации, касающейся какого-либо субъекта коммуникации с целью подрыва позиций конкурента и достижения собственной цели. Определение метода говорит о том, что данная стратегия может помешать проведению честных и справедливых выборов, соответственно, информационные сети увеличивают подобные риски.

Развитие данного вида PR в интернете соответствуют трендам социальных сетей: распространение «мемов», анекдотов, комментариев с поддельных страниц, использование распространенных «тэгов», массовая «мобилизация» пользователей в сети. Избирательные кампании последних лет подтверждают данную информацию.

Во время проведения выборов в Советы депутатов муниципальных образований в Москве в 2022 году сторонники кандидатов партии «Яблоко» вступали в домовые чаты в сети Telegram и распространяли ложную информацию в сторону своих оппонентов. Также они выявляли проблематику районов через негативные посты пользователей социальных сетей и манипулировали электоратом с помощью данных проблем, призывая голосовать против своих соперников на избирательных участках, игнорируя ДЭГ. В данной PR-кампании применялась активно дезинформация.

Во время Президентской предвыборной гонки, после смерти Алексея Навального, противники действующей политической силы также воспользовались стратегией «Черного PR», распространяя негативные комментарии с различных аккаунтов, созданных на имя другого человека. Однако, один из пользователей, участвуя в массовом размещении негативных публикаций, допустил пунктуационную ошибку и позволил создать «мем», с помощью которого силы оппонента смогли снизить негатив в свою сторону.

Данный вид PR может не только дискредитировать конкурентов, но и наносить репутационный ущерб, тем самым лишая данную стратегию легитимности и этики. Воздействие на мнение электората через интернет-ресурсы и социальные сети подобным образом позволяет политическим технологам манипулировать мнением избирателей. Общество не успевает усомниться в достоверности информации и вынуждено поглощать непроверенные данные, которыми умело манипулируют некоторые кандидаты в своих целях.

Хмелев В.А. (Москва, ИГСУ РАНХиГС)

«ПОВЕСТКИ ДНЯ» КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В современном политологическом анализе категория повестки дня используется достаточно часто, так как в ее вопросах отражаются проблемы, требующие своего обсуждения и решения, а их перечень раскрывает существующие в обществе приоритеты. Особое значение имеет социально-политическая повестка дня.

Социальная по своей направленности, указанная повестка дня затрагивает ключевые интересы всего населения, а решение поставленных в ней проблем во многих случаях требует реакции и действий органов публичной власти, что придает этой повестке дня политический характер.

Тем не менее, общее определение данной категории отсутствует в силу разных причин: вариативности сфер ее появления и акторов, ее формирующих (так, выделяют повестки дня: политическую, общественную, государственную и др.), многообразия парадигм, в рамках которых она изучается, и пр.

Контент-анализ научных работ позволяет выделить существенные признаки категории «повестка дня» и сформулировать на их основе ее дефиницию: повестка дня - это список (перечень) актуальных и значимых (для мирового сообщества, конкретного общества, отдельных социальных групп, индивида, публично-властных структур) тем (сюжетов, вопросов, проблем), требующих обсуждения «здесь и сейчас» с целью принятия необходимых решений. Таким образом, повестка дня отражает ранжирование проблем, за которым можно усмотреть выстраивание приоритета потребностей, групп интересов; в ней объединены, с одной стороны, информационная составляющая (знание о таких проблемах), а, с другой стороны, побудительное начало (необходимость обсуждения для того, чтобы решить или побудить соответствующие структуры решить возникшие проблемы, отсюда, повестка дня предполагает процессы принятия решений); вопросы, перечисленные в повестке дня (в порядке их приоритетности), обладают значимостью, предельно актуализированной на сегодняшний день.

Анализ определений политической повестки дня показал, что четко прослеживаются два подхода к ее теоретическому осмыслению: нормативный подход, который исходит из идеализированного (каким должно быть) рассмотрения путей ее формирования и установления (проблемы общества, требующие решения со стороны политических акторов, и, прежде всего, государства, находят отражение в их повестке дня и решаются в полном объеме и в необходимые сроки) (на это обращали внимание Г.А. Акопов, А.А. Дегтярев, В.Н. Колесников и др.); дескриптивный подход, акцентирующий внимание на том, как, действительно, в политической реальности происходит формирование повестки дня и как решаются поставленные в ней проблемы (это было предметом рассмотрения Дж. Андерсена, Е.Б. Шестопаля и др.).

Так, в ракурсе нормативного подхода политическая повестка дня (обобщая рассмотренные в этой оптике определения) - это совокупность наиболее значимых политических вопросов, выстроенных в соответствии с их приоритетностью, требующих своего решения, вынесенных на публичное обсуждение, связанных с идеями, целями, ценностями, лежащих в основе проводимой властью предрешающими политики, одобренной обществом.

Социально-политическая повестка в субъектах Российской Федерации, с одной стороны, отражает социальные потребности и проблемы населения региона. С другой стороны, социально-политическая повестка дня, выносимая на заседания тех или иных органов государственной власти, является

выражением политического курса по вопросам развития социальной сферы, который проводится в стране в целом и отдельном регионе²⁶⁸, в частности.

Особого внимания заслуживает процесс формирования социально-политической повестки дня: как создается эта повестка дня, кто является ее реальным актором. Через институты гражданского общества реализуется один из путей конституционно закрепленной возможности участия рядовых граждан в управлении государством, учет их интересов. Не менее важно, чтобы и вопросы социально-политической повестки дня, формируемые органами государственной власти, были близки и понятны обществу, находили отклик и поддержку среди населения.

При формировании и реализации социально-политической повестки дня в субъектах Российской Федерации государство и институты гражданского общества нацелены на эффективное взаимодействие как для решения общих проблем, так и отдельных проблем населения региона.

Цветкова Н.Б. (Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)
**ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В НОВОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Современные технологии предоставляют огромные возможности для формирования имиджа страны, что является важным межкультурным коммуникативным процессом как внутри страны, так и на международной арене. Имидж страны и народа – это главные компоненты представления любого государства во всем мире. Имидж страны — это образ, формируемый в общественном сознании средствами массовой информации через телевидение, радио и интернет. Другим способом формирования имиджа является воспитание патриотизма. В основе имиджа лежат национальные образы-символы, связанные с традиционными ценностями, географическими, историко-культурными и религиозными особенностями государства. Россия качественно меняется в сфере обеспечения безопасности и экономического суверенитета, становясь всё более уверенной в себе²⁶⁹.

Политическая коммуникация — сложный процесс, так как она подразумевает общение между представителями различных культур и государств. Сегодня актуальность межкультурной коммуникации возрастает в связи с тем, что происходят цивилизационные изменения глобального и регионального планов. Политическая коммуникация, развивающаяся в эпоху цифровизации, формирует особую систему общественного взаимодействия - цифровые коммуникации. Технологические изменения в современном мире происходят невероятно быстро. Новые коммуникационные схемы,

---

²⁶⁸Ильичева М.В., Хмелев В.А., Ильичева Л.Е. Участие молодежи в формировании социально-политической повестки дня в субъектах Российской Федерации как реализация механизмов взаимодействия государства и институтов гражданского общества // Финансы. Деньги. Инвестиции. 2023. № 3 (87). С. 37-44.

¹Выступление Президента РФ В. Путина на форуме АСИ, 20.02.2024.// URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73505>. (дата обращения 20.02.2024)

связывающие социальные институты, подвержены влиянию многочисленных факторов. Развиваются технологии искусственного интеллекта и применение анализа больших данных в социальных сетях²⁷⁰.

Имидж страны дает не только привлекательность для туристов, но позволяет привлечь ресурсы в науку, образование, инфраструктурные проекты. Это, прежде всего, репутация и доверие. Имидж позволяет привлечь на свою сторону большое число союзников и уменьшить число врагов. Посредством повышения уровня жизни граждан, налаживания международных контактов во всех сферах общественной и культурной жизни можно изменить положительное психологическое настроение общества. Политический образ страны представляет собой отражение реальных характеристик государства: политической власти, личности лидера, особенности политических партий. С другой стороны, образ является проекцией ожиданий граждан²⁷¹.

В настоящее время Россия позиционируется как великодержавное государство и государство-цивилизация. Такой имидж свидетельствует о силе, мощи, богатстве и высоком уровне развития культуры. Высокий международный имидж государства помогает сформировать совершенно различные восприятия собственной страны, позволяет надежнее фиксировать политические и экономические успехи государства на международной арене²⁷². Имидж страны включает в себя не только политические аспекты, а также экономическое состояние, имидж армии и флота, внешнеполитический курс, восприятие гражданами образа своей страны.

Для формирования внутреннего имиджа страны важна национальная идентичность. Понятие идентичности определяется как чувство личного отождествления с определенной группой людей и исторической непрерывности личности²⁷³. Огромное значение имеет патриотизм, национальные интересы, национальный язык, традиции, религия, исторические и культурные ценности и приоритеты развития государства. Престиж государства важен для воспитательно-патриотической работы с молодым поколением. Содержание этнических стереотипов определяется культурными детерминантами. Быть русским для многих означает быть воспитанным в традициях русской культуры. Огромное значение составляет социальная и идеологическая составляющая²⁷⁴.

В политической коммуникации, кроме имиджа страны очень важен имидж Президента, политиков и руководителей политических партий, регионов страны. Все это относится к стратегическим ресурсам страны и

---

²⁷⁰ Бронников И.А., Горбачев М.В. Политическая коммуникация в изменяющемся мире: теория и практика. М.: МГУ, 2022. С.12.

²⁷¹ Шестопап Е.Б. Политическая психология. М.: Аспект Пресс, 2018. С.141.

²⁷² Косачев К.И. О роли СМИ в формировании имиджа государства и развития межкультурного диалога. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-rol-i-smi-v-formirovanii-imidzha-gosudarstva-i-gazviti-i-mezh/> (дата обращения: 20.02.2024)

²⁷³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Воронеж, 1996

²⁷⁴ Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России. // Полис. Политические исследования. 2015. № 5 С. 9-14.

создает целый механизм причинно-следственных связей, которые формирует возможности государства и народа. Формируется имидж как правило в СМИ. Влияние некоторых медиагигантов гораздо больше влияния отдельных государств. Они задают интерес к стране или напрочь стирают ее из актуального контекста, формируют или обрушают имидж страны. Но это не значит, что государство действует по принципу «все ради имиджа». Имидж страны создается, не только чтобы понравиться, но и побудить понять себя и уважать свои идеалы, интересы и ценности.

Особенную актуальность политические коммуникации приобретают в период информационной войны. «Мягкая сила» — это совокупность технологий политического влияния. Особое место в этой связи занимает информационно-психологическое воздействия. Данное воздействие позволяет влиять на граждан других стран в желаемом направлении и изменять ментальные структуры общества на идейно-ценностном уровне.

В современном обществе многократно возрастает роль СМИ на всех этапах формирования и осуществления политики страны. Развитые государства доминируют на международной арене, в том числе в информационном плане.

Чем более развито государство, тем более развиты СМИ этого государства. СМИ играют важнейшую роль в формировании, развитии, укреплении и распространении различных идей, трактовок, понятий. Пресса, радио и телевидение традиционно являлись инструментами государств и некоммерческих организаций для осуществления социальной политики.

Глобальные СМИ имеют влияние друг на друга как независимый живой организм. Нарушенная развитием сетевых информационных и коммуникационных технологий, а также спутниковым телевидением, монополия западных СМИ начала ограничиваться за счёт появления новых глобальных каналов и информационных агентств.

СМИ, действующие в глобальном информационном поле, воздействуют на политические элиты других стран. Альтернативой традиционным глобальным информационным гигантам на мировой арене стала принявший новый глобальный формат, российская Russia Today.

Закрепление в общественном сознании положительной репутации, помогает формировать социокультурные сценарии и дает возможность нейтрализовать критические сообщения в адрес государства из других информационных источников.

Достижение устойчивого привлекательного имиджа – это результат долгосрочной и последовательной работы, которая позволяет сглаживать внешнеполитические противоречия, а также решать проблемы международного уровня. Сегодня перед исследователями политического восприятия имиджа страны стоят задачи описать значимые образы, символы, достижения науки и культуры, сделать их привлекательными для восприятия граждан своей страны и других государств. В основе сегодняшних технологий политических коммуникаций лежит принцип эмоционального заражения и резонанса больших групп людей. Необходимо учитывать национальную

специфику и другие социокультурные факторы восприятия имиджа государства.

Чайко И.В. (Москва, РГСУ)

НА ГРЕБНЕ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНОЙ «ВОЛНЫ»: РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В СВЕТЕ ОБЩЕМИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Центральной проблемой современной политологии является отсутствие научной концепции, способной объяснить механизмы, тенденции и перспективы политического развития общества. Крушение коммунистической доктрины, равно как и последовавший за этим «конец парадигмы транзита»²⁷⁵, заставляют ученых искать иные теоретические средства для описания политических реалий. Одним из результатов таких поисков стал растущий интерес к концепции патримониализма, изложенной М. Вебером в фундаментальном труде «Хозяйство и общество»²⁷⁶.

Выводы Вебера о том, что различные проявления патримониализма могут быть обнаружены в деятельности современной бюрократии, стали основой концепции неопатримониализма, разработанной в 60-70-х гг. XX в. в трудах таких авторов, как С. Эйзенштадт, Р. Бендикс, Г. Рот, Г. Хигер, Ж.-Ф. Медар и др. В 90-х гг. XX в. к теме неопатримониализма обратились К. Джоуитт, Ю. Гартман, С. Хэнсон, Р. Снайдер, А. Фисун. В отечественной литературе схожая проблематика поднималась в трудах М.В. Масловского, В.П. Макаренко, М.Н. Афанасьева. В 2012-2013 гг. автором этого доклада был опубликован ряд научных статей и монография по данной тематике²⁷⁷. С тех пор, в отечественной науке сформировалось целое направление, в центре которого находится понятие «неопатримониализм». За последние годы, работы по данной проблематике опубликовали В.Я. Гельман, Д.В. Ефременко, А. Ильхамов, К.В. Мельников, Р. Окумбеков, Н.С. Розов, М.В. Снеговая, Я.Ю. Старцев, С.Н. Шкель и др. Появились новые работы зарубежных ученых, таких как Д. Бах, Вон Зост К., М. Газибо, Т. Келсолл, М. Ларуэль, Дж. Оуэн, Н. Робинсон, Р. Сигман и С. Линдберг²⁷⁸.

Все это говорит о том, что дискуссия вокруг концепта неопатримониализма, начавшаяся в 1960-х годах, не только не затихла, но стала еще более актуальной. При этом исследователи могут придерживаться совершенно разных теоретических и идеологических позиций. Примером

---

²⁷⁵ См.: Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. N 1. P 11-14.

²⁷⁶ См.: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

²⁷⁷ См.: Чайко И.В. Проблемы исследования режимных трансформаций, или неопатримониальная альтернатива транзитологии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 131-143; Политические режимы: теория и методология исследования /Игорь Чайко. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013.

²⁷⁸ Библиографию см., например: Мельников К.В. Неопатримониализм: основные проблемы концептуализации и методологический потенциал новой институциональной теории: дис. ... к. полит. н. Екатеринбург, 2017.

неолиберальной трактовки неопатримониализма могут служить работы Н. Розова и В. Гельмана, согласно которому, только усиление давления со стороны коллективного Запада способно разорвать «порочный круг» постсоветского неопатримониализма²⁷⁹. Иную позицию занимают В. Марача и С. Беспалов, согласно которым, одним из перспективных путей развития российской государственности является консолидация неопатримониальной системы «как стабильной формы организации экономики, политики, идеологии и государственного управления с трансформацией неопатримониализма в “новую норму” (“new normality”»)²⁸⁰.

Выводы относительно высокой устойчивости и эффективности современных неопатримониальных систем разделяют сегодня многие отечественные и зарубежные ученые. Более того, в политологическом сообществе активно утверждается мысль о том, что становление различных форм неопатримониализма является мировым трендом. Наиболее полно эти идеи изложили С. Хэнсон и Дж. Копштейн в своей статье «Глобальная патримониальная волна» (2021)²⁸¹. Главную угрозу западной демократии они видят не в росте «авторитарного популизма», а в начавшейся волне «патримониальной легитимности», принявшей поистине глобальный размах. Особую тревогу авторов вызывает репатримониализация государственной власти в главных оплотах западной демократии - США и Великобритании, а также в таких странах как Израиль, Венгрия, Польша, Словакия - где, по их мнению, происходит персонализация власти государственных лидеров, стремящихся взять под контроль все «ветви» власти.

Ярким примером неопатримониальной трансформации является современная Россия, где в первых десятилетиях XXI века произошла консолидация «нового мощного патримониального государства»²⁸². При этом, реализованная российским руководством модель восстановления государственного и международного порядка может рассматриваться как действенная институциональная альтернатива, способная консолидировать сторонников нового, многополюсного миропорядка, основанного на принципах равноправия и сотрудничества.

---

²⁷⁹ Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб.: Изд-во Европейского университета в г. Санкт-Петербурге. 2015. С. 36; Розов Н.С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации //Полис. 2016. № 1. С. 139.

²⁸⁰ См.: Marach V., Bepalov S. Neopatrimonial Model of Public Administration and its Transformation in the Context of Global Uncertainty // EPJ Web of Conferences 248, 03003 (2021). URL: <https://doi.org/10.1051/epjconf/202124803003>

²⁸¹ См.: Hanson St.E., Kopstein J.S. Understanding the Global Patrimonial Wave // Perspectives on Politics. July 2021. № 20(1). P. 1-13.

²⁸² Hanson St.E., Kopstein J.S. Understanding the Global Patrimonial Wave // Perspectives on Politics. July 2021. № 20(1). P. 6.

Чайковская И.С. (Москва, ИГСУ РАНХиГС)
**ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ИНВАРИАНТЫ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ**

Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации²⁸³, Россия является «самобытным государством-цивилизацией», сплотившей народы, «составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира», проводящим «самостоятельный и многовекторный внешнеполитический курс, продиктованный ее национальными интересами».

В. Н. Расторгуев, постулируя, что выбор курса государственного развития является магистральной идеей политического планирования и прогнозирования, отмечал, что «не все страны имеют или сохранили опыт такой деятельности в полном объеме, поскольку для ее осуществления необходим, как минимум, неповрежденный суверенитет, что является раритетом в условиях глобализации»²⁸⁴.

Действительно, однополярный мир характеризуется ослаблением национальных границ и возможностей защищать национальные интересы вплоть до полной утраты суверенитета странами, не принадлежащими к группе лидеров²⁸⁵. Однако, на смену однополярности приходит многополярный мир, исходящий из идеи о равноправном существовании «государств – цивилизаций»²⁸⁶.

Перед Россией стоит сложная задача найти свой путь в новой, многополярной «системе координат». В этой связи, изучение политических стратегий и стратегического планирования становится областью интереса не только ученых – теоретиков, но и политиков – практиков, руководствующихся высшей стратегией как «путевой звездой» при принятии решений²⁸⁷.

Высшая стратегия государства опирается на ресурсы, находящиеся в его распоряжении, а также зависит от расстановки сил на международной арене. Важнейшей политической дилеммой является «соединить» цели, достижению которых служит высшая стратегия, и ресурсы, имеющиеся в распоряжении государства, что называют «стратегическим синтезом»²⁸⁸. Результат данного синтеза зависит ценностных установок, культурных барьеров, особенностей мировоззрения, когнитивных способностей и политических устремлений

---

²⁸³ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации".

²⁸⁴ Расторгуев, В. Н. Политическое планирование и прогнозирование: идеологические рамки и цивилизационный контекст / В. Н. Расторгуев // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 4.

²⁸⁵ Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование. Алгоритм, 2000. С. 40–41.

²⁸⁶ Спиридонова, В. И. «Государство-цивилизация» как ответ на вызовы «нового мирового порядка»/ В. И. Спиридонова//Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва; Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия. 2016. С. 40.

²⁸⁷ R. Friedman Lissner (2018). What is Grand Strategy? Sweeping a Conceptual Minefield. Texas National Security Review: Vol.2 Issue 1. P. 52–73.

²⁸⁸ Layton P. The Idea of Grand Strategy, The RUSI Journal, 2012. 157:4. P. 58

политического лидера и его окружения, или, говоря словами А. И. Соловьёва, «лидерской субсистемы»²⁸⁹. Узурпация власти отдельными индивидами (или группами интересов), как правило, сопровождается навязыванием целым народам высшего смысла их существования, то есть подменой истинных ценностей изменчивыми установками, обусловленными сиюминутной политической конъюнктурой, может приводить к гибели государства-цивилизации²⁹⁰. Таким образом, критически важными являются те ориентиры, которыми руководствуются политические лидеры, при осуществлении «стратегического синтеза».

Стратегическое планирование в большинстве случаев рассматривается как «поиск вариантов – стратегических новаций и тактических уловок, неожиданных сценариев и многоходовых проектов»²⁹¹, другими словами, поиск альтернатив. Однако, данный подход не является универсальным. В связи с этим, В. Н. Расторгуев предложил фокусироваться на «поиске инвариантов», то есть констант и ограничений, «неких непреходящих ценностей в преходящем мире»²⁹², которыми, по нашему мнению, являются базовые ценностные и социокультурные установки общества. Основа таких установок современного российского общества есть «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России», то есть, традиционные ценности²⁹³.

Ключевой задачей для политических лидеров, осуществляющих стратегическое планирование, является найти правильный баланс целей, приоритетов и ресурсов, с учетом общественных ценностных и социокультурных детерминант, ведь только это позволит обеспечить консолидацию и мобилизацию общества для гармоничного достижения установленных целей государственного развития.

Челнокова А.П. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ФРЕЙМ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

---

²⁸⁹ Государственная политика и управление: учеб. пособие для вузов / под ред. А. И. Соловьёва. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 87–97.

²⁹⁰ Расторгуев, В. Н. Цивилизационная миссия России в современном мире: реконструкция истории, проект или предначертанный выбор? в сборнике Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси. Издательство Саратовской митрополии. Саратов: 2015. С. 83.

²⁹¹ Расторгуев, Н. В. Культура политического планирования. Вест. Мос. Ун-та. Сер.12. Политические науки. 2004, №4, С. 7–15.

²⁹² Там же.

²⁹³ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”.

Политическая коммуникативистика, рассматривающая социальную жизнь в информационно-политическом ключе, позволяет проследить тенденции развития взаимодействия власти и гражданского общества в современных средствах массовой информации. На сегодняшний день политическая коммуникация представляет собой эффективное средство конструирования политической реальности, а СМИ являются инструментом не только выстраивания общественно-политических связей, но и трансляции национальной идеи. По мнению Л.Н. Тимофеевой, «политические коммуникации являются одновременно формой, способом и содержательной атрибуцией политики, политических отношений в обществе». В рамках исследования будет проанализирован феномен фреймирования информационной повестки в контексте трансляции национально-государственных ценностей.

Для дальнейшего анализа путей конструирования самосознания граждан России обратимся к понятию национально-государственной идентичности. В понимании В. В. Титова национально-государственная идентичность представляет собой «устойчивую взаимосвязь человека с национальной общностью». Выстраивается образ «мы», который основывается на «политико-культурной традиции» и поддерживается институтом государства. Говоря о векторе действия политики идентичности, И.С. Семененко отмечает её переориентацию с защиты интересов групп лиц на «поддержание общих ценностных оснований принадлежности к политическому сообществу». Государственная политика идентичности, как процесс построения действенной коммуникативной базы и консолидации взглядов в обществе, реализуется с помощью инструментов публичной политики, одним из которых являются средства массовой информации – объект исследования политической коммуникативистики.

Проблема коммуникативистики, изучающей политику и стратегии формирования национально-государственной идентичности, заключается в разнице подходов к пониманию идентичности как «жесткой» и «мягкой». Так, американские исследователи Р. Брубейкер и Ф. Купер отмечают, что «жесткая» идентичность – монолитна и неизменна, присуща всем членам группы, даже если они этого не осознают. «Мягкая» же идентичность понимается как социально сконструированная, неустойчивая и множественная. В связи с этим далее будет рассмотрен фрейминг как инструмент синтезирования «фрагментов» современной матрицы национально-государственной идентичности России и «индикатор» изменчивости политико-культурного пространства.

Сложная структура национально-гражданской идентичности дает возможность ее рассмотрения на следующих уровнях:

- уровень культурного многообразия (язык, религия, стереотипы поведения);
- ценностный уровень (общность ценностей, патриотическое сознание);
- уровень гражданской ответственности.

Примерами репрезентации культурных, ценностных и гражданских установок являются закрепившиеся в политическом коммуникативном пространстве фреймы, которые подвергаются анализу как «реально существующие составляющие политической культуры и политической идентичности, работающие как направляющие стимулы для действий и осознания политических акторов».

Понятие фреймирования было проанализировано И. Гофманом с опорой на «определение ситуации», где выступающими факторами являются взаимодействие, принцип организации событий и субъективная вовлеченность в них. Фрейм как рамка социальных представлений имеет следующие функции:

- определение способов восприятия социальной реальности участниками «ситуаций взаимодействия»;
- структурирование внимания к различным сегментам социального мира;
- интерпретация реальности и выстраивание траектории поведения по отношению к сложившейся ситуации;
- формирование целостного личного восприятия окружающего мира.

Использование технологии фреймирования представляется как инструмент управления политическим сознанием и поведением людей. Государственная политика по «созданию» идентичности призвана поддерживать представления о политически стабильном обществе. Например, фрейм «единство и многообразие народов России», рассматриваемый на уровне «культурного многообразия», иллюстрируется изречением президента: *«Западу в принципе не нужна такая большая и многонациональная страна, как Россия. Наше многообразие и единство культур, традиций, языков, этносов просто не укладываются в логику западных расистов и колонизаторов, в их жестокую схему тотального обезличивания, разобщения, подавления и эксплуатации»*. Конструирование образа страны происходит посредством отбора наименований и их категоризации: противопоставляются Россия и Запад, понятия «единство» и «разобщение», многообразие и обезличивание.

Фрейм «Россия как цивилизация» транслирует ценностный уровень и уровень гражданской ответственности: *«...наша битва за суверенитет, за справедливость носит без всякого преувеличения национально-освободительный характер, потому что мы отстаиваем высшее, историческое право быть Россией – сильной, независимой державой, страной-цивилизацией...»*. В данном случае фрейм можно обозначить как «фрейм мобилизации», где Россия представляется как «осажденная крепость», столкнувшаяся с внешними вызовами и требующая включенности со стороны единого общества.

Таким образом, фрейминг в политической коммуникативистике позволяет выстроить технологию социального управления и эффективно консолидировать нацию вокруг определенных векторов, ценностей и восприятий. Фреймы государственной политики идентичности как часть

политико-культурного пространства используются как инструменты мотивации мышления и поведения субъектов политики.

Черных С.И. (Москва, ИЭ РАН)
**МЕТОДЫ "МЯГКОЙ СИЛЫ" В ПОЛИТИКЕ И
ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ**

Устоявшееся определение «мягкой силы» (англ. *soft power*: чаще встречающийся перевод — «мягкая сила», хотя автор этого термина Дж. Най, введший его во второй половине 1980-х годов, имел в виду в первую очередь «*мягкую власть*») - это форма политической власти предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение.

«Мягкая сила» в политологии практически тождественна так называемой публичной дипломатии, под которой понимается «механизм коммуникации одного государства с обществом другого – через использование широкого спектра социально-гуманитарных и информационных ресурсов» с целью создания позитивного имиджа субъекта публичной дипломатии, формирования позитивных настроений по отношению к его политике на стороне объекта²⁹⁴.

Резюмируя высказывания российских авторов по поводу «мягкой силы», можно констатировать, что она в основном воспринимается как «недостойное» (манипулятивное) средство реализации чуждых нам зарубежных интересов, прежде всего политических, и надо этому всячески препятствовать²⁹⁵. При этом речь в основном не идет о применении данных методов самой страной, то есть Россия в большинстве случаев выступает как объект «мягкой силы», а не как субъект. Об этом свидетельствует и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в которой много говорится о противодействии внешним угрозам и вызовам. Справедливости ради следует отметить, что в этом документе есть положение о повышении роли РФ в мировом гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве, укреплении позиций русского языка как языка международного общения (пункт 101.18). Более или менее удачные попытки применения Россией «мягких» методов наблюдаются в соседних странах, в первую очередь в Центральной Азии, где Россия на этом поле конкурирует и с Казахстаном, старающемся укрепить свою ведущую роль в данном регионе, и с Турцией, вынашивающей идеи пантюркизма, и с Китаем, столкнувшимся с необходимостью реализации здесь своих интересов для решения внутренних проблем. При этом потенциальные объекты применения «мягкой силы»

---

²⁹⁴ Бахриев Б.Х., Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 90.

²⁹⁵ См., напр. Особенности публичного управления в современной России: монография. Под общ. ред. Т. М. Резер. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С.17-18.

прекрасно видят все социально-экономические и политические проблемы потенциальных «доноров».

В настоящее время использование только сырьевых, финансовых и примитивных пропагандистских инструментов для сохранения или привлечения какой-либо страны в зону своего влияния явно недостаточно. Об этом свидетельствуют и ситуация в Содружестве независимых государств (СНГ), где Россия играет ключевую роль, и проблемы в деятельности Россотрудничества («Русского дома»), призванного быть главным инструментом по укреплению положения страны в мире и развитию элементов «мягкой силы». Современный арсенал таких элементов должен включать в себя: передовое образование, медицину, производственные технологии, права человека, демократическое устройство, уважение к окружающим и другие гуманитарные факторы. Примитивные силовые методы могут быть эффективными лишь на короткой дистанции времени: у «жесткой» тактики возможны успехи, у «жесткой» стратегии – нет.

Что касается государственного управления, то оно как научная категория представляет собой организованный процесс руководства, регулирования и контроля со стороны государственных органов за развитием экономики и общества, основные принципы и содержательное наполнение которого эволюционируют в контексте синергии теоретических аспектов различных отраслей гуманитарных наук. Одним из таких междисциплинарных аспектов, на наш взгляд, и выступает имплементация в сферу государственного управления понятий, методов и инструментов политологии, связанных с использованием методов «мягкой силы».

Вероятно, такая имплементация не в полной мере отвечает современным задачам реализации мобилизационных мер в экономике, но эти меры, будем надеяться, имеют тактический характер, тогда как у нас речь идет о стратегии социально-экономического развития, основы которой заложены в выступлении Президента РФ на XXV Петербургском международном экономическом форуме (июнь 2022 г.). Реализация этой стратегии требует разработки теоретических и практических подходов к организации системы (сети) взаимодействия между органами государственного и муниципального управления, институтами гражданского общества и представителями бизнеса для принятия обоснованных и эффективных управленческих решений. В данном контексте «мягкая сила» может стать частью управленческой политики, направленной на использование публичных (открытых, доступных и коллективных) методов воздействия, инструментов и технологий для достижения стратегических целей и задач. При этом масштаб государственного участия в экономике отходит на второй план, а на первый выдвигается эффективность институтов государственного управления, которые используют в своей практике «мягкое» принуждение, оказывающее организующее воздействие на участников хозяйственной и иной деятельности за счет побудительных мотивов к развитию экономики и общества.

Черкашин К.В. (Донецк, ДонГУ)

ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МЕЖДУ ТЕРРИТОРИЯМИ

Проблематика выборов является весьма актуальной для современной политической науки. Самые разные политические режимы стремятся легитимизировать власть с помощью процедуры голосования. Фактически, единственная серьёзная альтернатива институту выборов в современных условиях — это (затратные) государственные перевороты. Выборная тематика, безусловно, актуальна и для российской политической науки.

В России изучение выборов весьма политизировано: как правило, сторонники прозападной «либеральной» оппозиции изучают вопросы степени подтасованности результатов голосований в РФ, а «охранители» - вопросы истории волеизъявлений и «электорального суверенитета». Пожалуй, самая известная на постсоветском пространстве методика анализа итогов голосований и выявления подтасовок - предложенная российским физиком Сергеем Шпилькиным (признан иноагентом)²⁹⁶. Но и отношение к ней зачастую скорее свидетельствует о политической позиции отзывающегося. Как правильно отметил исследователь Н.В. Гришин - прежде чем говорить об аномалиях результатов выборов, необходимо разобраться с тем, что же является «нормой»²⁹⁷.

Вместе с тем, если анализировать степень разнообразия электоральной поддержки по различным территориальным уровням, то наблюдаются весьма выраженные закономерности. Как между территориями, так и между различными голосованиями, в случае если волеизъявления прошли без серьёзных искажений, фиксируются стабильные коэффициенты соответствий (более подробно об этом здесь)²⁹⁸. Их то и можно считать «нормой». Отклонение от неё может быть вызвано, как успешной агитацией, так и возможными подтасовками итогов выборов. На различных территориальных уровнях наблюдаются несколько разные закономерности, однако принцип пропорциональности в целом соблюдается. Причём, это касается как относительных (проценты), так и абсолютных (число голосов)

---

²⁹⁶ Sergey Shpilkin, Statistical estimates of vote counting fraud in Russian federal elections 1996—2016. Европейская платформа за демократические выборы (EPDE). 2016. // URL: http://newsletter.epde.org/tl_files/EPDE/EPDE%20PRESS%20RELEASES/s_shpilkin_osce_memo.pdf (дата обращения: 20.02.2024); Сергей Шпилькин // Троицкий вариант – Наука. // URL: <https://trv-science.ru/tag/sergej-shpilkin> (дата обращения: 20.02.2024).

²⁹⁷ Гришин Н.В. Аномалии в электоральном поведении // Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2011. С.222-226.

²⁹⁸ Черкашин К. В. Пропорциональность электоральной поддержки между территориями и восстановление итогов голосований // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 1. С. 70-88.; Черкашин К. В. Система отсчёта при углублённом анализе итогов голосований по территориям // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В.П. Семёнова-Тян-Шанского. Санкт-Петербург, СПбГУ. 8–9 апреля 2021 / Под ред. Н.М. Михеевой, Н.В. Каледина, К. Э. Аксёнова, СПб.: изд-во ВВМ, 2021. – С. 561-570.

показателей. Используя такой анализ, теоретически можно, например, определить - с чем связано отклонение от нормы по процентам: вбросом какого-то числа бюллетеней или же активной и успешной агитацией.

В целом же подобный анализ показывает «частичную осознанность» выбора избирателей (и для Запада, и для постсоветского пространства). Если основной критерий - степень разнообразия, то существенная, если не большая, часть избирателей голосует за тех, кто на слуху, за кого больше всего агитируют. То есть распространённые практики голосований (выбор кандидата от сотен тысяч и миллионов избирателей) — это в существенной мере процедура имитации сознательного выбора. Для современных условий нужны новые практики волеизъявлений, реализации народовластия.

Вместе с тем, в нынешних условиях, такие электоральные практики, как: многодневное голосование, дистанционное электронное голосование (ДЭГ), массовое голосование по «открепительным» или электронная смена адреса волеизъявления, массовое голосование на дому или за границей - в первую очередь служат не облегчению волеизъявления избирателей, а дискредитации самой процедуры голосования. В большинстве случаев подобные практики не могут обеспечить не только прозрачность процедуры подсчёта голосов, но и гарантировать соблюдение тайны волеизъявления.

Шагабутдинов Р. Р. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА В 2014 ГОДУ КАК ОДНА ИЗ ОПОРНЫХ ТОЧЕК НАЦИОНАЛЬНОГО НАРРАТИВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Крымский полуостров был частью России более двух столетий, прежде чем он был передан Украинской Советской Социалистической Республике в 1954 году Никитой Хрущевым, шаг, который многие россияне долгое время рассматривали как историческую несправедливость.

Присоединение Крыма в 2014 году была представлена российским правительством как исправление этой исторической ошибки. Повествование было построено вокруг концепции "Русского мира", культурного и цивилизационного пространства, охватывающего всех этнических русских и русскоязычных, независимо от их гражданства. Народ Крыма, большинство из которого являются этническими русскими и русскоязычными, есть часть этого "Русского мира", а их включение в состав России является воссоединением.

Это было дополнительно подкреплено использованием исторической символики. Подписание договора о присоединении состоялось в Георгиевском зале Кремля, месте, связанном с воинской славой России. Дата подписания договора о вхождении полуострова в состав РФ 18 марта, находится также в примерных числах, когда Российская империя официально присоединила Крым 8 апреля в 1783 году. Эти символические жесты помогли

связать присоединение Крыма в 2014 году с историческим нарративом России, тем самым узаконив ее в глазах многих россиян.

Данное событие повсеместно транслируется как важнейшее в контексте защиты национальных российских интересов и ценностей в противовес западным посягательствам на суверенитет и независимость России. Этот рассказ нашел отклик у многих россиян, которые относятся к Западу с подозрением и считают, что Россия находится в осаде со стороны западных держав. СМИ сыграли значительную роль в формировании общественного мнения, представляя присоединение как триумф и возвращение к славе прошлого. Этот нарратив был в значительной степени успешным, и многие россияне рассматривают присоединение Крыма как источник национальной гордости.

Так, на момент 2017 года присоединение Крыма в чувстве гордости за историческое событие среди россиян перегнало даже ведущую роль страны в освоении космоса 43% к 41%, заняв вторую позицию после Великой Отечественной войны (83%). Впоследствии, данный показатель уменьшился и на 2020 год до сих пор уверенно занимала третью позицию²⁹⁹.

Если рассматривать два после опроса за 2021 и 2023 год о вопросе присоединения Крыма к РФ, то 48% и 56% соответственно, большинство из опрошенных испытывают чувство гордости за свою страну, также меньшинство 15% и 14% соответственно ощущают восхищение от принятия Крыма в состав РФ. В целом, положительное отношение о вхождении полуострова заявили 81% (из них абсолютно положительно 46%) и 85% (из них абсолютно положительно 67%). При этом стоит выделить один пункт в опросе 2021 года: 82% россиян считают, что благодаря присоединению Крыма Россия смогла отстоять свои национальные интересы на международной арене³⁰⁰.

Признание ЛНР и ДНР и воссоединение Крыма с Россией, а также в нашем контексте мы можем упоминать и строительство Крымского моста – эти два пункта набрали по 17% (34% в сумме) среди 53% опрошенных, кто смог назвать самые значительные события для России за последние 10-15 лет³⁰¹. В прочих опросах за последние 5 лет со схожей постановкой вопроса изучаемое событие занимает первую строчку.

Можно наглядно почувствовать разницу за эти несколько лет и сделать вывод, что со временем у российского народа с каждым годом укореняется данный нарратив и с каждым годом вызывает более положительные эмоции. Наблюдаются даже непрямые показатели, которые подтверждают значимость

---

²⁹⁹ Наталья Д. Возврат Крыма обошел освоение космоса среди поводов для гордости россиян // РБК: информационное агентство. 01.03.2017. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/03/2017/58b67d1b9a7947cf2fca6412> (дата обращения: 18.02.2024).

³⁰⁰ Крым: 9 лет дома. Через девять лет после воссоединения с Крымом и Севастополем россияне уверены: все было не зря // АО ВЦИОМ. 18.03.2023. // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krym-9-let-doma> (дата обращения: 18.02.2024).

³⁰¹ Гордость России. Народ, единство, патриотизм, сила — главные предметы гордости россиян за свою страну // АО ВЦИОМ. 22.03.2023. // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gordost-rossii?ysclid=Isai7ziqpg664753342&cHash=9676daa5844cf71bbf1c9eac68a8325a> (дата обращения: 18.02.2024).

присоединения Крыма для национальной идентификации россиян. Например, уровень патриотизма выросли после 2014 года и постепенно только положительные показатели укреплялись. По сравнению с 16 декабря 2012 годом, когда патриотами себя считали 64%, уже 13 апреля 2014 года как раз недавно после присоединения Крыма таковыми себя считают уже 75%. При этом исследователями отмечается, что после присоединение полуострова эти результаты значительно повысились, по сравнению с прошлыми годами, когда эти показатели отличались в полтора раза.³⁰²

В заключении, стоит сказать, что в 2000-м и в 2007-м также наблюдались качественные скачки патриотизма в связи в первом случаи появление амбиционного главы государства и успех «чеченской кампании», а во втором случаи надежды на светлое будущее на фоне экономического роста. Однако, 2015-й выделяется резко из них превосходством по данным показателям. Возвращение Крыма стала чуть ли ни единственным событием в современной истории, которое уже на протяжении долгого времени является неотъемлемой частью российской национальной идентичности, что можно по сути объяснить, что для русского человека всегда фактор родной земли был определяющим в понимании коллективного «мы» (тому подтверждение актуальная острота вопроса на границе с Китаем и Курильские острова).

Шевченко А.В. (Москва, ИПНБ РАНХиГС)

КАК ПРИМИРИТЬ АНТАГОНИСТОВ: ТРИАДИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ПРОТИВ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ

Основной тезис. *Восстановление устойчивости политической системы в активной фазе постбифуркационного периода (бинарная оппозиция в теории синергетики и гомеостатики), возможна лишь при наличии третьего, примиряющего антагонистов, элемента. Такой элемент возникает в триадической структуре организации властных отношений.*

Интерес к триадической модели познания в русской и российской науке обусловлен ее ментальностью - востребованностью консенсуса и компромисса, непрекращающимся поиском инструмента наблюдаемости общественной и государственной системы с целью определения погрешностей ее развития и управления этими погрешностями (при этом всегда будет жестко стоять вопрос о мере самоорганизации и организации, поскольку всегда будет искус обращения к бинарной парадигме).

Как утверждает теория тернарных структур, «различение признаков, сторон, аспектов не должно переходить в разделение, уничтожающее целостность. Чрезмерный анализ губителен для триад. Триада больше

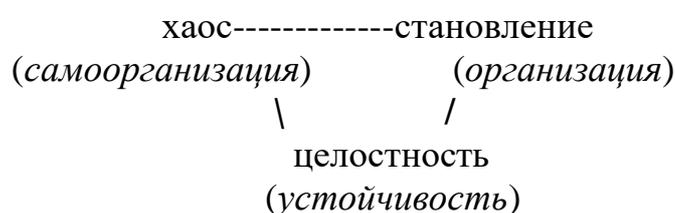
³⁰² Гордость за страну и народ // АНО «Левада-Центр» *. 21.12.2017. // URL: <https://www.levada.ru/2017/12/21/17311/> (дата обращения: 18.02.2024).

*АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

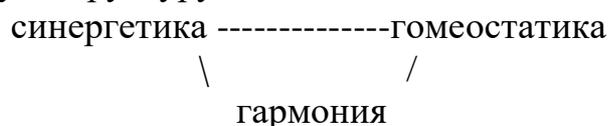
сопоставляет, соединяет, сращивает, чем противопоставляет, расщепляет, отталкивает»¹.

Триада определяется как «единство, образуемое тремя предметами, понятиями, частями или членами»² или - «совокупность из трех элементов, каким-то образом связанных между собой»³. Кроме бинарной и тернарной структур, наиболее распространенных в исследовательской практике, используются структуры и более общего порядка: тетрады и пентады. Триады – простейшие из всех, обладающие, в отличие от последних, универсальной семантической формулой, выражающей архетип целостности, устойчивости. Выделяют три типа триад: *линейные* (одномерные); *переходные* (гегелевские), *системные* (целостные) – их единство создается «тремя элементами одного уровня, каждый из которых может служить мерой совмещения двух других»⁴.

Принцип построения триадической структуры как семантической формулы (по Баранцеву) таков: в первом ряду представлено доминирующее аналитическое начало (рацио), во втором – качество (эмоцио), в третьем – субстанциальность (интуицио). Таким образом выражается состояние устойчивости системной триады, используемой для описания универсальной триадической структуры познания. Совокупность конкретных понятий, собранных с целью образования триадической структуры, будем называть *конвентом* (от лат. *conventus* – соглашение). Так, семантическая формула образования политической системы может быть представлена конвентом «хаос – становление – целостность»:

Семантическая формула целостного подхода к устойчивой политической системе выражена конвентом «синергетика – гомеостатика - гармония» и имеет триадическую структуру:

При этом гармония понимается как согласованность, соразмерность, как колебательное движение относительно постоянного уровня (гомеокинез).

Триадические структуры зарождаются в диадической парадигме, поэтому третий элемент возникает как «изменение количества относительно постоянного уровня качества, и изменение качества относительно постоянного уровня количества»¹. Это вопрос меры: меры компромисса в бинарной оппозиции, поэтому необходим поиск такого элемента, который соответствует процессу аттрактивности в синергетике или «склеиванию» гомеостатов в гомеостатике. Задача определения меры и ее фиксации – одна из серьезнейших, не имеющих однозначного решения в политической философии и практике. Количественная характеристика триадической структуры представлена Р.Г. Баранцевым на примере формулы

асимптотической математики (раздел науки о неограниченных приближениях) конвентом: «точность – локальность - простота», предполагающем оптимальное сочетание простоты и точности через эффективное их сближение по мере локализации.

Триадическая структура функционирует следующим образом: каждая пара элементов находится в соотношении дополнительности и в процессе изменения проявляет синергетический эффект, а третий элемент задает меру совместимости, что соответствует процессу управляемой самоорганизации. Триадический подход предлагает несколько вариантов выбора третьего элемента, определяющего направления к целостности и реализуемых методом замыкания бинарной структуры с помощью недостающего элемента до целостной триады. В соответствии с целью это может быть: 1) аналитический подход (в диаде - бинарной оппозиции или паре антагонистов - не содержится рационального элемента); 2) качественный подход (диады с выраженным отторжением дополнения); 3) субстанциальный подход (все компоненты триады тяготеют к одной стороне мышления, что говорит о необходимости дополнения конвента триадами, выходящими на более высокий уровень.

Фундаментальный смысл тернарной структуры – знание о наличии возможности выбора, это инструмент прогноза и проектирования в самых разных областях науки и социальной практики. Тринитарный подход открывает новые возможности выявления природы властных отношений в условиях постиндустриального общества, усиливающего информационно-коммуникативные факторы их формирования, развития и реализации.

Шикоряк А.А. (Москва, ИОН РАНХиГС)

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

На современном этапе одной из доминант развития государства является повышение роли цифровых технологий в аспекте повышения коммуникативных возможностей. Цифровые технологии активно продолжают внедряться в систему государственного управления, тем самым, создавая новые эффективные инструменты взаимодействия органов публичной власти, граждан и различных коммерческих структур. Цифровая зрелость является одним из основополагающих показателей готовности государства внедрять цифровые решения в свои процессы. Под воздействием цифровизации трансформируются процесс реализации полномочий органов публичной власти, порядок и принципы их взаимодействия друг с другом, гражданами и организациями; возникают новые формы контрольно-надзорных мероприятий, виды государственных услуг.

Вопрос разработки Федерального проекта «Государство для людей» (2021 г.), а затем и соответствующего стандарта (2022 г.) стоял достаточно долго, а ряд научных работ были направлены на то, что одним из решений проблем межведомственного взаимодействия, может быть, внедрение цифровых технологий. В своей основе Стандарт (при разработке и утверждении) имел основной миссией разработку инструментария, позволяющего получать обратную связь, посредством которой будут определяться меры государственной поддержки бизнеса и населения.

Исходя из того, что публичная политика направлена на удовлетворение потребностей и интересов граждан страны, определяются и факторы, которые направлены на обеспечение качественного функционирования органов публичности власти. Для последнего необходимо наличие фактора прозрачности власти, ориентации на решение проблем и удовлетворение потребностей населения, соответствие современным высокоэффективным требованиям.

Сквозную межведомственную цифровизацию процессов и создание комплексной инфраструктуры, как для предоставления государственных услуг, так и для обеспечения деятельности государственного управления предусматривает концепция «Государство как платформа». М.С. Шклярчук очень подробно дает трактовку того, что подразумевается под самой концепцией «Государство как платформа», а именно исследователь говорит о том, что следует здесь видеть два понимания:

- во-первых, это касается технологических и управленческих решений, то есть практическое понимание реализации данной концепции. Практическое понимание – есть функция платформы, которая как технологический комплекс становится посредником между гражданами и государством. Между данными граждан и данными, которое предоставляет государство, существует посредник в лице различных государственных органов. И даже более того, со временем количество данных увеличилось и гражданам приходится не просто взаимодействовать с госорганами, а выполнять отчасти их функции в нахождении и предоставлении данных. Для решения именно этой проблемы – снятия с граждан функций, которые в большей части должны выполнять госорганы, есть необходимость в реализации и внедрении платформы.

- во-вторых, метафорическое понимание платформы. Именно метафорическое понимание платформы позволяет обратить внимание не на технологические и управленческие решения, а на этический аспект, связанный с взаимодействием. В данном случае речь идет о предоставлении гражданам не только услуги, но и прав и гарантий³⁰³.

Вопрос внедрения цифровых технологий в условиях реализации межведомственного взаимодействия в последние годы получил значительное освещение в научных работах, а также нашел отражение в нормативно-правовых актах. Опираясь на теоретическое освещение данной темы и тенденций, которые уже существуют возможность проследить, можно

---

³⁰³ Государство как платформа / под ред. М.С. Шклярчук. М.: РХАНХиГС, 2019.

определить и некоторые тренды в аспекте цифровых технологий в системе публичной власти. Одним из трендов последних лет, который также будет развиваться и в дальнейшем – решение вопросов кибербезопасности. Это обусловлено тем, что огромные массивы информации и данных, на которых функционируют технологии, не только не уменьшаются, но и будут постоянно расти, что, собственно, требуют и сами цифровые технологии. Второй важнейшей для граждан проблемой цифровых технологий при межведомственном взаимодействии в системе публичной власти является обеспечение прав человека в цифровом мире. Еще одним вопросом является и трансформация социальных отношений, которые претерпели изменения в связи с заменой «живого» взаимодействия на его виртуальный формат.

Таким образом, современный этап развития системы государственного управления характеризуется активной трансформацией ее механизмов, что является следствием повсеместного цифрового развития. Данный процесс будет трудоемким и длительным, поскольку изменениям подвергаются различные сферы деятельности государственного управления. Однако, так или иначе, задачей органов власти остается коммуникация и взаимодействие с гражданами страны вне зависимости от его формата, а включение в данное взаимодействие цифровых технологий заставляет разрабатывать и реализовывать новые инструменты, позволяющие не нарушить необходимую коммуникацию.

Шилова Н.В. (Москва, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МВШСЭН)

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС, ИСПОРТИВШИЙ НЕ ТОЛЬКО МОСКВИЧЕЙ: ДИСКУССИЯ О РЫНКЕ, ДОСТУПНОМ ЖИЛЬЕ И ДОХОДНОМ НЕРАВЕНСТВЕ

Приватизация жилья, развернувшаяся в России в постперестроечное время, имела своей целью создать рынок жилья с его свободной покупкой и продажей, что помогло бы задействовать “невидимую руку” рынка в распределении ресурса в направлении наиболее эффективных собственников. Кроме того, считалось, что частный собственник будет стремиться сохранять стоимость своего актива, проводя ремонты и улучшения. В такой парадигме жилье рассматривалось как товар - потребительский и инвестиционный - и экономическая логика требовала предоставить возможность потребителям свободно продавать и покупать его. И, действительно, рынок заработал, исчезли сложнейшие схемы обмена жилья, существовавшие в СССР, со временем появились девелоперские компании, увидевшие новые бизнес-возможности на растущем рынке. Нельзя не отметить, что суммарное благосостояние общества, если говорить в экономических терминах, несомненно возросло (Бессонова, 1993).

Однако в отличие от стран, в которых право собственности на жилье имеет многовековую историю, а с ним столь долгую историю имеет и

дискуссия о том, как особенности рынка жилья должны быть учтены в программах по борьбе с неравенством и с бедностью, в программах устойчивого экономического развития, - в России эта дискуссия только зарождается, и пока такие программы предлагают только простые и малоэффективные решения.

Жилье как недвижимый товар и жилье как неотъемлемое право (см., например, Конституцию РФ, ст. 40 и Всеобщую декларацию прав человека, ст.12) входят в противоречие, как только преобладающей становится хотя бы одна из концепций - либо свободного частного рынка жилья, либо демонтаж рыночных механизмов и введения механизмов его централизованного распределения.

На свободном рынке цена жилья есть функция не только от площади и комнатности, но и от множества индивидуальных его параметров - среди них местоположения, расположения относительно, например, заводов или парков, транспортной доступности, природного окружения, состава соседей, класса здания и даже чувства связи с местом, но, самое важное, - земли под жильем, что дает возможность получения потока доходов за ее пользование – ренты. Приватизация, передав в собственность людей жилье, сразу же закрепила между ними неравное положение в силу абсолютно разного, индивидуального характера приватизированного жилья. Это неравенство в ходе рыночных взаимодействий только усиливается. Российские реформы, казалось, были основаны на опыте городских политик таких стран, как Великобритания и США, некоторых западноевропейских стран. Казалось, что наблюдаемый рост и улучшение качества жизни в 1960-х гг. есть результат дерегулирования, однако это было следствием жестких мер и усиления роли государства, а уже в следующие десятилетия ослабление государственного вмешательства привело к таким негативным явлениям, как рост общественных затрат в результате разрастания городов. Дискуссия в Западном мире продолжалась, обрстая примерами. В Японии 1980 – 90 х годов, США, Испании и Ирландии в преддверии финансового кризиса 2008 года рост жилищного строительства сопровождался стремительным взлетом цен, и все это было как раз следствием ослабления норм планирования и субсидированием государством ипотек. Вопреки обывательской логике, увеличение объемов жилья никак не способствовало снижению цен и снижению неравенства. Дело в том, что рента, входящая в стоимость жилья, имеет инвестиционную природу - на росте рынка она привлекает все больше и больше инвесторов, покупающих не жилье, а спекулятивный товар - товар, который покупают в надежде на рост его стоимости для последующей перепродажи. Именно поэтому экономисты перегрев на рынке жилья часто называют “пузырем” - по аналогии с биржевыми пузырями, имеющими ту же природу.

Именно эту ситуацию мы видели в России в последние годы. Различные программы государственного субсидирования ипотеки были нацелены на расширение предложения жилья именно для свободного рынка. В 2019-2020

гг. На это было выделено 89 млрд.руб³⁰⁴., к 2024-26 г. эта цифра должна вырасти до 1 трлн.руб³⁰⁵. Цены на квартиры за последние пять лет в городах-миллионниках выросли в среднем на 30-50%³⁰⁶ и продолжают расти. Пригороды застроились низколиквидным жильем. Только В 2023 году в России было продано порядка 3,8 млн жилых помещений (из них 1 млн - частные дома) на рекордные 18 трлн. рублей, что соответствует 11% ВВП страны³⁰⁷. Квартиры прибывали в 3 раза быстрее, чем рождались дети.

Согласно нашим расчетам по данным Росстат, только верхний доходный квинтиль домохозяйств в России может позволить себе оплачивать ипотеку, не говоря уже о покупке полностью на собственные средства. В результате мы начинаем видеть картину, которая давно известна в Западных странах - резкое расслоение, когда очень узкий слой населения скупает по несколько квартир, а большая доля не может это себе позволить. По данным Росстат, только 5,5% домохозяйств, имеющих в собственности жилье (таких около 80%) имеют более одной квартиры в собственности³⁰⁸. К сожалению, российская статистика не дает информацию о том, какая доля из этих квартир была унаследована, а какая - приобретена на собственные или заемные средства. Однако такая статистика есть, например, для Израиля - 26% домохозяйств верхнего квинтиля являются владельцами более чем двух квартир, 10% - четвертого, 5% - третьего, 2% - второго и только 0,5% первого (нижнего) квинтиля³⁰⁹.

В настоящем докладе обсуждается, во-первых, ряд экономических способов (политик), направленных на снижение уровня коммодификации жилья и повышение уровня самоорганизации при производстве и владении жильем (Holm, 2013), то есть конкретных мер, ограничивающих варианты владения жильем, которые позволяют использовать жилье в качестве товара (Balmer, Vernet, 2015, Мельникова, 2020), но при этом не уничтожают рынок. Во-вторых, представлены способы оценки мер государственной политики через использование различных подходов к оценке доступности жилья, поскольку как борьба с бедностью, так и борьба с неравенством вполне могут осуществляться, в частности, и в рамках жилищной политики (Шилова, 2023).

---

³⁰⁴Счетная Палата РФ // URL: <https://ach.gov.ru/checks/12953?highlight-search-result=ИПОТЕК>

³⁰⁵РБК со ссылкой на Дом.рф // URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/01/2024/65b3a22d9a79478b51c53f7c>

³⁰⁶PRFlat со ссылкой на SRG // URL: <https://pr-flat.ru/news/kak-vyrosli-tseny-na-nedvizhimost-v-rossii-za-poslednie-5-let/>

³⁰⁷TDViser // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Недвижимость_%28рынок_России%29

³⁰⁸Росстат, https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/kn-ujn/tab1.html

³⁰⁹IMF со ссылкой на Центральное Статистическое Бюро Израиля // URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2017/04/19/na042517-israel-housings-too-tight-to-mention>

Шумкин А.В. (Москва, ИОН РАНХиГС)
**СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ГЕГЕМОНИИ США:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Последние годы в отечественной политологии становится все более популярной тема кризиса гегемонии США над миром. Следует отметить, что наши коллеги не скупятся на то, чтобы придать этой проблеме красочности, зачастую не заботясь о верификации данных, на которых они основывают свои выводы. Благодаря этому они порой теряют из виду тот факт, что задолго до них эту мысль высказал американский классик политической науки И. Валлерстайн. Но чтобы понять, какой смысл вкладывал в это понятие Валлерстайн и в какой мере его прогнозы сбываются в современном мире, необходимо рассмотреть данный вопрос сквозь призму экономической теории. А ради этого целесообразно, прежде всего, разобраться во взаимосвязи двух дисциплин – политологии и экономики.

Попробуем сначала взглянуть на то, как структурировалось современное научное знание на разных этапах своего развития. Область познания была единым неделимым пространством до тех пор, пока в конце XVIII века не начала складываться современная университетская система. Размежевание дисциплин происходило благодаря выделению в структуре университетов учебных кафедр. Возникновение в сфере общественных наук самостоятельных политологии, экономики и социологии было связано с идеологией либерализма, согласно которой для современности характерно выделение трех социальных сфер: государство, рынок и гражданское общество. Между тем другая идеология, переживавшая своё становление в XIX веке (социализм), всегда отрицала целесообразность такого деления. В ответ консерваторы и приверженцы либерализма любили упрекать социалистов в склонности искать корни всех событий в экономике. Но этот упрек объясняется лишь материалистической философией, принятой на вооружение главным идеологом социализма К. Марксом. Благодаря ей марксисты всегда старались найти материалистическое объяснение тех или иных социальных явлений. И, разумеется, экономику из других общественных наук всегда выделяла именно её чрезвычайно тесная связь с материальной культурой, которая так сильно сближает её с естественными науками.

Важнейшим теоретическим достижением К. Маркса была концепция глобализации, которую он сформулировал в результате наблюдения за товарными потоками, циркулировавшими в середине XIX века между Британской империей и остальными странами. Эти представления о мире, как о единой системе, были затем развиты Р. Люксембург и переняты историком Ф. Броделем, который проследил историю образования мирового рынка вплоть до XVI столетия. По стопам Броделя шли исследователи-неомарксисты, основавшие так называемую школу миросистемного анализа. Среди них следует упомянуть А. Г. Франка, С. Амина, Дж. Арриги, Т. дус Сантуса, и, конечно же, И. Валлерстайна. С одной стороны, эти исследователи, в общем-то, продолжили традицию Маркса, опираясь на разные области

научного знания. С другой же стороны предпосылки к созданию миросистемной теории кроются в завершении Второй мировой войны, в результате которой США удалось завоевать контроль над мировым рынком, последовавшем крахе колониальной системы и разрушении устоявшейся с XIX века стратификации мира.

Используя экономические методы, Ф. Бродель показал, что уровень развития материальной культуры (цивилизации), в значительной степени зависит от плотности населения той или иной страны. В частности, он смог по доступным документам отследить динамику демографии двух древних очагов человеческой культуры – Европы и Китая. Они и стали для него двумя основными ориентирами при оценке миронаселения. Бродель показал, что на протяжении большей части известной нам истории они сохраняли примерный паритет (техническое и военное доминирование Европы над остальным миром началось после демографического взрыва и колонизации ею Нового света). Несколько дальше него пошел А.Г. Франк, который попытался проследить центр мировой системы до его перемещения сначала в Европу, а затем в США, и в итоге пришел к выводу, что он многие века находился в Китае. Поэтому наметившийся в XX веке резкий взлет демографии Китая, и последовавший за ним стремительный экономический подъем, осуществляемый руководством КНР за счет умелого использования человеческих ресурсов, Франк расценил как начало возвращения туда центра мировой системы после европейско-североамериканской «интерлюдии».

Иммануил Валлерстайн не брал в расчет демографический фактор, а основывал свои выводы лишь на той структуре мирового центра, которая сложилась к 90-м годам XX века: США – Европа – Япония. Он обратил внимание на то, что именно победа в войне над Германией (экономическим ядром Европы) и Японией и их последующая оккупация позволили США до сих пор сохранять свою позицию оператора мирового рынка. Что касается СССР, который был главной из стран догоняющего развития, то он никогда не был для США равноценным конкурентом в экономической сфере, поэтому так называемая «холодная война» велась американцами именно ради того, чтобы контролировать Европу и Японию, обещая им взамен защиту от советской угрозы. Но распад Советского Союза и завершение текущего цикла Кондратьева создали риск того, что за счет эффективности производства эти два американских клиента попытаются сбросить своего патрона с трона.

Предсказание Валлерстайна начало сбываться совершенно неожиданным для него образом в 2022 г., когда с одной стороны Китай был признан крупнейшей экономикой мира, а с другой вступило в силу заключенное по его инициативе соглашение ВРЭП (АСЕАН+6), учредившее самую большую в мире зону свободной торговли. Впрочем, благодаря своевременно принятым президентом США Джо Байденом мерам по переносу ряда производств из Китая в Америку, Соединенным Штатам уже на следующий год удалось вернуть свою доминирующую экономическую позицию. В конечном счете тезис Валлерстайна о кризисе американской гегемонии над миром является прогнозным и у США пока есть способы

избежать его. И все же можно утверждать, что именно Китай, а не Европа или Япония, первым осмелился бросить вызов американской гегемонии.

Щенина О.Г. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН)
РЕСУРСЫ ТОПОЛОГИИ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Междисциплинарный подход, применяемый в том числе и в процессе изучения сферы политики, позволяет выявить новые грани современного общества и предложить инновационные объяснительные модели политических процессов и явлений. «На стыке последних столетий явно обозначилась тенденция междисциплинарного совмещения научных интересов в виде сложного мышления и междисциплинарного синтеза естественно-научных и социолого-политологических методов»³¹⁰.

В широком смысле междисциплинарность предполагает применение методологии разных наук в контексте научного поиска. Так, в арсенале социально-гуманитарного знания достаточно давно и широко применяются методы исследования математики, естественных наук. Например, топологический ракурс изучения действительности характерен для лингвистики, антропологии, философии, социальной психологии и т.д.

Исследовательский поиск в области политической науки связан с попытками пересмотра существующих теорий и концепций анализа действительности. В настоящее время, на наш взгляд, в науке в целом осуществляются попытки «нащупать» подходы к формулированию инновационных концепций и, возможно, новых парадигм. Очевидно, что это связано с периодом глобальной турбулентности современного мира, когда происходит переоценка ценностей и смыслов, трактовок стремительно изменяющейся реальности.

Вместе с тем востребованность междисциплинарного подхода в разных областях знаний связана и с появлением новой реальности для современного человека – виртуальной. Она практически полностью преобразила нашу жизнь и поставила в повестку дня множество проблем в ракурсе интерпретации новой реальности на основе признания ее дуализма (виртуальной и социальной). Изучение этого принципиально иного пространства в антропологическом ракурсе исследования позволит приблизиться к пониманию сущности происходящих изменений в обществе. Их многоуровневый характер, сложность и динамизм требуют расширения исследовательского спектра для изучения и анализа.

Обращение к ресурсам топологии учеными в области социально-гуманитарного знания связано в том числе и с так называемым «топологическим поворотом» в науке в конце прошлого столетия. Когда «представители самых разных дисциплин все чаще стали говорить о том, что

---

³¹⁰ Политическая наука в поисках нового мышления // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6. № 1. С. 9.

пространство имеет значения для понимания множества социальных и культурных феноменов³¹¹.

Представляется, что применение методологии топологии позволяет расширить диапазон изучения политики на основе дефиниций пространства, форм, времени. Еще в середине XIX века И. Листинг писал: «Под топологией будем понимать учение о модальных отношениях пространственных образов, или о законах связности, взаимного положения и следования точек, линий, поверхностей, тел и их частей или их совокупности в пространстве, независимо от отношений мер и величин»³¹². Пространственный вектор топологии позволяет приблизиться к пониманию процессов коммуникаций в политике, выявить новые контуры взаимодействий политических субъектов. Ведь «наиболее проработанным топологическим взглядом в науках о человеке и обществе является пространственный вектор топологии»³¹³.

Многообразие политических отношений, их моделей и конфигураций представляют широкую палитру для исследовательского поиска новых форм в политике.

В заключении следует отметить, что потенциал топологии для применения ее методологии в политической науке значителен и позволяет исследовать на ее основе конфигурации динамично изменяющегося общества.

Almeldeen Neveen (Cairo, Egypt, National Center for Social and Criminological Research)

THE RELATIONSHIP BETWEEN SCIENTIFIC RESEARCH AND POLICY-MAKING PROCESS IN EGYPT

The National Center for Social & Criminological Research (NCSCR) in Egypt exemplifies the indispensable role that rigorous scientific inquiry plays in the formulation of public policies and legislative frameworks. This center serves as an intellectual nexus where empirical data and theoretical paradigms intersect, yielding insights that drive the evolution of legal norms to align with dynamic social exigencies.

The mandate of the NCSCR is inherently multifaceted, spanning the gamut from granular fieldwork within diverse communities to the distillation of nationwide trends in political and social behavior. Its research methodologies, whether qualitative or quantitative in nature, are meticulously designed to surface the undercurrents shaping Egyptian society. In this context, the role of the NCSCR can be segmented into several key domains:

---

³¹¹ Шалаева А.В. О трансформации понятия пространства в гуманитарных дисциплинах в контексте *topologische Wende* // Труды БГТУ. 2016. № 5. С. 129.

³¹² Листинг И.Б. Предварительные исследования по топологии. М.-Л.: Гостехиздат. 1932. С. 35.

³¹³ Заякина Р.А. Генезис топологических воззрений в сетевом подходе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 125.

1. «Evidence Synthesis and Policy Formulation»: The NCSCR stands as an evidence synthesizer, aggregating data and translating it into actionable policy recommendations. Its studies, often longitudinal in nature, provide a temporal perspective on the social issues it examines, affording policymakers the advantage of hindsight in conjunction with predictive analytics for prospective policymaking.

2. «Legal and Social Experimentation»: Groundbreaking research conducted by the NCSCR, such as the seminal works on personal status and family law, serve as social experiments that gauge the efficacy of existing legislative frameworks and inform the construction of new statutes. Such initiatives underscore the lab-to-legislation pipeline, where the experimental findings of today seed the legal reforms of tomorrow.

3. «Legislative Impact Assessment»: The NCSCR's contributions in assessing the impact of legislation, such as its in-depth analyses on human trafficking, provide a bedrock for evidence-based legislative amendments. These contributions are particularly critical in areas of law where societal values and human rights intersect, necessitating a nuanced approach to law-making that is informed by empirical evidence and ethical considerations.

4. «Societal Challenge Addressing»: Through its comprehensive research agenda, the NCSCR elucidates the multifarious challenges that face Egypt, such as illegal migration. By dissecting these complex phenomena into their constituent elements, the NCSCR equips lawmakers with a robust knowledge base for crafting targeted interventions.

5. «Policy Prioritization and Agenda Setting»: The NCSCR's research plays a pivotal role in highlighting pressing issues that warrant immediate governmental attention, thereby shaping the policy agenda. By uncovering trends and under-reported issues, such as the nuances of urbanization, the NCSCR acts as a bellwether, guiding the allocation of state resources towards areas of critical need.

6. «Regulatory Framework Development»: The insights generated by the NCSCR feed directly into the legislative process, informing the drafting, revision, and repeal of laws across a spectrum of sectors. This alignment of research with regulatory development ensures that laws in Egypt are not only reactive to current issues but are also proactive in their anticipation of future societal shifts.

7. «Monitoring, Evaluation, and Policy Adjustment»: Post-implementation analysis of policies is an essential function of the NCSCR, providing a feedback loop for the government to understand the on-the-ground impact of its policies. This ongoing process of monitoring and evaluation facilitates continual refinement of the legislative landscape.

8. «Capacity Building and Stakeholder Collaboration»: The NCSCR's role transcends mere research; it also encompasses capacity building for researchers and fostering collaborations among various stakeholders. Such efforts not only enhance the research outputs but also ensure a multiplicity of perspectives are considered in the policy-making discourse.

In sum, the NCSCR operates as a crucible within which the raw ores of data are refined into the gold of policy. Its methodological rigor, interdisciplinary focus, and sustained engagement with the practicalities of governance render it an

invaluable asset in the crafting of laws that are not only reflective of Egypt's current social realities but are also anticipative of its future needs. The NCSCR's *modus operandi*, characterized by a robust interface between research and policy, sets a precedent for how scientific centers can substantively contribute to the legal and social advancement of nations.